

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

2019 г., том 26, № 1

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ

Рынков В.М. Правительственная агрономия в Сибири (1892–1917 гг.): достижения и просчеты.	5
Лапердин В.Б. Аграрное освоение северных районов Западно-Сибирского края во второй половине 1930-х гг.	11
Ильиных В.А. Внедрение паротравополья в Сибири во второй половине 1930-х гг.	17
Андреев С.Н. Развитие агротехники в 1945–1965 гг. в Сибири.	23
Пивоваров Н.Ю. Зерновой кризис 1963 г. в СССР и внешнеторговые коллизии его разрешения.	28
Кедров Н.Г. Николай Яковлевич Гущин в дискуссиях о коллективизации 1960–1990-х гг. (II)	34

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Дилигул Е.С., Поляков И.А. Келейный сборник тихвинского архимандрита Ионы Баранова как памятник монастырской книжности XVII в.	40
Матханова Н.П., Родигина Н.Н. Всеподданнейшие отчеты как источник для изучения представлений сибирских генерал-губернаторов второй половины XIX столетия о регионе	45
Плотников Д.Ю. От Кёпрукёя к Кёниггрецу: управление войсками в кавказскую кампанию 1855 г. в контексте развития военного искусства.	52
Румянцев П.П. Прекращение жандармского надзора за частной золотопромышленностью в Сибири в 80-е гг. XIX в.	57
Антонов Е.П., Антонова В.Н. Деятельность якутского национал-коммуниста С.В. Васильева в контексте отношений центральной и региональной политических элит	63
Расколец В.В. Организация и деятельность естественно-исторического отдела Института исследования Сибири (1919–1920 гг.).	69
Кайзер П. «Эта идиотская беспечность еще далеко не разгромлена» Генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ А.В. Косарев и начало массовых репрессий в комсомоле в 1937 г.	74
Клинова М.А., Трофимов А.В. «Установить строжайший контроль за сохранностью социалистической собственности»: кампания по борьбе с хищениями во второй половине 1940-х гг.	82
Славина Л.Н. Смертность от внешних воздействий в восточносибирской деревне (конец 1950-х – начало 1990-х гг.)	87
Жетпысбаев С.К. Демографическая ситуация в Казахстане: фактор стабильности и единства народа Казахстана	94
Куперштох Н.А. Сотрудничество ученых Сибирского отделения РАН и Национальной академии наук Беларуси в 1990–2000-е гг.	99
Запорожченко Г.М., Покровский Н.Н. Музей науки и техники Сибирского отделения РАН в социокультурном пространстве новосибирского Академгородка	105

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Шиловский М.В. Рец. на кн.: Островский Л. К. Поляки в Западной Сибири в конце XIX – первой четверти XX века. 2-е изд. испр. и доп. – СПб.: Алетейя, 2018. – 488 с. – (Польско-сибирская библиотека)	111
Любимова Г.В. Антропология сибирской тыловой деревни в исследованиях алтайских историков: новые технологии, подходы и методы	114
К 70-летию со дня рождения Владимира Александровича Зверева	117

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН, профессор *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), д-р ист. наук, профессор *Е.Т. Артемов* (Екатеринбург), чл.-кор. РАН *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), академик РАН, профессор *А.П. Деревянко* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В. Дённингхаус* (Германия), д-р ист. наук, д-р ист. наук *Н.З. Зайц* (Словения), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *О.Н. Катионов* (Новосибирск), доктор *К. Мацузато* (Саппоро, Япония), академик, профессор РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск), доктор *А. Патнаик* (Нью-Дели, Индия), чл.-кор. РАН *А.В. Сиренов* (Санкт-Петербург), д-р ист. наук, профессор *Е.Б. Сыдыков* (Астана, Республика Казахстан), д-р ист. наук, профессор *Н.А. Томилов* (Омск), доктор, профессор *С. Чаттерджи* (Калькутта, Индия), профессор *С. Чулуун* (Монголия), д-р ист. наук, профессор *М.В. Шиловский* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В.И. Шишкин*, д-р ист. наук *А.Х. Элерт* (Новосибирск), д-р философии *М. Юнге* (Германия)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *В.А. Ильиных*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреенков*

Канд. ист. наук *Д.А. Ананьев*, д-р ист. наук *И.В. Быстрова*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, канд. ист. наук *Н.А. Куперитох*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *И.В. Лизунова*, д-р ист. наук *А.Ю. Майничева*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, д-р ист. наук *Н.Н. Родигина*, канд. ист. наук *В.М. Рынков* (зам. гл. редактора), канд. ист. наук *А.И. Савин*, д-р ист. наук *О.Н. Шелегина*, д-р филол. наук *Е.М. Юхименко*

Адрес редакции: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 301, тел. (7-383) 330-24-31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 17.06.93 г. № 0110807

Редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири» признает международные принципы научной публикационной этики и заявляет об отсутствии злоупотреблений служебным положением

Редактор *В.И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *И.П. Гемужева*
Художественный редактор *Е.Н. Сентябова*

Выход в свет 29.03.19. Формат 60×84 1/8. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 15,0. Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 500 экз. Цена свободная. Заказ № 28.

Адрес издательства и типографии:
630090 Новосибирск, Морской проспект, 2. Издательство Сибирского отделения Российской академии наук

**Russian Academy of Sciences
Siberian Branch
HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA**

2019, vol. 26, N 1

CONTENTS

PROBLEMS OF AGRICULTURAL HISTORY

Rynkov V.M. Governmental agronomy in Siberia (1892–1917): achievements and failures	5
Laperdin V.B. Agricultural development of West Siberian northern regions in the second half of 1930s.	11
Il'inykh V. A. Introducing the grass-fallow rotation system in Siberia in the late 1930s.	17
Andreenkov S.N. The agricultural technology development in 1945-1965 in Siberia	23
Pivovarov N.Yu. The USSR grain crisis of 1963 and foreign trade collisions of its resolution.	28
Kedrov N.G. Nickolay Guschin in the discussions about collectivization of 1960s – 1990s (II)	34

NATIONAL HISTORY

Diligul E.S., Polyakov I.A. A cell collection by Iona Baranov, Tikhvin Archimandrite, as a monument of monastic literature of the XVII century.	40
Matkhanova N.P., Rodigina N.N. Loyal reports as a source to study Siberian General-Governors' views on the region in the second half of the XIX century	45
Plotnikov D.Yu. From Köprüköy to Königgrätz: command and control in 1855 Caucasian Campaign in the context of the military art evolution.	52
Rumyantsev P.P. The termination of gendarme supervision of private gold mining industry in Siberia in the 1880s.	57
Antonov E.P., Antonova V.N. Activities of Stepan Vasilyevich Vasilyev, a Yakut national communist, in the context of the central and regional political elite relations	63
Raskolets V.V. Organization and activities of the natural history Department of the Institute for the study of Siberia (1919-1920)	69
Kaiser P. „This idiotic carelessness has not yet been definitely eradicated“. A.V. Kosarev, the General Secretary of the Komsomol Central Committee, and mass repressions beginning in the Communist youth league in 1937	74
Klimova M.A., Trofimov A.V. «Establish strict control over the safety of socialist property»: campaign against embezzlements in the second half of the 1940-s.	82
Slavina L.N. Mortality External Causes in Eastern Siberia countries (late 1950s – early 1990s)	87
Zhetpysbayev S.K. Demographic situation in Kazakhstan: the factor of stability and unity of the people of Kazakhst.	94
Kupershtokh N.A. Research cooperation of Scientists of the Siberian Branch of the RAS and the National Academy of Sciences of Belarus in 1990–2000s.	99
Zaporozhchenko G.M., Pokrovsky N.N. Museum of Science and Technology of Siberian Branch of RAS in socio-cultural space of Novosibirsk Akademgorodok.	105

ACADEMIC LIFE

Shilovsky M.V. Book rev.: Ostrovsky L. K. Poles in Western Siberia in the late XIX – early XX centuries. 2nd ed. St. Petersburg, Aleteiya, 2018. 488 p. (Polish-Siberian library)	111
Lyubimova G.V. Anthropology of the Siberian rear village in studies of Altai historians: new technologies, approaches and methods. Review of publication series presented in the project frameworks: The culture of life support of rural Russian population in South-West Siberia during the Great Patriotic War: traditions and innovations (RFBR, № 15-31-01019-FIRE, head T. I. Shcheglov)	114
To the 70 th anniversary of Vladimir Alexandrovich Zverev	117

**ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC JOURNAL
“GUMANITARNYIE NAUKI V SIBIRI”
 (“HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA”)**

Published since January 1994
Publication frequency: 4 issues per year

**Founders: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences**

EDITORIAL COUNCIL

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *V.A. Lamin* (Chairman of the Board, Novosibirsk), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.V. Alekseyev* (Yekaterinburg), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye.T. Artyomov* (Yekaterinburg), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *B.V. Bazarov* (Ulan-Ude), Professor *S. Chuluun* (Mongolia), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *A.P. Derevyanko* (Novosibirsk), Doctor, Professor *V. Döninghaus* (Germany), Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Doctor *M. Junge* (Germany), Professor *O.N. Kationov* (Novosibirsk), Doctor, Professor *K. Matsuzato* (Sapporo, Japan), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.I. Molodin* (Novosibirsk), Doctor, Professor *A. Patnaik* (New Dehli, India), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *A.V. Sirenov* (St. Petersburg), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye. B. Sydykov* (Astana, Republic of Kazakhstan), Doctor of historical Sciences, Professor *N.A. Tomilov* (Omsk), Doctor *S. Chatterjee* (Kolkata, India), Doctor of historical Sciences, Professor *M.V. Shilovskiy* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Shishkin* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences *A.Kh. Elert* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences *N.Z. Zajc* (Slovenia)

EDITORIAL BOARD

Chief editor – Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh*
Executive secretary – Candidate of historical Sciences *S.N. Andreenkov*

Candidate of historical Sciences *D.A. Ananyev*, Doctor of historical Sciences *I.V. Bystrova*, Doctor of historical Sciences, Professor *N.S. Guryanova* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Zverev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Isaev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Isupov*, Candidate of historical Sciences *N.A. Kupershtokh*, Doctor of historical Sciences *L.V. Kuras*, Doctor of historical Sciences *I.V. Lizunova*, Doctor of historical Sciences *A.Yu. Maynicheva*, Doctor of historical Sciences *N.P. Mathanova*, Doctor of historical Sciences *S.P. Nesterov*, Doctor of historical Sciences *N.N. Rodigina*, Candidate of historical Sciences *V.M. Rynkov* (deputy chief editor), Candidate of historical Sciences *A.I. Savin*, Doctor of historical Sciences *O.N. Shelegina*, Doctor of philological Sciences *Ye.M. Yukhimenko*

Editorial address: Institute of History, SB RAS, office 301, 8 Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090 Russia
tel. 7-383-330-24-31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Editorial staff manager: Vera I. Smirnova

The Journal is registered by the Ministry of Press and Information of Russian Federation on June 17, 1993, N 0110807

The editorial staff of the Journal “Humanitarian Sciences in Siberia” is committed to the international ethical guidelines for scientific publications and declares that it does not abuse its power.

The Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
2 Morskoy Pr., Novosibirsk, 630090 Russia

ПРОБЛЕМЫ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ

DOI: 10.15372/HSS20190101
УДК 63(571)"1892/1917"

В.М. РЫНКОВ

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ АГРОНОМИЯ В СИБИРИ (1892–1917 гг.): ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОСЧЕТЫ

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье на основе современной историографии и широкого круга источников рассмотрены история создания, динамика развития, основные направления и результаты деятельности правительственной агрономической службы в Сибири. Доказано, что ее численность и финансовое обеспечение росли опережающими темпами. Это позволило сократить отставание от земских губерний России. Проанализированы такие направления деятельности агрономической службы, как борьба с сельскохозяйственными вредителями, создание опытных и показательных хозяйств, пропаганда земледельческих и животноводческих знаний и навыков, распространение сельскохозяйственной техники. Главным результатом стало детальное исследование сельского хозяйства Сибири. Несмотря на высокую активность сибирских агрономических служб, заметного воздействия на уровень развития сельскохозяйственного производства они не оказали.

Ключевые слова: агрономические службы, зерновое производство, животноводство, опытное дело, сельскохозяйственное образование и просвещение.

V.M. RYNKOV

GOVERNMENTAL AGRONOMY IN SIBERIA (1892–1917): ACHIEVEMENTS AND FAILURES

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Rapid rural population growth in Siberia, and mainly agricultural nature of its development prompted rural economy's rationalization. Siberian agronomic services solved the task. The article deals with the history of creation, dynamics of development, main directions and results of governmental agronomy service's activity based on the analysis of Soviet and contemporary Russian historiography, a complex of statistical and reporting data. Established in 1892, the government agronomic service served the needs only of old-settlers' villages. Several separate agronomic organizations appeared in the following years working in the resettlement areas, and Cossack territories. In 1910–1912, the government took steps to consolidate agronomists from different government departments into united governorate and regional organizations. The main activities were pest control, creating experimental and demonstration farms, spreading agricultural knowledge. Statistic data show that human resources and financing of governmental agronomy in Siberia developed faster compared with European part of Russia. This made it possible to address the backlog related to the later establishment of government agronomy. Shortcomings in the work remained, but they were associated with objective factors of huge and sparsely populated Siberian territories. Weak impact on the peasantry was the most important problem of agronomic work. The rational organization of economy did not become the desire of the broad masses of rural population.

Key words: agronomic services, grain production, animal husbandry, experimental farm, agricultural education and enlightenment.

Вадим Маркович Рынков – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: vadvet@list.ru.
Vadim M. Rynkov – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History SB RAS.

Быстрый рост сельского населения Сибири в конце XIX – начале XX в., увеличение площади пахотных земель и поголовья скота привели к росту товарной доли продукции аграрного производства. Правительство рассчитывало за счет Сибири преодолеть кризисные явления в сельском хозяйстве и видело в восточных регионах России огромный потенциал. Поэтому задача интенсификации и рациональной организации сельского хозяйства стала одной из важнейших.

Но решить ее оказалось сложнее, чем в европейской части России, где благодаря работе земств и общественных организаций в пореформенные десятилетия сложились различные агрономические службы и учреждения, действовавшие при непосредственном содействии правительства и в тесной координации с ним. Окрепшая в организационном и финансовом отношениях в конце XIX – начале XX в. правительственная агрономия продолжала и развивала работу, начатую земствами и сельскохозяйственными обществами. В Сибири, как известно, земств не было, а общественное движение практически ограничивалось губернскими городами. Поэтому агрономическую помощь населению могло оказывать только государство. Правительственная агрономическая служба возникла в Сибири достаточно поздно. Она только начинала работу, которую в центре страны правительственные служащие продолжали, опираясь на имевшиеся достижения земской и общественной агрономии.

В советское время данная проблема изучалась достаточно основательно [1, с. 176–179; 2, с. 367–378; 3, с. 179–190]. Л.Ф. Скляр и И.А. Асалханов ввели в научный оборот и проанализировали значительный объем архивных материалов, главным образом отчеты и аналитические документы, свидетельствовавшие о результатах работы агрономических служб в разные периоды. Л.Ф. Скляр отмечал недостаточное финансирование и несогласованность действий агрономического персонала, подчиненного разным ведомствам. И.А. Асалханов привел свидетельства низкой квалификации служащих, подчеркнув их загруженность посторонней работой.

Изучение данной темы продолжилось в постсоветское время. Н.А. Давыденко привела факты, ставящие под сомнение утверждения советских историков о формализме правительственных агрономов и низкой эффективности их деятельности [4]. В своей диссертации она показала многочисленность институтов, через которые агрономические службы с 1890-х гг. оказывали содействие крестьянскому животноводству, оценила их в совокупности как эффективные и способствовавшие прогрессу [5, с. 12–13]. Е.М. Чедурова сделала акцент на научном изучении правительственными агрономами сельского хозяйства Сибири, отметила некоторые результаты практической работы агрономов [6]. Д.В. Кузнецов в кандидатской диссертации проанализировал агрономическую работу в трех уездах Омского Прииртышья, а позже посвятил раздел монографии обстоятельному с опорой на местные архивные материалы анализу истории агрономических служб

Тобольской губернии и Акмолинской области. Он пришел к выводу, что используемые правительством методы вполне отвечали велениям времени, оказывали позитивное воздействие на хозяйство крестьян, казаков и степных кочевников [7; 8, с. 19–20; 9, с. 96–166]. Автор также рассмотрел историю создания объединенной агрономической службы в Сибири в 1911 г. [9, с. 124–127; 10; 11].

Появление правительственной агрономической службы в Сибири связано с голодом 1891/92 г. В том году посевы в степях юга Западной Сибири и Степного края «поела» саранча. После серии исследовательских экспедиций энтомологов и почвоведов губернатор Тобольской губернии предложил учредить должность правительственного агронома. Губернские агрономы появились в 1892 г. в Тобольской, в 1894 г. в Томской, в 1897 г. в Забайкальской и в 1904 г. в Енисейской губерниях.

В 1898 г. агрономическую службу Сибири вывели из подчинения губернаторов и передали в ведение Министерства земледелия и государственных имуществ. С этого времени численность агрономов и инспекторов сельского хозяйства в Сибири стала увеличиваться. Тогда же определились основные направления деятельности агрономических служб. Первым стало создание опытных полей и проведение научных исследований. Поскольку в Сибири правительственная агрономия оказалась делом совершенно новым, то такая «рекогносцировка земель», выяснение способов ведения хозяйства, размера угодий, численности скота и наличия промыслов отнимали много времени и значительные ресурсы немногочисленного на первых порах штата служащих.

Второе направление состояло в пропаганде рациональных способов ведения хозяйства, реализуемых на показательных полях и фермах. Кроме того, крестьянам раздавались улучшенные семена и животные улучшенных пород. Министерству земледелия и государственных имуществ в 1896 г. выделили на организацию сельскохозяйственных складов 10 тыс. руб. Сотрудники складов считали себя частью агрономической службы и проводили демонстрацию техники сибирским крестьянам в рамках общего с агрономами плана. Но с передачей складов в 1900 г. Переселенческому управлению их переориентировали на коммерческую продажу техники. Наконец, еще одним направлением деятельности стало создание и развитие в Сибири сельскохозяйственных учебных заведений. Так появились Тобольская и Томская сельскохозяйственные школы, Беловская молочная школа.

Правительственные агрономы и их подчиненные вели работу только в старожильской деревне. На аналогичные цели в отношении переселенцев Переселенческое управление неоднократно испрашивало кредит. В 1907 г. ему выделили на эти цели 183 тыс. руб., что существенно превысило расходы всей агрономической организации, подчиненной Министерству земледелия и государственных имуществ. Это позволило образовать самостоятельную агрономическую службу, ори-

ентированную на обслуживание нужд переселенцев. В каждом переселенческом районе предполагалось назначить агронома и штат инспекторов. Но в первый год существования переселенческой агрономической службы (1907 г.) на всю Сибирь было всего 35 служащих. Их численность в последующие годы быстро росла, но оставалась всегда недостаточной. Основное внимание переселенческие агрономы уделили изучению колонизируемых территорий. Охватить же огромные, редко заселенные пространства агрономическими мероприятиями в равной степени было невозможно. Даже в губернии с наиболее разветвленным штатом сотрудников – Тобольской – специалисты избрали метод «гнездовой» работы, согласно которому вся губернская организация концентрировала усилия на одном уезде, проводила его полное обследование, создавала сеть опытных и показательных учреждений, а по завершении переключалась на следующий уезд.

Особую агрономическую организацию с 1907 г. имел генерал-губернатор Степного края. Она была небольшой по штату, но включала собственных инспекторов, учебные заведения, опытные поля. Хозяйственные управления Забайкальского и Сибирского казачьих войск также имели в своей структуре агрономические отделы. В Забайкалье такой отдел появился в 1911 г. (с 1903 г. существовала должность областного войскового агронома), в Сибирском войске – с 1912 г. Отделы содержались за счет войсковых средств, однако работу старались вести с учетом общегосударственной и переселенческой агрономии и в одном с ними русле.

Как отмечал Л.Ф. Складов, такая распыленность усилий специалистов усугублялась ведомственной перепиской, в которой тонуло конкретное дело [2, с. 368]. В определенной степени он был прав. Существовавшие проблемы обсуждались в департаменте земледелия. Циркуляром 10 апреля 1910 г. главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин предписал на местах учредить губернские агрономические совещания под председательством губернаторов. Их целью стала выработка мероприятий по агрономии на текущий год и утверждение сметы. В состав совещания входили служащие разных агрономических служб, руководители ведомств губернского уровня, а также представители общественных организаций. 27 ноября 1910 г. А.В. Кривошеин определил обязанности и полномочия губернских агрономических совещаний по выработке единого плана мероприятий и контролю за их выполнением¹. Вопреки мнению Д.В. Кузнецова, съезд деятелей сельского хозяйства, проходивший в Омске 1–2 августа 1911 г., не мог сыграть определяющую роль в объединении агрономических служб [11, с. 62]. Первые губернские совещания прошли в мае 1910 – январе 1911 г., т.е. до съезда.

В историографии создание единой правительственной агрономической организации обычно дати-

руют 1911 г. В действительности преобразования проводились постепенно, продолжались немногим более двух лет и предполагали объединение правительственной и переселенческой агрономических организаций, включение в единый план финансирования местных и сословных агрономических служб, а также сельскохозяйственных обществ. В 1911 г. такое объединение произошло в Томской, Тобольской и Енисейской губерниях, Забайкальской области, в 1912 г. – в Степном крае и Иркутской губернии. С этого времени можно говорить об институциональной координации правительственной и общественной агрономии в Сибири, формировании единого плана и бюджета их деятельности.

Мнение о слабости квалификации сибирских агрономов и их малочисленности нуждается в верификации. Проверить эти утверждения советских историков не так уж сложно. С 1910 по 1916 г. публиковались справочники, содержащие сведения о местном агрономическом персонале Российской империи. В этих изданиях помещались не только поименные сведения о каждом работнике агрономической организации, но и сводки с богатейшей статистической информацией.

По свидетельству справочных данных, сведенных в таблицу, темпы роста численности агрономических служб за Уралом и объемов их финансирования опережали общероссийские. В действительности в 1910 г. на все сибирские губернии и области, включая Акмолинскую и Семипалатинскую области Степного края и Забайкальскую область, приходилось 88 служащих агрономического персонала, или 3,6 % от всего российского штата. Но ассигнования на одного служащего в 2,3 раза превышали общероссийские показатели. На протяжении следующих лет происходит выравнивание доли расходов на агрономические нужды сибирских губерний и областей в расчете на одного служащего. Но численность персонала в Сибири за четыре года выросла в 7,6 раза и составила уже 7,3 % от общеимперского корпуса служащих. Бюджетные ассигнования, выделявшиеся для агрономической работы в Сибири в 1913 и 1914 гг., приблизительно равнялись доле сибирских служащих.

В условиях Первой мировой войны штат сибирских агрономических служб сократился сильнее, чем в целом по России. Война заставила экономить на всем, урезать бюджеты, в том числе и агрономических мероприятий. Но при этом в Сибири они уменьшались не так быстро, как в европейской части России, поэтому доля ассигнований для сибирской агрономии снова стала превышать долю служащих.

Из приведенных в справочниках статистических данных хорошо видно, что и по затратам на тысячу сельских жителей, и по расходам на тысячу десятин Западная Сибирь (Тобольская и Томская губернии и Акмолинская область) лучше была охвачена агрономическим обслуживанием и, представляя 80 % сельского населения макрорегиона, занимала среднее положение среди прочих губерний и областей России,

¹ Иркутский хозяин. 1913. № 9. С. 2–6; № 12. С. 4–6.

Численность агрономического персонала Сибири и расходы на его содержание в 1910–1916 гг.*

Годы	Численность агрономического персонала, чел.		Доля Сибири, %	Ассигнования, руб.		Доля Сибири, %
	в Сибири	в России		в Сибири	в России	
1910	88	2442	3,6	83680	999910	8,3
1911	127	3341	3,8	163084	3570165	4,5
1912	237	5185	4,6	312065	5864876	5,3
1913	519	7270	7,1	610171	8447832	7,2
1914	672	9112	7,3	795500	11120276	7,1
1915	629	9622	6,5	879840	12189469	7,2
1916	400	8675	4,6	586050	11112806	5,2

* Составлено по: Местный агрономический персонал, состоявший на правительственной и общественной службе 1 января 1910 г.: справочник. СПб., 1910. С. 153; Местный агрономический персонал ... 1911 г. СПб., 1911. С. 222–223; Местный агрономический персонал ... 1912 г. СПб., 1912. С. 308–309; Местный агрономический персонал ... 1913 г. СПб., 1913. С. 414–415; Местный агрономический персонал ... 1914 г. Пг., 1914. С. 514–515; Местный агрономический персонал ... 1915 г. Пг., 1915. С. 564–565; Местный агрономический персонал ... 1916 г. Пг., 1917. С. 498–499.

будучи ни в лидерах, ни в аутсайдерах. На общероссийском уровне оставались и квалификационные показатели сибирских агрономов и инспекторов различных отраслей сельского хозяйства. Общероссийской тенденцией стало сокращение доли агрономических служащих с высшим образованием с 24,5 % в 1909 г. до 20,5 % в 1914 г. Доля лиц со средним специальным образованием за это же время сократилась с 29,5 до 21,3 %, а лиц с низким образованием – выросла с 43,3 до 53,3 %. Но при этом в абсолютных показателях численность лиц с высшим и средним специальным образованием продолжала расти, а должности губернских и уездных агрономов, инспекторов сельского хозяйства всегда замещались почти исключительно выпускниками специализированных высших учебных заведений². Все это отнюдь не подтверждает критические оценки, высказанные в советской историографии.

Прежде чем рассмотреть спектр мероприятий сибирской правительственной агрономической службы, имеет смысл пристальнее взглянуть на ее структуру. Наряду с губернскими и уездными агрономами в ней предусматривались инспекторы по отдельным отраслям сельского хозяйства. Среди них были инспекторы по полеводству, животноводству, маслоделию, садоводству и огородничеству, пчеловодству и даже льноводству. При этом ведущая отрасль сельского хозяйства – зерновая – обслуживалась меньшей частью сотрудников. В целом такая структура свидетельствует о стремлении переориентировать крестьянское хозяйство на отрасли, являвшиеся на рубеже XIX–XX в. вспомогательными, но оценивавшиеся правительством как наиболее перспективные. Ту же тенденцию можно выявить и из анализа сельскохозяйственной прессы, выпускавшейся общестами сельского хозяйства преимущественно на субсидии Департамента земледелия. В ней акцент делался на приоритетном разви-

тии альтернативных зерновому производству отраслей как более товарных. Между тем на агрономических совещаниях постоянно дебатировался организационный вопрос: делить уезд на участки с обслуживанием участковым агрономом всех отраслей сельского хозяйства или оставлять уезд в ведении уездного агронома со штатом отраслевых инструкторов [4, с. 32].

При оценке работы инструкторов по полеводству следует учитывать, что одним из важнейших направлений в их работе стала борьба с вредителями сельского хозяйства. Главным вредителем являлась саранча (или, как ее в то время называли, кобылка), наносившая непоправимый урон не только хлебу, но и травам. Агрономы и инструкторы по полеводству ежегодно брали пробы злаков, пытаясь предугадать масштаб и ее ареал в следующем году, заказывали химикаты, опрыскиватели, а также проводили подготовку бригад из местных крестьян для обработки полей и лугов. Расчет делался на показательный эффект, предполагая, что воодушевленные результатами крестьяне сами закупят все необходимое оборудование и ингредиенты и станут самостоятельно производить профилактическую обработку своих полей. Но ожидания в целом не оправдались. Крестьяне часто воспринимали привлечение к работам по борьбе с кобылкой как новую повинность, налагаемую на них правительством. Позитивное отношение крестьян к мерам агрономической службы по борьбе с вредителями сельского хозяйства тоже отмечалось нередко. Но они оказались не готовы самостоятельно и за собственные средства проводить меры профилактической охраны посевов. В свою очередь, агрономическая служба в годы нашествия саранчи вынуждена была отвлекаться от текущих работ и бросать все силы на совместное с населением спасение полей и лугов в районах, пораженных насекомыми³.

² Местный агрономический персонал, состоявший на правительственной и общественной службе 1 января 1916 г.: справочник. Пг., 1917. С. 503–504.

³ Сибирское сельское хозяйство. Томск, 1912. № 5. С. 168–173; Памятная книжка Тобольской губернии на 1914 год. Тобольск, 1914. Приложения. С. 17–36; Обзор деятельности Правительственной агрономической организации Тобольской губернии за 1912 год. Кур-

Опытное дело считалось одним из ключевых направлений агрономической работы. В Сибири первые учреждения были открыты еще по инициативе местных отделений Московского общества сельского хозяйства, действовавших в Тобольской губернии. Но с появлением правительственных агрономических служб новые опытные поля включались в их смету. Стоит отметить, что в Тобольской губернии первостепенное значение приобрели учреждения молочного хозяйства: лаборатории, опытные фермы. Опытное дело получило огромный импульс развития с появлением переселенческой агрономии. В переселенческих районах за несколько лет была создана сеть полей, ферм, метеостанций, работавших под управлением специалистов. После 1911 г. в Сибири стали появляться опытные пасеки, сады, организуемые не только правительственными агрономами, но и быстро растущими сельскохозяйственными обществами.

Но гораздо большее развитие получили разнообразные мероприятия агрономических служб по пропаганде рациональных методов ведения сельского хозяйства. К ним относились широко применявшиеся в Сибири раздачи улучшенных семян злаков, огородных культур и трав. Бесплатные раздачи пользовались популярностью, но даже по сниженным ценам покупали семена неохотно. Такую «роскошь» могла себе позволить только небольшая группа сельских предпринимателей, зажиточных крестьян и деревенской интеллигенции. Рекламно-просветительские акции по раздаче семян ориентировались на формирование стабильного потребительского спроса. Но в большинстве районов Сибири себестоимость доставки семян делала их слишком дорогими, чтобы широкие слои крестьян могли позволить себе покупку у агрономических служб⁴.

Важной формой агрономической работы стали показательные мероприятия. Показательные поля, как правило, в одну–две десятины, обычно устраивались рядом с прокатными и зерноочистительными пунктами. В одной только Иркутской губернии к 1913 г. совместно с кооперативами и сельскохозяйственными обществами открыли 50 таких пунктов⁵. Крестьян окрестных селений приглашали посмотреть работу техники и демонстрировали правильные методы обработки почвы. Широко практиковалось устройство показательных участков прямо на крестьянских землях. Существовала целая сеть крестьян-добровольцев, засевавших свои участки улучшенными семенами и обрабатывавших землю с помощью техники. Технику предоставляли бесплатно агрономические службы при

условии, что крестьянин сумеет соблюсти рекомендации агрономов. Таких участков удавалось устроить в одном уезде до нескольких десятков. Закупленную агрономической организацией технику сдавали для проката кооперативам с возможностью дальнейшего выкупа по льготным ценам [7, с. 58–59]⁶.

В сфере животноводства особое внимание уделялось такой форме работы, как показательная дойка. В Сибири молочное скотоводство всегда было сезонным занятием – в зимних условиях скот практически не доился, зиму переживал плохо. Инспекторы по животноводству и молочному хозяйству стремились приучить крестьян к правильному зимнему уходу за животными. Крестьянам выстраивали теплое стойло, завозили корма, и через три недели удои резко вырастали при улучшении качества молока⁷. Другие формы работы в сфере животноводства – доставка в Сибирь племенных животных, метисизация (скрещивание с местными породами), обустройство случных пунктов.

Агрономические службы практиковали многочисленные выставки, конкурсы на лучшие образцы породистого скота, злаковых и огородных культур, премировали тех, кто, соблюдая предписанные специалистами технологии, получал хорошие результаты.

Сельскохозяйственное образование считалось одним из важнейших направлений работы агрономических служб. Создавались специализированные начальные и средние учебные заведения: сельскохозяйственные и молочные школы в Тобольске, Кургане и Томске готовили в начале XX в. агрономические кадры с низшим профессиональным образованием. С годами сеть сельскохозяйственных учебных заведений в Сибири становилась гуще. Но гораздо большее внимание уделяли так называемой внешней работе, выражавшейся в организации курсов и лекций-бесед. Отчитывались обычно конкретными результатами, которые не могут не впечатлить. Количество проведенных курсов в каждой губернии исчислялось десятками, а чтений и бесед – сотнями⁸.

Исследователи советского периода, справедливо указав на недостатки правительственных агрономических служб Сибири, сильно их преувеличили. Существуют данные, свидетельствующие об опережающих темпах развития сибирской агрономии в кадровом, организационном и финансовом отношении и позволяющие утверждать о сокращении разрыва в обеспечении населения европейской части России и Сибири услугами агрономических служб. Объективные обстоятельства, такие как огромные

ган, 1914. С. 11–14; Отчет агрономической организации Сибирского казачьего войска за 1912–1913 гг. Омск, 1914. С. 6–7, 51–58; Отчет агрономической организации Сибирского казачьего войска об исполненных работах 1914 г. и некоторых мероприятиях 1915 г. Омск, 1916. С. 8–13.

⁴ Краткий отчет об агрономических исследованиях ... в 1908 г. С. 17–18.

⁵ Иркутский хозяин. 1913. № 1. С. VIII–IX.

⁶ Краткий обзор деятельности правительственной агрономической организации в Сибири и Туркестане в 1912 г. СПб., 1914. С. 3–4; Обзор деятельности правительственной агрономической организации Тобольской губернии за 1912 год. Курган, 1914. С. 6.

⁷ Краткий обзор деятельности ... С. 27–29; Обзор деятельности Правительственной агрономической организации ... С. 25–30.

⁸ Краткий обзор деятельности ... С. IV; Отчет агрономической организации Сибирского казачьего войска об исполненных работах ... С. 5–6, 21–23.

пространства и низкая плотность населения, не позволили за Уралом организовать работу правительственных агрономов, сравнимую по уровню обслуживания с «земскими» губерниями.

В Сибири сложилось тесное взаимодействие правительственных агрономов, специалистов по сельскому хозяйству Переселенческого управления, казачьей агрономической организации, сельскохозяйственных обществ. Особенностью Сибири являлась более высокая доля правительственных расходов из-за отсутствия земств и слабости материальной базы общественного движения. Совместными усилиями разных ведомств и общественности удалось достаточно быстро создать разветвленную инфраструктуру обслуживания агрономических нужд сельского населения Сибири. Важными вехами на пути становления сибирской правительственной агрономии стало создание в 1907 г. агрономической службы Переселенческого управления и объединение всех агрономических учреждений, независимо от ведомственной принадлежности, в единую губернскую агрономическую организацию в 1910–1912 гг. Постепенное развитие правительственной агрономии было прервано войной, что проявилось с очевидностью в 1915–1916 гг.

Служащие агрономических учреждений вполне реально оценивали основные проблемы сельского хозяйства Сибири и наметили адекватные пути их разрешения, создавали условия для рационализации аграрного производства и наращивания сбыта продукции. Значительные усилия они направили на переориентацию сельского хозяйства с преимущественного выращивания зерновых культур на производство мяса, масла, шерсти, пчеловодство, выращивание кормовых трав и технических культур.

Результативность работы агрономической службы трудно оценить однозначно. За время активной работы правительственных агрономов посевы кормовых трав выросли в несколько раз. В Тобольской и Томской губерниях быстро росло производство масла. Но о других заметных результатах говорить едва ли приходится. Переселенцы создавали прежде всего зерновое хозяйство, и хлебная специализация аграрного производства Сибири продолжала усиливаться.

Важнейшей проблемой агрономической работы оставалось ее слабое воздействие на крестьянство. Рациональная организация хозяйства не стала потребностью для широких масс сельского населения. Народная агрономия в значительной мере оставалась основным каналом ретрансляции хозяйственных знаний в деревне. Усилия правительственных агрономов и сельскохозяйственной общественности не находили широкого отклика среди основной части сибирского крестьянства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1967. 410 с.

2. Скляр Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. 588 с.

3. Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX в. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1975. 266 с.

4. Давыденко Н.А. Агрономическая служба в Сибири в конце XIX – начале XX в. // Культурный, образовательный и духовный потенциал Сибири (середина XX в.): сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во СО РАН; НИЦ ОИГТМ, 1997. С. 28–40.

5. Давыденко Н.А. Трудовые традиции сибирских крестьян в животноводстве (вторая половина XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2006. 19 с.

6. Чедурова Е.М. Развитие агрономической службы в Сибири в XIX – начале XX в. // Изв. Алт. гос. ун-та. 2009. № 4, т. 2. С. 249–252.

7. Кузнецов Д.В. Агротехнические мероприятия в Акимолинской области (1910–1914 гг.) // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: сб. науч. тр. Омск: Изд-во ОмГАУ, Омск, 2000. С. 58–60.

8. Кузнецов Д.В. Администрация и поиск путей сельскохозяйственного освоения Среднего Прииртышья на рубеже XIX–XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2000. 23 с.

9. Кузнецов Д.В. Формирование основных отраслей инфраструктуры сельского хозяйства в Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.). Омск: ИД «Наука», 2018. 236 с.

10. Кузнецов Д.В. Создание единой агрономической службы в Западной Сибири и основные направления ее деятельности (1910–1914 гг.) // Вестник ОмГАУ. 2002. № 2. С. 38–42.

11. Кузнецов Д.В. Создание объединенной агрономической службы в Западной Сибири в начале XX века // Вестник Ом. гос. ун-та. 2014. № 1 (71). С. 60–65.

REFERENCES

1. Goryushkin L. M. Siberian peasantry at the turn of two centuries. Novosibirsk, Nauka, 1967, 410 p. (In Russ.)

2. Sklyarov L. F. Resettlement and land development in Siberia during the Stolypin agrarian reforms. Leningrad, Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1962, 588 p. (In Russ.)

3. Asalkhanov I. A. Agricultural economy in Siberia in the late XIX – early XX centuries. Novosibirsk, Nauka, 1975, 266 p. (In Russ.)

4. Davydenko N. A. Agronomic service in Siberia in the late XIX – early XX centuries. *Kultrnyy, obrazovatel'nyy i dukhovnyy potentsial Sibiri (seredina XX v.)*. Novosibirsk, 1997, pp. 28–40. (In Russ.)

5. Davydenko N. A. Labor traditions of Siberian peasants in animal husbandry (the second half of the XIX – early XX century): diss. abstr. Omsk, 2006, 19 p. (In Russ.)

6. Chedurova E. M. Agronomic service's development in Siberia in the XIX – early XX centuries. *Izvestia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, no. 4, vol. 2, pp. 249–252. (In Russ.)

7. Kuznetsov D. V. Agricultural activities in Akmolinsk region (1910–1914). *Sibirskaya derevnya: istoriya, sovremennoye sostoyanie, perspektivy razvitiya*. Omsk, 2000, pp. 58–60. (In Russ.)

8. Kuznetsov D. V. Administration and searching ways of agricultural development of the Middle Irtysh region at the turn of XIX–XX centuries: diss. abstr. Omsk, 2000, 23 p. (In Russ.)

9. Kuznetsov D. V. Forming the main branches of agricultural infrastructure in West Siberia (the late XIX – early XX centuries). Omsk, Nauka, 2018, 236 p. (In Russ.)

10. Kuznetsov D. V. Establishing the unified agronomic service in West Siberia and key areas of its activities (1910–1914). *Vestnik OmGAU*, 2002, no. 2, pp. 38–42. (In Russ.)

11. Kuznetsov D. V. Creating the united agronomic service in West Siberia at the early XX century. *Vestnik Omskogo universiteta*, 2014, no.1, pp. 60–65. (In Russ.)

Статья принята редакцией 06.12.2018

DOI: 10.15372/HSS20190102
УДК 94(571.1)“1935/40”

В.Б. ЛАПЕРДИН

АГРАРНОЕ ОСВОЕНИЕ СЕВЕРНЫХ РАЙОНОВ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО КРАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.

Институт истории Сибирского отделения РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Академика Николаева, 8

В статье рассматривается проект аграрного развития севера Западно-Сибирского края, разработанный в 1935 г. Отмечено, что сельскохозяйственное освоение Нарымского округа и прилегающих к нему районов в первую очередь было связано с необходимостью решения зерновой проблемы. На территории региона этому препятствовали периодически повторявшиеся засухи, в основном поражавшие юго-западные районы. Показаны попытки краевых властей создать надежную зерновую базу в защищенных от влияния суховея северных районах с целью снабжения хлебом не только местного населения, но и региона в целом. Анализируется ходатайство регионального руководства перед Центром о принятии проекта по созданию мощной зерновой базы на севере края. Этот проект не был реализован, посевные площади практически не изменились. Его провал объяснялся не только переоценкой возможностей аграрного сектора осваиваемых районов, недостатками плановой системы советской экономики, но и репрессиями 1936 г., сменой руководства выделенной из Западно-Сибирского края в 1937 г. Новосибирской области.

Ключевые слова: аграрная политика советского государства, сельское хозяйство, зерновая проблема, крестьянство, Нарымский край, Сибирь.

V.B. LAPERDIN

AGRICULTURAL DEVELOPMENT OF WEST SIBERIAN NORTHERN REGIONS IN THE SECOND HALF OF 1930s.

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article objective is to analyze the project of agricultural development adopted for West Siberia northern regions in 1935. Assessing prospects for their further development, regional authorities set the main task to create powerful grain base there. It was intended to supply local population and meet intraregional needs. Put forward by the regional authorities, the project was approved by the Centre. Within five years, the project assumed the double increase of the arable lands, the expansion of motor and tractor stations' network, provision of northern farms with equipment, and animal husbandry development. The project included socio-political measures in addition to economic ones. According to the political leadership's opinion, the kulaks opposition in collective farms of northern regions hampered implementation of the project. It justified carrying out a "cleaning" campaign against the management of collective farms, which took place in spring-summer of 1936. The objective reason for this was that the state agrarian policy was opposed by leaders and ordinary members of newly created collective farms in the northern regions. Besides, the post of party organizer was introduced in the collective farms of the northern regions. The project of agrarian development was not implemented, but the repressive campaign of 1936 became its most prominent episode. Acreages remained virtually unchanged, and new motor tractor stations were small and not provided with their own repair base. The reasons that led to the project failure included both overestimating the agricultural sector potential of northern regions, and shortcomings of the Soviet economy planned system. The subjective factor – changing leadership of the Novosibirsk region that was allocated from West Siberian territory in 1937 – played a certain role.

Key words: agrarian policy of Soviet state, agriculture, grain problem, peasantry, Narym region, Siberia.

Вячеслав Борисович Лапердин – канд. ист. наук, младший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: laperdin2011@mail.ru.

Vyacheslav B. Laperdin – Candidate of History Sciences, Junior Researcher, Institute of History SB RAS.

Сельское хозяйство Западной Сибири во второй половине 30-х гг. уже являлось объектом исследования сибирских историков [1; 2; 3; 4], а проблема освоения ее северной части поднималась в контексте изучения крестьянской ссылки [5]. Тем не менее специфика сельскохозяйственного развития северной части Западно-Сибирского края¹, состоявшей из Нарымского округа и 13 районов, в указанный период детально не исследовалась. Цель настоящей статьи – рассмотрение разработанного в 1935 г. региональными властями проекта аграрного развития северной части Западной Сибири.

Проект развития северных районов Западно-Сибирского края вписывался в государственную концепцию увеличения валового сбора зерновых до 7–8 млрд пуд., выдвинутую И.В. Сталиным 1 декабря 1935 г. на совещании передовых комбайнеров и комбайнерок. Региональные власти взяли на вооружение данную директиву, и с тех пор ни одно программное постановление по сельскому хозяйству, принятое Западно-Сибирским крайкомом ВКП(б), не обходилось без упоминания «сталинских 7–8 миллиардов пудов». Более того, первый секретарь крайкома Р.И. Эйхе заявлял о желании сделать Западную Сибирь «второй Украиной» по производству пшеницы. Так, выступая на VI пленуме Западно-Сибирского крайкома 25 июня 1935 г., он отметил: «Что этот лозунг значит? Украина имеет 120 млн га посевной площади. Мы вряд ли можем даже через 20 лет стать краем, который бы имел такую же посевную площадь, эту задачу край даже не может иметь в виду. Но чем мы можем стать второй Украиной? Мы можем стать второй пшеничной базой. Украина имеет 5 миллионов га посевов пшеницы. Мы имеем 3 [млн] 700 [тыс.] га посевов пшеницы»².

Достижению поставленной цели препятствовали факторы, с которыми пришлось столкнуться региональным властям. Один из них – периодически повторяющиеся засухи, особенно частые в юго-западных районах края. С целью уменьшения вреда, наносившегося сельскому хозяйству суховеями, разрабатывался проект мелиорации районов Кулундинской степи, в рамках которого предполагалось возведение плотины в районе г. Камня-на-Оби и постройка сети оросительных каналов. По ряду причин данный проект не был реализован. В 1936 г. краевое руководство решило развивать зерновое производство юго-западных районов за счет внедрения комплекса агротехнических мероприятий на основе травопольных севооборотов [6].

Кроме планов развития юго-западных районов, был разработан проект освоения северной части

края. Региональное руководство, понимая специфику Западно-Сибирского края и различные климатические условия отдельных его частей, дифференцированно подходило к развитию сельского хозяйства северных и юго-западных районов. Если в Кулундинской степи был резко континентальный климат, отличавшийся жарким засушливым летом и мало-снежной зимой, то в Нарымском округе и прилегающих районах – климат более влажный, здесь не случались засухи. Однако на этой территории ведение сельского хозяйства затруднялось из-за более продолжительной зимы и меньших сроков вегетационного периода, необходимости проведения в лесистой местности раскорчевки для расширения пашни, борьбы с заболоченностью, а также отсутствия необходимой инфраструктуры. Эти факторы тормозили развитие не только зернового хозяйства, но и животноводства. Тем не менее краевые власти высоко оценивали перспективы аграрного развития Севера, обосновывая свой проект перед Центром: «Северные районы Западно-Сибирского края по своим климатическим и почвенным условиям являются районами устойчивого земледелия и высокой урожайности всех основных культур. Урожай озимой ржи и овса за ряд лет в этих районах составлял 9–12 центнеров, яровой пшеницы – 8–11 центнеров, в отдельные годы поднимаясь по всем культурам до 15–16 цент[неров]. В 1935 г. при среднем урожае пшеницы по краю в 6 цент[неров] и овса в 5 цент[неров] по северным районам урожайность пшеницы составляла 9–12 цент[неров], а по овсу – до 11,5 цент[неров]»³.

На снижение среднекраевых показателей урожайности зерновых определяющее влияние оказывали засухи, ставшие постоянными для юго-запада и периодически распространявшиеся на другие районы. В 1935 г. край поразил неурожай, превышавший, по мнению Р.И. Эйхе, бедствие 1931 г. От недорода пострадало 42 района с посевной площадью свыше 2 млн га, что составляло 45 % посевных площадей колхозов края [7, с. 613]. Северные районы засуха не затронула. Их развитие в перспективе могло привести к созданию дополнительной зерновой базы, не зависящей от погодных условий юго-запада.

Руководство Западно-Сибирского края позитивно оценивало перспективы развития северных районов не только из-за климатических условий, но и вследствие хозяйственных успехов, достигнутых в первой половине 1930-х гг. Так, во многом благодаря организации спецпоселений посевная площадь колхозно-крестьянского сектора в этих районах увеличилась с 480 тыс. га в 1932 г. до 739 тыс. га в 1935 г., в том числе по Нарымскому округу – с 8 тыс. га в 1930 г. до 166,7 тыс. га. в 1935 г. Посевы пшеницы удвоились за 1933–1935 гг. и достигли 200 тыс. га. Развивалось не только зерновое производство, но и животноводство. поголовье крупного рогатого скота увеличи-

¹ В северную часть Западно-Сибирского края в 1935 г. включались Асиновский, Венгеровский, Зырянский, Ижморский, Крапивинский, Кожевниковский, Кольванский, Куйбышевский, Кыштовский, Северный, Томский, Тисульский, Тяжинский районы и Нарымский округа.

² Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-3. Оп. 2.Д. 669. Л. 27.

³ Там же. Д. 869. Л. 76.

лось за 1931–1935 гг. с 270 тыс. до 362 тыс., свиней – с 98 тыс. до 149 тыс. голов. Численность населения к этому же времени достигла 963 тыс. чел., что в целом должно было обеспечить необходимыми трудовыми ресурсами сельское хозяйство северных районов⁴.

В докладной записке первого секретаря Западно-Сибирского крайкома Р.И. Эйхе и председателя крайисполкома Ф.П. Грядинского, направленной в конце 1935 г. И.В. Сталину и В.М. Молотову⁵, предлагалось увеличить посевные площади северных районов к 1940 г. до 1300 тыс. га. Половина из них – 650 тыс. га – отводилась под пшеницу, в том числе под озимую до 120 тыс. га. Таким образом, средняя обеспеченность крестьянского двора могла достигнуть среднекраевого уровня, что выводило зерновое производство северных районов на совершенно иной уровень – они становились не потребляющими, а производящими. Увеличение посевов достигалось за счет освоения новых территорий. Для этого требовалось раскорчевать и расчистить площадей около 400 тыс. га.

Освоение новых, а также эффективное использование старых земель требовало повышения механизации труда. Между тем в северной части края в 1935 г. функционировало только 13 машинно-тракторных станций, в некоторых районах не было ни одной МТС. Слабая техническая вооруженность негативно отражалась на состоянии агротехники. Многие работы проводились вручную, что являлось причиной затяжных сроков посевной и уборочной. Как следствие, в условиях короткого лета засеивались не все свободные площади, а уборка посевов затягивалась и срывалась, что приводило к частичной потере урожая.

С целью улучшения технической оснащенности колхозов Р.И. Эйхе и Ф.П. Грядинский предлагали увеличить поставки в северные районы новой техники и существующие МТС, а для колхозов, находящихся вне их зоны деятельности, завезти конный инвентарь для полевых работ. Наиболее удаленные колхозы получали право покупки тракторов, рассчитываясь за них и за поставки горючего как деньгами, так и произведенной продукцией. В течение трех лет предлагалось строительство сети новых МТС с охватом 500–600 тыс. га, а также тракторных ремонтных мастерских и нефтяных баз для снабжения горючим. Для улучшения оперативного управления аграрным сектором экономики северных районов планировалось их разукрупнение и выделение новых районов из уже существующих, а также улучшение связи – прокладка телефонных линий между районными центрами и сельсоветами и дальнейшее развитие речного транспорта.

Кроме производственных мероприятий, руководство Западно-Сибирского края предлагало ряд мер социально-политического характера. Положительно оценивая результаты хозяйственной деятельности спецпоселенцев, оно выступило с инициативой вос-

становления в правах «той части трудпоселенцев, которые на деле доказали свою активность в строительстве неуставных колхозов и, став на путь честного труда, порвали со своим эксплуататорским прошлым»⁶. В первую очередь это предложение касалось молодежи. Дети спецпоселенцев по достижении совершеннолетия могли рассчитывать на получение гражданских прав в случае, если они порвали связь с родителями и занимаются общественно полезным трудом. После восстановления в правах спецпоселенцы могли беспрепятственно передвигаться в пределах районов Нарымского округа, а по истечении пяти лет им разрешался выезд в любой район СССР, за исключением того, из которого они были высланы. Подобные меры, по мнению регионального руководства, не должны были привести к оттоку населения. Восстановленные в правах к этому моменту обзаводились собственным хозяйством, что снижало их миграционные настроения.

Кроме того, Р.И. Эйхе и Ф.П. Грядинский предлагали меры по организационному укреплению колхозов, не входящих в сеть комендатур НКВД. К 1 ноября 1935 г. коллективизация северных районов достигла 78,3 %. Однако значительная часть сельхозартелей функционировала менее двух лет. Краевое руководство считало их засоренными элементами, враждебными советской власти. Во-первых, в северных районах зачастую не происходило выселение раскулаченных крестьян. Они оставались в пределах районов своего прежнего проживания. По имеющимся у крайкома данным, сюда бежали спасавшиеся от выселения крестьяне других районов, которые затем вступали в колхозы и занимались в них «антисоветской агитацией». В 1933–1934 гг. политотделы МТС провели значительную работу по «чистке» колхозов Западно-Сибирского края. Однако, поскольку большая часть сельхозартелей северных районов в это время находилась вне зоны деятельности МТС, они не подвергались «чисткам». Как следствие, по мнению регионального руководства: «Большинство колхозов северных районов <...> не сумели еще в достаточной мере укрепить и воспитать в колхозах новое отношение к труду и к колхозной собственности»⁷.

Р.И. Эйхе и Ф.П. Грядинский особо подчеркивали низкое качество руководящих кадров колхозов – председателей, членов правлений, бригадиров и других, считая их «по уровню общекультурной и политической подготовки» значительно ниже колхозного руководства других районов. По мнению руководства края, они были более подвержены антисоветской агитации и могли потакать крестьянским антиправительственным настроениям. Именно поэтому руководящие кадры колхозов должны были подвергнуться «чистке» в первую очередь: «В тех колхозах, где будет обнаружена особенно значительная засоренность состава правлений, после проверки руководящего состава провести

⁴ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 669. Л. 75–76.

⁵ Там же. Д. 869. Л. 75–90.

⁶ Там же. Л. 187.

⁷ Там же. Л. 81.

перевыборы правления и на этой основе дать колхозу большевистское руководство»⁸.

Для укрепления руководящего состава сельхозартелей северных районов предлагалась переброска 300 председателей и бригадиров из передовых колхозов юго-западной части края. Они должны были занять места «вычищенных». Кроме того, организовывались курсы по переподготовке для 300–400 председателей, которые после окончания должны были заменить антисоветски настроенных руководителей колхозов. Таким образом, подвергнув «чистке» колхозную верхушку, краевые власти рассчитывали усилить контроль над сельхозартелями северных районов.

С целью «поднятия политической работы и борьбы за трудовую дисциплину» также предлагалось в 200 наиболее крупных колхозах Севера ввести на полтора–два года институт партийных организаторов, основной задачей которых стало бы проведение массово-агитационной и хозяйственно-политической работы. Они должны были «вести систематическую борьбу за очищение колхозов от кулацких и антисоветских элементов» и сплотить наиболее лояльных государству колхозников. Впоследствии из них предполагалось создать партийные ячейки.

Рассмотрев предложения Западно-Сибирского крайкома и крайисполкома, Центр решил их одобрить. 16 января 1936 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мероприятиях по организационно-хозяйственному укреплению колхозов и подъему сельского хозяйства северных районов» [3, с. 419–422].

Проводившаяся работа по аграрному развитию северных районов включала также ее популяризацию. В 1935 г. вышла книга «Проблема освоения севера Западной Сибири» [8], где давалась общая характеристика хозяйственного развития северной части региона: лесной промышленности, сельского хозяйства, охотничьего, рыбного и промыслового хозяйства, а также энергетических ресурсов и транспортной инфраструктуры. Раздел по сельскому хозяйству был подготовлен специалистами Западно-Сибирского краевого земельного управления. Они детально описали проведение возможных агротехнических мероприятий, в частности, способы раскорчевки и необходимые для этого виды техники, обосновали возможность развития зернового хозяйства в специфических климатических условиях севера края, охарактеризовали почвенные ресурсы, предложили варианты севооборотов на основе травопольной системы. Говоря о перспективах развития животноводства, сотрудники крайземуправления отдавали предпочтение крупному рогатому скоту молочного направления.

Такая деятельность получила определенный отклик. Так, преподаватель Томского автодорожного техникума С. Соколов написал письмо на имя Р.И. Эйхе с предложением собственного проекта по осушению болот северных районов, в котором предупреждал об

опасности заболачивания, ставившего под угрозу развитие сельского хозяйства. Крайком перенаправил его письмо в Нарымский окружной комитет ВКП(б) и Западно-Сибирский краевой плановый отдел⁹. Дальнейшая судьба письма С. Соколова неизвестна.

«Чистка» колхозов, как указывалось выше, являлась важной частью проекта аграрного развития Севера. Устранив «антисоветские элементы» и заручившись поддержкой просоветски настроенных колхозников, государство рассчитывало сломить крестьянское сопротивление, поставив под строгий контроль сельскохозяйственные артели. Через месяц после выхода постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР Западно-Сибирский крайком санкционировал начало репрессивной кампании. Согласно постановлению от 19 февраля 1936 г. «О проверке руководящих кадров колхозов северных районов»¹⁰ райкомам и райисполкомам предписывалось провести проверку всех председателей колхозов и ревизионных комиссий, членов правления, счетоводов, заведующих фермами, а также бригадиров и кладовщиков. Срок проверки устанавливался с 1 марта по 15 июля 1936 г. Для ее проведения в каждом районе организовывались комиссии, возглавлявшиеся председателем местного райисполкома. Кроме него, членами комиссии становились секретарь райкома, заведующий районного земельного отдела и представитель НКВД. В зоне действия МТС к работе привлекались заместители директоров МТС по политической части. Краевые власти уделяли большое значение проведению чисток, обязав заниматься ими непосредственно районное руководство.

В ходе этой кампании руководящий состав колхозов северных районов был «вычищен» от неугодных местным властям «контрреволюционных элементов». В их число попали руководители, уличенные в воровстве, бесхозяйственности, невыполнении государственных планов и распространении «антисоветских» слухов. Несмотря на допущенные районными властями многочисленные «перегибы», основная цель была достигнута – в руководстве колхозов оказались лояльные режиму лица. Как следствие, уже весной 1936 г. повысилась эффективность работы сельхозартелей: «В Асиновском районе в результате смены руководства в колхозе „Большевик” заметно резкое улучшение хозяйственной работы. Отремонтирован к весне весь сельхозинвентарь, закончили обмолот, засыпали и отсортировали семена, ликвидировали обезличку в животноводстве. Председателем работает активист тов. Авдеев.

Во всех колхозах Асиновского района, где проведена проверка, составлены производственные планы, разработаны ежедневные задания на период весеннего сева, заключены соцдоговора между бригадами, звеньями, отдельными колхозниками, и абсолютное большинство колхозников не на словах, а на деле включи-

⁸ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 869. Л. 83.

⁹ Там же. Оп. 10. Д. 30. Л. 678–681 об.

¹⁰ Там же. Оп. 1. Д. 698. Л. 9.

лись в соцсоревнование. В колхозе „Красный восток” после проверки нет ни одного случая невыхода колхозников на работу, проведен смотр готовности к севу»¹¹. Увеличение производительности труда отмечалось повсеместно во всех районах, прошедших «чистку» колхозных кадров.

В марте 1936 г. были отобраны и командированы на места 175 партторгов. Во время «чистки» они включились в работу комиссий. Так, «партторг крайкома в колхозе «Вторая пятилетка» Пихтовского района тов. Казноделов с приездом в колхоз вскрыл, что правление во главе с председателем колхоза состоит из враждебных антиколхозных элементов, связанных между собой родством <...> Правление колхоза было переизбрано, а председатель колхоза, как бывший кулак, Лубнин вместе со своими родственниками исключен из колхоза»¹². Р.И. Эйхе в адресованной И.В. Сталину записке констатировал: «Партторги оказали районным организациям большую помощь в проверке руководящего состава колхозов, проводимого в этих районах в соответствии с решением ЦК ВКП(б) и СНК»¹³. После окончания кампании по «чистке» колхозов партторги продолжали выявлять антисоветски настроенных крестьян, содействуя их исключению. Кроме репрессивных функций, они решали задачи идейно-политического характера, а именно: организация партийных и комсомольских ячеек или групп сочувствующих, развитие стахановского движения, создание кружков «политграмоты», где обсуждались последние события в стране и за рубежом, Конституция 1936 г., московские процессы, ключевые выступления И.В. Сталина, а также гражданская война в Испании.

Партторги принимали заметное участие и в хозяйственной жизни колхозов. Отсутствие точного понимания поставленных перед ними задач иногда приводило к так называемым перегибам – увлечению хозяйственными делами в ущерб идейно-пропагандистской работе. Районные партийные организации нередко привлекали партторгов к работе, выходящей за рамки их основных функций: «Некоторые РК, например, Венгеровский, Северный, Крапивинский, пытались использовать партторга крайкома в качестве уполномоченных райкома, отвлекая от непосредственной работы в колхозе, давая непосильные дополнительные нагрузки»¹⁴. Несмотря на недочеты в работе партторгов и небольшое количество колхозов, в которых они работали, Западно-Сибирский крайком положительно оценивал их деятельность и в начале 1937 г. ходатайствовал перед Центром о закреплении института партторгов в колхозах северных районов «по меньшей мере еще на один год»¹⁵.

Весной 1936 г. в северные районы начался завоз сельхозмашин. Впрочем, как следует из подготовлен-

ной Западно-Сибирским краевым земельным управлением справки, поставки техники в первой половине года проходили неудовлетворительно, а отпущенные на сельхозмашины кредиты полностью не использовались. Тем не менее уже тогда было организовано 13 запланированных в 1936 г. МТС с охватом посевных площадей по яровым культурам 91,6 тыс. га¹⁶. Следует отметить, что созданные на территории северных районов МТС были мелкими. Большинство из них не имели ремонтной базы и вынуждены были производить ремонт в мастерских, находившихся за многие десятки километров (Кривошеинская МТС – за 150 км, Рыбаловская – за 130, Ижморская – за 120, Мотковская МТС – за 80 км)¹⁷.

Оценивая эффективность государственных мер по аграрному развитию северных районов Западно-Сибирского края, можно заключить, что посевные площади к концу 1930-х гг. практически не увеличились. Ожидаемые 1300 тыс. га так и не были засеяны. В 1939 г. в колхозах северных районов Новосибирской области¹⁸, включая Нарымский округ, площадь посева всех культур составляла 770 тыс. га, в том числе пшеницы – 246 тыс. га¹⁹.

К причинам, приведшим к провалу реализации проекта, можно отнести переоценку потенциала аграрного сектора северных районов края и недостатки плановой системы советской экономики, проявившиеся уже в начале 1936 г. Выделенные кредиты для завоза сельскохозяйственных машин использовались слабо вследствие плохой работы краевого земельного управления. Кроме того, руководство выделенной из Западно-Сибирского края Новосибирской области волновали совсем иные вопросы. Проект создания мощной зерновой базы в северных районах так и не был реализован.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гуцин Н.Я.* Сибирская деревня на пути к социализму. (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1973. 518 с.
2. *Гуцин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г.* Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы (1935–1941). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1975. 288 с.
3. Аграрная политика Советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг.: док.-моногр. изд. / под ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск: ИИ СО РАН, 2011. 608 с.
4. Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы / В.А. Ильиных, С.Н. Андреевков, В.М. Рынков [и др.]. Новосибирск: ИИ СО РАН, 2012. 408 с.

¹⁶ Там же. Л. 181–182. До 1940 г. в северных районах было создано еще 9 новых МТС (там же. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 356. Л. 54–59).

¹⁷ Итоги хозяйственного и культурного строительства в Новосибирской области за второе пятилетие (1933–1937 гг.). Новосибирск, 1939. С. 66.

¹⁸ В сентябре 1937 г. Западно-Сибирский край был разделен на Алтайский край и Новосибирскую область. Северные районы упраздненного края вошли в состав Новосибирской области.

¹⁹ Новосибирская область в 1939 г.: стат. сб. Новосибирск, 1940. С. 162–167.

¹¹ ГАНО. Оп. 1. Д. 709. Л. 448.

¹² Там же. Оп. 2. Д. 869. Л. 162.

¹³ Там же. Л. 163.

¹⁴ Там же. Л. 171.

¹⁵ Там же. Л. 172.

5. Красильников С.А. Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири в 1930-х – начале 1950-х гг. М.: РОССПЭН, 2010. 327 с.

6. Лапердин В.Б. Проекты аграрного освоения Кулундинской степи в 1930-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. Т. 25, № 4. С. 105–109.

7. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы: в 5 т. М.: РОССПЭН, 2002. Т. 4: 1934–1936 / под ред. В.П. Данилова. 1056 с.

8. Проблема освоения севера Западной Сибири. Новосибирск: Зап.-Сиб. кр. изд-во, 1935. 259 с.

REFERENCES

1. Gushchin N. Ya. Siberian village on the way to socialism. (Socio-economic development of Siberian village during the period of socialist reconstruction of national economy, 1926–1937). Novosibirsk, Nauka, 1973, 518 p. (In Russ.)

2. Gushchin N. Ya., Kosheleva E. V., Charushin V. G. Peasantry of West Siberia in pre-war years (1935-1941). Novosibirsk, Nauka, 1975, 288 p. (In Russ.)

3. Il'inykh V. A., Kavzevich O. K. (eds.) Agrarian policy of Soviet state and Siberian agriculture in 1930s: a documentary monographic publication. Novosibirsk, IH SB RAS, 2011, 608 p. (In Russ.)

4. Il'inykh V. A., Andreenkov S. N., Rynkov V. M. [et al.] Siberian agriculture in the XX century: crises and problems of development. Novosibirsk. IH SB RAS, 2012, 408 p. (In Russ.)

5. Krasilnikov S. A. Roots or flinders. Peasant families in West Siberian special settlements in 1930s - early 1950s. Moscow, ROSSPEN, 2010, 327 p. (In Russ.)

6. Laperdin V. B. Projects of agrarian development of Kulunda steppe in the 1930s. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2018, no. 4, pp. 105–109. (In Russ.)

7. Danilov V. P. (ed.) The Soviet village tragedy. Collectivization and raskulachivanie. 1927–1939. Documents and materials. Moscow, ROSSPEN, 2002, Vol. 4: 1934–1936, 1056 p. (In Russ.)

8. The problem of development of northern West Siberia. Novosibirsk, Zapadno-Sibirskoyekraevoye izdatelstvo, 1935, 259 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 10.12.2018

DOI: 10.15372/HSS20190103
УДК 94(571)“1936/1940”

В.А. ИЛЬИНЫХ

ВНЕДРЕНИЕ ПАРОТРАВОПОЛья В СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Ак. Николаева, 8

В статье освещается попытка перехода к травопольной системе земледелия, предпринятая во второй половине 1930-х гг. в Сибири. Анализ проводится в контексте аграрной политики Советского государства и идейно-теоретической борьбы в сфере агрономической науки. Установлено, что забвение агротехнологических основ земледелия в период коллективизации привело к падению плодородия почв и снижению урожайности. В связи с этим в 1937 г. принимается решение о внедрении в колхозах и совхозах паротравополья, благодаря которому восстановление плодородия почвы достигается за счет введения в севообороты значительного клина многолетних сеяных трав в сочетании с парами. При этом была поставлена задача не допустить сокращения посевов зерновых культур. Такая установка сдерживала внедрение травопольной системы земледелия. Фактически преобладающей системой земледелия в регионе в начале 1940-х гг. являлось паровое зерновое трехполье.

Ключевые слова: аграрная политика, сельское хозяйство, системы земледелия, травополье, агротехника, Сибирь.

V. A. IL'INYKH

INTRODUCING THE GRASS-FALLOW ROTATION SYSTEM IN SIBERIA IN THE LATE 1930s

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article highlights the attempt of the transition to grass-fallow rotation system undertaken in the second half of the 1930s in Siberia. The analysis is carried out in the context of the Soviet state agrarian policy and ideological-theoretical struggle in the agronomic science. The author states that forced collectivization caused a deep crisis of agriculture. Refusal of crop rotations was one of the factors that led to decline of soil fertility and low yields. In 1932, the country's leadership indicated the need to implement crop rotations in collective and state farms. Defining an optimal farming system for the country as a whole and its individual regions was the subject of a discussion between the supporters of fallow and grassfield farming systems. In 1933, the decision was made in favor of grass-fallow rotation system.

Ineffectiveness of grass-fallow rotation with minimum fertilizers changed the viewpoint of the country's leadership. The task to introduce grass-fallow rotation system was put on the agenda. The choice was based on the lack of mineral fertilizers, as well as the need to strengthen the husbandry fodder base. In late 1936, the government authorized the transition to grass-fallow rotation system in southern part of West Siberia. In June 1937, the Central Committee plenum of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) approved the transition to the grass-fallow rotation system at national level. At the same time, it was necessary to prevent reducing grain crops area. The grain loss caused by the widespread introduction of the grass rotation system was intended to be compensated by expanding the arable land area due to the virgin and fallow land development in the country's eastern regions including South-West Siberia. In 1940, mass plowing of virgin and fallow lands began in the region. The rate of introducing grassland crop rotation was slow. In fact, the regional predominant farming system was a fallow crop three-field system in the early 1940s.

Key words: agricultural policy, agricultural industry, farming systems, grassland farming, agricultural engineering, Siberia.

Социалистическая реконструкция сельского хозяйства предполагала революционные изменения не только в организации производства, но и в агротехнологии. На смену трехполью и другим экстен-

сивным системам земледелия должны были прийти более интенсивные. Выбор оптимальной для страны в целом и ее отдельных регионов системы земледелия в 1930-е гг. стал предметом острой дискуссии. Базовые

Владимир Андреевич Ильиных – д-р. ист. наук, заведующий сектором, Институт истории СО РАН, e-mail: agro_iwa@mail.ru.
Vladimir A. Il'inykh – Doctor of History Sciences, Head of the Department, Institute of History SB RAS.

направления в советской агрономической науке были представлены так называемыми травопольщиками, паровиками и минералистами.

Травополье – система земледелия, повышение плодородия в которой достигается за счет введения в севооборота на несколько лет подряд клина сеяных многолетних трав. Применительно к российским условиям разработал и теоретически обосновал травопольную систему земледелия известный российский и советский почвовед, академик В.Р. Вильямс. По его мнению, паровая зерновая система земледелия ведет к деградации (распылению) почвы и потере ее плодородия. Введение в севооборот пропашных культур и даже применение минеральных удобрений принципиально ситуацию изменить не могут. Восстановить почву могут только многолетние травы. Через 2–3 года культивации они своими корнями создают прочные комочки почвы, обогащают ее гумусом и создают условия для посева зерновых культур в течение последующих 6–7 лет. Вильямс также считал, что парование почвы не приводит к восстановлению ее структуры, а, следовательно, к повышению плодородия и поэтому является нецелесообразным (см.: [1, с. 161]).

Против повсеместного внедрения травополья выступали так называемые паровики, полагавшие, что наиболее оптимальным вариантом смены трехполья в основных зернопроизводящих районах страны является многопольная улучшенная зерновая (паро-пропашная) система с введением в севооборот наряду с паром пропашных культур. Наиболее известным оппонентом Вильямса был академик Н.М. Тулайков, который в течение многих лет критиковал его концепцию о роли структуры почв в плодородии и выступал против шаблонного применения травопольных севооборотов. Тулайков доказывал, что обязательным элементом севооборотов в засушливых районах страны являются не травы, а пропашные культуры, которые служат средством борьбы с сорняками, а также зернобобовые, обогащающие почву азотом. По мнению ученого, парование является необходимым элементом агротехники выращивания зерновых культур. При этом он полагал, что занятые пары экономически более целесообразны, чем чистые (см.: [1, с. 162]).

И «травопольщикам», и «паровикам» противостояли так называемые минералисты, считавшие, что кардинальное повышение урожайности сельхозкультур может быть достигнуто лишь посредством широкомасштабного применения минеральных удобрений. Наиболее видным представителем «минералистов» являлся академик Д.Н. Прянишников.

В Сибири в 1920-е гг. ведущие позиции в земельных органах, научных сельскохозяйственных учреждениях и учебных заведениях занимали сторонники травополья. По их мнению, переход к нему позволял предотвратить сползание земледелия региона к трехполью, увеличить урожайность без применения дорогостоящих минеральных удобрений и существенно нарастить кормовую базу животноводства [2, с. 108–111, 114–115]. Однако уже в 1930 г. отношение к данной си-

стеме земледелия в Сибири изменилось. Предполагаемое при массовом внедрении травополья значительное увеличение площадей, занятых сеяными травами в основном за счет сокращения посевов зерновых, противоречило, по мнению оппонентов «травяного шаблона», поставленной Коммунистической партией задаче – решению зерновой проблемы [1, с. 177–178].

Форсированная коллективизация вызвала глубокий кризис сельского хозяйства. Падение производства стало следствием не только низкой производительности труда колхозников, но и полного забвения агротехнических основ земледелия, в том числе отказа от севооборотов. Меры по улучшению ситуации в полеводстве были предусмотрены в постановлении СНК и ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по повышению урожайности» от 28 сентября 1932 г.¹, в котором Наркомзему СССР поручалось в течение 1933 г. ввести во всех хозяйствах севооборота. При этом подчеркивалось, что их внедрение должно привести к расширению посевов зерновых культур.

Дискуссия между «травопольщиками» и «паровиками» вновь оживилась. Однако победу и на сей раз одержали последние, которые в доказательство своей правоты апеллировали к установке верховной власти на необходимость наращивания посевных площадей, занятых зерновыми (см.: [1, с. 184–185]). Созданное при Западно-Сибирском краевом земельном управлении бюро севооборотов рекомендовало трехпольный севооборот с паром² «как основной» в наиболее засушливых районах зерновой зоны Сибири, поскольку большая доля в нем пара создавала возможность «повести решительную борьбу с сорняками и за накопление влаги в почве». Пятипольный севооборот с паром и пропашными³ рекомендовался «как преобладающий» в остальных районах зоны «по преимуществу на засоренных почвах» [1, с. 189–190]. Ставку на внедрение парозерновой системы в хлебопроизводящих регионах страны сделало и руководство Наркомата земледелия СССР.

Начатое в 1933 г. массовое внедрение севооборотов превратилось в ежегодные, достаточно затратные, но практически бесполезные кампании. В итоге многопольные севообороты были внедрены лишь в совхозах. В большинстве колхозов «правильные» севообороты существовали только на бумаге [3, с. 552–553]. Одна из основных причин такого положения заключалась в том, что колхозам давались задания по посеву зерновых культур, которые превышали предусмотренные схемой севооборота площади. Это приводило к сокращению парового клина и посеву зерновых на одном месте несколько лет подряд. Результатами нарушения агротехники были засоренность полей и падение урожайности.

¹ СЗ СССР. 1932. № 71. Ст. 434.

² 1) Пар чистый, кулисный и пропашные; 2) пшеница; 3) пшеница и «серые» хлеба.

³ 1) Пар чистый; 2) пшеница; 3) пшеница и «серые» хлеба; 4) пропашные; 5) пшеница.

Причины прогрессирующего снижения урожайности ряд экспертов связали с изъянами парозерновой системы земледелия, убедив руководителей региона вновь обратиться к ранее отвергнутому травополью. Этому способствовала сложившаяся в середине 1930-х гг. кризисная ситуация в южных и юго-западных районах Западной Сибири. Серия недородов, причинами которых стали в том числе тотальные нарушения агротехники, крайне негативно сказалась на экономическом состоянии колхозов в данной зоне. Планы хлебозаготовок систематически не выполнялись. Животноводство вследствие перманентного дефицита кормов было развито слабо и дополнительных доходов колхозам и их членам не приносило. В середине 1936 г. в докладной записке Западно-Сибирского крайкома и крайисполкома в ЦК ВКП(б) и СНК СССР «По вопросу повышения урожайности и доходности колхозов в южных и юго-западных районах Западно-Сибирского края» в качестве одной из основных мер по улучшению плодородия почв называлось внедрение травопольных севооборотов. По мнению авторов докладной записки, «введение травосеяния для Кулундинских районов имеет также решающее значение в деле развития животноводства, намного увеличивая кормовые ресурсы» [3, с. 555, 579].

Предложение руководства края было принято. В постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 28 декабря 1936 г. «О мероприятиях по повышению урожайности в юго-западных районах Западно-Сибирского края»⁴ ставилась задача «в течение ближайших 5–6 лет ввести во всех колхозах районов Кулундинской степи <...> севообороты с многолетними травами». При этом предполагалось не только существенно увеличить площадь, занятую травами, но и «за счет освоения целины и многолетней залежи» нарастить посевы зерновых культур и прежде всего пшеницы.

По мнению сибирского агронома И. Бобкова, постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 28 декабря 1936 г. применительно к Кулунде «навсегда» решило длительный спор между сторонниками и противниками травополья и дезавуировало позицию тех «теоретиков», которые «старались всячески очернить травополье, смазать роль многолетних трав как средства улучшения физического строения почвы, как средства борьбы за накопление и сохранение влаги, как средства борьбы с сорняками, как средства повышения плодородия»⁵.

Директива Центра вновь поставила на повестку дня вопрос о выборе оптимальных схем севооборотов. Крайземуправление в качестве основного типа для Кулундинской зоны определило семипольный паротравопольный севооборот с двумя полями многолетних трав и паровым полем⁶. В виде исключения «в отдельных

колхозах на распыленных землях с резким недостатком влаги» допускался восьмипольный оборот с тремя полями трав⁷. По мнению большинства экспертов, характерный для данной схемы относительно низкий удельный вес пшеницы и зерновых в целом мог привести к сокращению площади их посева. Кроме того, на разработку трехлетнего травяного пласта требовалось больше «тяговых усилий».

С критикой данной точки зрения выступил агроном И. Рябов⁸. Он исходил из того, что в центральных и южных районах Кулунды почвы «распылены, бесструктурны и наименее богаты». В связи с этим на начальном этапе внедрения травополья, «пока не будет хотя бы частично восстановлена структура и улучшены водно-физические свойства почвы», необходимо вводить севообороты с большим числом полей, отведенных под травы. «В течение первых ротаций в наиболее сухой части Кулунды должны быть выдержаны севообороты с тремя, а в отдельных случаях и на отдельных участках того же севооборота, может быть, и с четырьмя полями трав». По мнению Рябова, в Кулунде достаточно свободных земель, чтобы компенсировать последствия внедрения подобных севооборотов.

Упомянутый выше И. Бобков полагал, что оптимальное соотношение культур для хозяйства, специализирующегося на производстве зерновых и имеющего развитое животноводство, достигается не в семипольном или восьмипольном, а в десятипольном севообороте с двумя полями трав, паром и полем пропашных культур⁹. «Здесь имеются многолетние травы как средство восстановления прочной почвенной структуры, чистый пар, пар кулисный как средство накопления влаги и питательных веществ в легкоусваиваемом виде. Здесь имеются в достаточном количестве кормовые культуры на концентрат и сочные корма, имеются продовольственные культуры (картофель, просо)». Но главным достоинством данного севооборота является то, что в нем зерновые занимают 60 % площади, пшеница – 50, а твердая пшеница – 15 %.

Принятие решения о внедрении травопольных севооборотов в Западной Сибири стало свидетельством того, что руководство СССР разочаровалось в парозерновой системе земледелия и сделало выбор в пользу травополья. Окончательное решение было принято И.В. Сталиным. Вероятнее всего, изначально он считал более результативным средством повышения урожайности минеральные удобрения. Однако для строительства заводов, производящих удобрения в необходимых объемах, требовалось длительное время и значительные средства. Между тем внедрение травопольной системы не было столь

⁴ Советская Сибирь (Новосибирск). 1937. 3 янв.

⁵ Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1937. № 6. С. 102.

⁶ 1) Мягкая пшеница, 2) мягкая пшеница, 3–4) травы, 5а) твердая пшеница, 5б) просо, 6а) мягкая пшеница, 6а) зернофуражные культуры, 6б) пропашные культуры 7) пар чистый и частично кулисный.

⁷ Советская Сибирь. 1937. 10 июня.

⁸ Там же.

⁹ 1) Твердая яровая пшеница; 2) мягкая яровая пшеница; 3–4) многолетние травы; 5) твердая яровая пшеница и просо; 6) мягкая яровая пшеница; 7) пропашные (картофель, корнеплоды, подсолнечник); 8) мягкая яровая пшеница; 9) овес и ячмень; 10) пар чистый и частично кулисный.

затратным и, по мнению генсека, являлось достаточно эффективным.

Выбор в пользу травополья в масштабах всей страны был публично сделан на июньском (1937 г.) пленуме ЦК ВКП(б), рассмотревшем вопрос «О введении правильных севооборотов». Выступивший с докладом по этому вопросу нарком земледелия СССР М.А. Чернов¹⁰ заявил, что урожаи полевых культур в стране «еще низкие и неустойчивые». Одной из причин этого является ставка на внедрение паропропашных севооборотов, обработка почвы в рамках которых «неизбежно ведет к разрушению ее структуры, ее распылению, к тому состоянию, которое называют выпханностью. А это, в свою очередь, обостряет влияние засухи. Паропропашные севообороты, применяемые длительно, усиливают смыв и размыв почвы, усиливают возможность выдувания посевов. Все это вместе взятое ведет к понижению урожайности, к усилению зависимости от стихийных сил природы». Кроме того, в парозерновых севооборотах слишком низкий удельный вес кормовых культур.

В связи с этим необходим переход к травопольным севооборотам, которые являются основным средством борьбы с распылением почвы. Введение многолетних трав позволит повысить урожайность зерновых, в первую очередь пшеницы, а также обеспечить животноводство необходимой кормовой базой. Чтобы введение в полевой оборот не привело к снижению посевов основных сельскохозяйственных культур, следует существенно увеличить размеры пашни за счет подъема залежей, очистки, раскорчевки и освоения земель, а также сокращения площади паров. При этом «большая» часть новой пашни будет освоена в восточных районах.

Чернов считал, что ввести и освоить севообороты с многолетними травами необходимо «в возможно короткие сроки». Поэтому не нужно «начинать сызнова всю ранее проделанную работу». Новые севообороты должны исходить из ранее произведенной нарезки полей. «Если в колхозе принят пяти- или шестипольный севооборот, то для перехода к травосеянию достаточно разделить его поля пополам». По мнению наркома земледелия, «правильный севооборот» предполагает двухгодичное использование трав. Три поля трав допустимы лишь «в очень редких случаях».

Обсудив вопрос о введении севооборотов, пленум ЦК ВКП(б) одобрил «в основном для опубликования в печати и всестороннего его обсуждения» проект, внесенный комиссией Наркомата земледелия СССР и Наркомата совхозов СССР. Он предусматривал переход к травопольным севооборотам в совхозах и колхозах страны¹¹. Указывалось, что в рамках ранее внедряемых в СССР паропропашных севооборотов пшеница и основные технические культуры «не обеспечивались в достаточной степени лучшими для них

предшественниками». Существовавшая система земледелия также не позволяла получать «необходимого количества кормовых трав для роста колхозного животноводства в степных зерновых районах», что оставляло хозяйство колхозов этих районов «односторонним и малодоходным, недостаточно устойчивым против засух и суховеев».

Повсеместное внедрение травополья не должно было привести к сокращению посевов зерновых культур. Колхозы и совхозы обязывались за счет освоения новых земель, в том числе целинных и залежных, расширить площадь обрабатываемой пашни. Уменьшение площади, занятой зерновыми, допускалось «как крайняя мера в тех колхозах, которые не имеют земли для расширения пашни».

В соответствии с установками Наркомата земледелия нарезку полей травопольных севооборотов в колхозах Сибири предлагалось завершить в 1941 г. Колхозы региона обязывались перейти к девяти- или десятипольным севооборотам с введением в них двух полей люцерны и не менее четырех полей яровой пшеницы¹². В зерносовхозах Сибири пятипольные севообороты преобразовывались в десятипольные с 4–5 полями яровой пшеницы и 2–3 полями многолетних трав. В хозяйствах, уже имеющих более чем пятипольные обороты, вводилось два поля многолетних трав. В молочно-мясных и овцеводческих совхозах надлежало за счет освоения новой пашни довести количество полей севооборота до 9–10, а число полей с многолетними травами – до 3–5.

Начавшееся в соответствии с решением июньского (1937 г.) пленума ЦК ВКП(б) обсуждение «проекта» Наркомзема и Наркомсовхозов вылилось в публичное шельмование сторонников паропропашной системы земледелия и в первую очередь академика Н.М. Тулайкова. Одними из последствий подобной «дискуссии» стали арест и гибель Н.М. Тулайкова, обвиненного во «вредительстве».

Лидер «травопольщиков» академик В.Р. Вильямс попытался заодно расправиться и с лидером «минералистов» – академиком Д.Н. Прянишниковым, публично выступив против «механистических выводов формально-дедуктивной „минеральной“ агрохимии». Вильямс, в частности, заявил, что внесение минеральных удобрений в деградированную почву фактически означает разбазаривание «народных средств», использованных на их производство [4, с. 134]. Однако к преследованию Прянишникова со стороны режима подобная критика не привела. На наш взгляд, это доказывает, что травополье изначально рассматривалось как временная мера. И Сталин, и другие руководители в конце 1930-х гг. были уверены, что сельское хозяйство страны в перспективе перейдет к интенсивным

¹⁰ Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1937. № 7. С. 1–34.

¹¹ Правда. 1937. 30 июня.

¹² Для колхозов Сибири предлагалась следующая схема перестройки существующих парозерновых севооборотов в травопольные. При трехполье каждое поле делилось на три, при пятиполье – на два. При семиполье дополнительное количество полей вводилось за счет освоения новой пашни.

системам земледелия на основе широкомасштабного применения минеральных удобрений.

Следует отметить, что и В.Р. Вильямс в ходе дискуссии конца 1930-х гг. вынужден был пойти на компромисс. Рекомендуемые Наркомземом травопольные севообороты предполагали наличие чистых паров. Отвечая оппонентам на вопрос о противоречии между необходимостью парования и своей концепцией (см. выше), Вильямс заявил, что чистые обрабатываемые пары являются надежным средством борьбы с сорняками и поэтому их следует применять во время перехода к травополью. После избавления пашни от сорной растительности необходимость в парах отпадет [4, с. 154–155].

Тем не менее В.Р. Вильямс в 1937 г. праздновал победу. Его статья «Значение травопольного севооборота как единственной системы земледелия социалистического сельского хозяйства» была опубликована в журнале «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства» (№ 11–12) – органе ВАСХНИЛ, Наркомзема СССР и Наркомсовхозов. Несмотря на торжество победителей, разработанный Наркомземом проект реализован не был. В 1937 г. в стране существенно осложнилась политическая ситуация. «Большой террор» непосредственно затронул и земельные органы, включая их руководство. В июле 1937 г. был арестован нарком зерновых и животноводческих совхозов СССР Н.Н. Демченко, в начале ноября 1937 г. та же участь постигла наркома земледелия СССР М.А. Чернова, в конце апреля 1938 г. – сменившего его на этом посту Р.И. Эйхе. Новый министр земледелия СССР И.А. Бенедиктов, утвержденный в этой должности в ноябре 1938 г.¹³, издал приказ в начале 1939 г. о введении травопольных севооборотов в 40 тысячах колхозов страны¹⁴. Однако 15 апреля 1939 г. СНК СССР отменил этот приказ «ввиду неподготовленности» предусмотренных в нем мероприятий и объявил выговор наркому земледелия Бенедиктову «за издание этого приказа без разрешения Совета Народных Комиссаров СССР»¹⁵.

Основной причиной отмены приказа являлось то, что массовое внедрение травополья не обеспечивало реализацию планов третьей пятилетки, предусматривавших наращивание производства зерновых культур. По расчетам специалистов, повсеместный переход к травополью приводил к сокращению их посевов [5, с. 411]. Повышения урожайности зерновых от данной меры можно было достичь лишь в среднесрочной перспективе.

В связи с этим была разработана концепция поэтапного внедрения травополья, которая была озвучена в речи И.А. Бенедиктова на XVIII съезде ВКП(б) [5, с. 410–412]. «Многолетние травы в севооборотах»

¹³ И.А. Бенедиктов с марта по ноябрь 1938 г. занимал должность первого заместителя наркома земледелия СССР.

¹⁴ В начале июля 1938 г. в СССР насчитывалось 242,4 тыс. колхозов (Социалистическое сельское хозяйство СССР: стат. сб. М.; Л., 1939. С. 43).

¹⁵ СП СССР. 1939. № 26. Ст. 164.

в первую очередь следовало вводить в льноводческих, хлопководческих и свекловодческих хозяйствах. Компенсировать «некоторое» сокращение посевов зерновых культур в ряде хлебопроизводящих районов европейской части страны должно было достигнутое за счет освоения новых земель расширение посевов зерновых в восточных районах. При этом темпы внедрения травосеяния ставились в зависимость от размеров введения в пашенный оборот новых сельхозугодий. В хозяйствах тех регионов, где внедрение травополья временно откладывалось, тем не менее надлежало вводить севообороты с таким числом полей, которое позволило бы в будущем «без ломки границ нарезанных полей применить травосеяние».

Важным этапом реализации концепции Бенедиктова¹⁶ стал первый общесоюзный «целинный проект», нормативно оформленный в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 20 апреля 1940 г. «О дальнейшем подъеме зернового хозяйства в колхозах и совхозах восточных районов СССР: Алтайского и Красноярского краев, Новосибирской, Омской, Челябинской областей; Акмолинской, Павлодарской, Северо-Казахстанской, Кустанайской, Семипалатинской и Восточно-Казахстанской областей»¹⁷. В соответствии с постановлением предполагалось в течение 1940–1942 гг. за счет целинных и залежных земель увеличить площадь пашни в указанных районах на 4345 тыс. га, засеяв их преимущественно яровой пшеницей. Предусматривалось строительство новых МТС и поставка дополнительной сельхозтехники. Нехватку рабочей силы решили частично компенсировать за счет расширения масштабов переселения колхозников из трудоизбыточных районов европейской части РСФСР. Постановление также обязывало власти указанных в нем областей и краев активизировать внедрение травопольных севооборотов на старопахотных землях. Закончить нарезку полей под севообороты во всех колхозах и совхозах восточных районов надлежало в течение трех лет, а их освоение завершить за четыре года.

Сибирские властные структуры приняли директиву Центра к исполнению. В 1940 г. в Западной Сибири освоили 898,6 тыс. га целинных и залежных земель. Значительно медленнее в регионе распространялись травопольные севообороты. В 1940 г. в Западной Сибири удельный вес укосной площади многолетних трав в общей площади посева составлял 3,8 %, в Восточной Сибири – 1,1 % (в РСФСР – 6,5 %)¹⁸. Преобладающей системой земледелия в колхозах региона стало паровое зерновое трехполье, в юго-западных районах Сибири – с элементами залежной системы. При этом сохранение

¹⁶ В рамках реализации концепции поэтапного внедрения травополья были также приняты постановление СНК СССР «О введении правильных севооборотов в колхозах и совхозах Украинской ССР» от 5 марта 1940 г. (СП СССР. 1940. № 5. Ст. 149), постановление СНК СССР «О введении правильных севооборотов в колхозах и совхозах нечерноземной полосы» от 25 марта 1941 г. (там же. 1941. № 11. Ст. 175).

¹⁷ СП СССР. 1940. № 10. Ст. 251.

¹⁸ ГА РФ. Ф. А-310. Оп. 1. Д. 2462. Л. 30–46.

массивов залежных земель было связано не столько с сознательным выбором агротехники, сколько с отсутствием трудовых и технических ресурсов для их освоения¹⁹. И переход к травополью, и осуществление «целинного проекта» 1940 г. прервала начавшаяся Великая Отечественная война.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильиных В.А. Проблемы агротехники, специализации и организации сельского хозяйства Сибири в 1920–1930-е гг.: монографический очерк // На аграрном фронте Сибири. Кампания 1932–1933 гг.: документально-монографическое издание / отв. ред. В.А. Ильиных. Новосибирск: Сибпринт, 2016. С. 177–178.
2. Земельные органы Сибири: документально-монографическое издание / отв. ред. В.А. Ильиных, Ю.Г. Мартынова. Новосибирск: Сибпринт, 2015. 607 с.
3. Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг.: документально-монографическое издание / отв. ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2011. 608 с.

4. Вильямс В.П. Ответ оппонентам // Избр. соч. М., 1950. Т. II. С. 127–156.

5. XVIII Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г.: стеногр. отчет. М.: Госполитиздат, 1939. 744 с.

REFERENCES

1. Il'inykh V. A. Problems of agricultural engineering, specialization and organization of agricultural industry in Siberia in the 1920s–1930s. *Na agrarnom fronte Sibiri. Kampania 1932–1933 gg.* Novosibirsk, 2016, pp. 177–178. (In Russ.)

2. Il'inykh V. A., Martynova Yu. G. (eds.) Land authorities of Siberia in 1920s. Novosibirsk, Sibprint, 2015, 607 p. (In Russ.)

3. Il'inykh V. A., Kavtsevich O. V. (eds.) Agrarian policies of the Soviet state and Siberian agriculture. Novosibirsk, 2011, 608 p. (In Russ.)

4. Williams V. Reply to opponents. *Izbrannye sochinenia*. Moscow, 1950, vol. 2, pp. 127–156. (In Russ.)

5. XVIII Congress of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). March 10–21, 1939: stenographic report. Moscow, Gospolitizdat, 1939, 744 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 13.12.2018

¹⁹ Так, например, в Сузунском районе Новосибирской области колхозы в 1941 г. использовали под посев 45–48 % пахотных земель (ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 126. Л. 7 об).

DOI: 10.15372/HSS20190104
УДК 94(571.1/.5)"1945/1965"

С.Н. АНДРЕЕНКОВ

РАЗВИТИЕ АГРОТЕХНИКИ В 1945–1965 гг. В СИБИРИ

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье анализируется агротехническая политика Советского государства в годы послевоенного двадцатилетия и особенности ее реализации в Сибири. Сделан вывод, что в период правления И.В. Сталина пытались использовать как интенсивные технологии (применение севооборотов, сортовых семян, минеральных удобрений и других средств агрохимии), так и экстенсивные средства развития земледелия – распашку целинных и залежных земель под посевы сельхозкультур, в первую очередь зерновых. Ставка делалась на внедрение травопольных севооборотов – самого недорогого способа повышения продуктивности пашни. Однако уровень культуры колхозно-совхозного земледелия оставался низким. В первые годы после смерти И.В. Сталина основным средством подъема сельского хозяйства было выбрано массовое освоение целинных и залежных земель на востоке страны. Тем не менее от планов интенсификации не отказывались, но полноценная их реализация началась только с середины 1960-х гг.

Ключевые слова: агротехника, травопольная система земледелия, севооборот, интенсификация сельского хозяйства, аграрная политика, Сибирь.

S. N. ANDREENKOV

THE AGRICULTURAL TECHNOLOGY DEVELOPMENT IN 1945-1965 IN SIBERIA

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article objective is to identify specifics of development of the state's agricultural technology policy during the post-war Stalinism and "Khrushchev" decades and measures implemented by the Soviet government to develop the agricultural technology in the collective and state farms of Siberia. The study objective is to represent the scale and results of introducing modern systems of agriculture at the time, as well as the level of management culture.

The author concludes that intensive methods were used to increase grain production during the period under review. The strategies of ecological technologies (herb crops, fallow lands, field-protective forest planting, land reclamation, etc.) and agriculture chemicalization (application of mineral fertilizers, herbicides and other means) were used in the policy of intensifying agriculture. The first strategy was deemed to be the "main" by the government in the second half of the 1940s and early 1950s. The emphasis was on introducing the grassland system without large capital investments. Applying this agricultural technology did not lead to increase in productivity of arable lands in the collective and state farms. N. S. Khrushchev called to abandon it completely. Expensive chemicalization was envisioned mainly in plans of agricultural development implemented only in the mid-1960s, when the comprehensive program appeared to intensify agricultural production with sufficient financial support.

During the period under review, the authorities expected to increase agricultural production, primarily of grain, with extensive development of virgin and fallow lands. During the "Khrushchev" decade, it became the main lever to revitalize agriculture. Considerable funds were invested in the industry thanks to the virgin soil campaign; the country received additional grain yields. The reverse side of the new lands development was a significant drop of qualitative indicators of agricultural production.

Key words: agricultural technology, grassland farming, crop rotation, farming intensification, agrarian policy, Siberia.

Актуальной проблемой для Советского государства в первые десятилетия его существования являлось недостаточное и нестабильное производство сельско-

хозяйственной продукции, в первую очередь зерна. В 1930-е гг. верховная власть попыталась решить эту проблему за счет проведения сплошной коллективи-

Сергей Николаевич Андреевков – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: Andreenkov_sn@mail.ru.

Sergey N. Andreenkov, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History SB RAS.

зации крестьянских хозяйств. Основными поставщиками продовольствия и сырья государству стали колхозы и совхозы.

Колхозно-совхозная система позволила государству существенно пополнить зерновые ресурсы, но продуктивность «общественной» нивы была невысокой. Производительность техники и труда росла медленно, мало использовались передовые приемы обработки почвы и посевов. В настоящей статье мы проанализируем видение верховной власти путей развития агротехники в колхозах и совхозах и реализацию в хозяйствах Сибири агротехнических мероприятий, инициированных правительством, в годы послевоенного сталинизма и «хрущевского» десятилетия.

После массовой коллективизации повышение культуры хозяйствования как основы роста производства рассматривалось в качестве первоочередной и долгосрочной задачи государства. Особое внимание при этом уделялось внедрению научно обоснованной системы земледелия. Широкой химизации колхозного хозяйства в 1930–1940-е гг. быть не могло: минеральные удобрения и другие химикаты производились в небольшом количестве и стоили очень дорого, для подавляющей части сельхозартелей они оказались недоступными. Поэтому верховная власть приняла решение о переходе к травопольной системе земледелия, восстановление плодородия почв в которой достигается за счет введения в севообороты значительного количества трав. Травополье позволяло укрепить кормовую базу животноводства.

Массовое внедрение травопольных севооборотов началось в конце 1930-х гг., но было приостановлено Великой Отечественной войной. Из-за нехватки сил и средств предусмотренное технологией чередование сельхозкультур колхозы не соблюдали, что приводило к распространению сорной растительности, истощению плодородия почв. Посевы многолетних трав значительно сократились. После Победы работа по внедрению рациональных приемов агротехники возобновилась.

21 июня 1945 г. СНК СССР принял постановление «О мерах по улучшению дела введения и освоения севооборотов в колхозах», которое определило параметры травопольных севооборотов для различных регионов страны. В Сибири предписывалось «ввести преимущественно 9–10-польные севообороты, в лесостепных и подтаежных районах – преимущественно 7–8–9–10-польные севообороты с 1–2 полями чистых паров под озимые культуры и яровую пшеницу, до 2–3 полей многолетних трав (люцерна с житняком или американским пыреем, клевер с тимopheевкой и др.) и от 4 до 6 полей зерновых, технических и других культур. Пласт и оборот пласта многолетних трав использовать в первую очередь под яровую пшеницу»¹. Реализация этих установок имела важнейшее значение в решении задач четвертой пятилетки (1946–1950 гг.).

¹ Собрание постановлений правительства СССР. 1945. № 4. Ст. 57.

Внедрение травополья должно было ускориться благодаря осуществлению «сталинского плана преобразования природы» – долгосрочной программы мер по развитию агротехники, представленной в постановлении Совета Министров СССР от 20 октября 1948 г. [1, с. 531–539]. Документ был адресован хозяйствам европейской части страны. Однако работа по введению и освоению травопольных севооборотов развернулась в стране в целом. Для защиты полей от суховея, согласно «великому плану», требовалось создавать лесополосы, для орошения пашни – водоемы.

К 1950 г. нарезка полей в колхозах Сибири в основном закончилась. При этом доля освоенных севооборотов оставалась незначительной: в колхозах Омской области – 6 %, в Алтайском крае – 2,8, в Новосибирской области – 2,5 % [2, с. 148]. Из-за частых навязываемых сверху корректировок структуры посевных площадей, неудовлетворительной деятельности машинно-тракторных станций (МТС), минимального участия специалистов в разработке мер по развитию травополья, дефицита семян трав и отсутствия опыта травосеяния эффективность колхозных севооборотов оставалась низкой. В 1950 г. в связи с укрупнением сельхозартелей работу по ограничению и освоению севооборотов пришлось начинать заново. Ее результаты оказались более чем скромными. По данным на 1 июля 1953 г., в РСФСР севообороты с посевами многолетних трав освоили 3,7 % колхозов, с посевами трав на части полей – 5,7 %. Частично освоили севообороты 4,1 % сельхозартелей².

В совхозах результаты внедрения травопольной системы земледелия оказались более впечатляющими, доля освоения севооборотов в них была выше. В 1951 г. в Сибири из 86 обследованных госхозов травопольные севообороты всех видов полноценно функционировали на 10 сельхозпредприятиях, или в 11,6 % проинспектированных хозяйств, полевые – на 36 (41,8 %), прифермские – в 17 (19,7 %), лугопастбищные – в 10 (11,6 %), овощные – в 2 (2,3 %) и т. д.³ Площадь посева трав существенно увеличилась. На предприятиях Управления совхозов Сибири за 1950 г. она выросла на 15 %, за 1951 г. – еще на столько же. Посевы зерновых культур, в первую очередь пшеницы, расширялись при этом на 3 % в год⁴.

Реализация другого пункта «великого плана» – создания полезащитных лесонасаждений – также оказалась малоуспешной. Плановая площадь лесополос была весьма значительной. Однако посадить намеченное число деревьев хозяйства не смогли, так как не располагали достаточным количеством саженцев. Колхозные и государственные лесопитомники работали неудовлетворительно, планы посева лесонасаждений в них не выполнялись. Мало того, не удавалось даже

² Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 23. Д. 36. Л. 2–3; Народное хозяйство РСФСР в 1958 г.: стат. ежегодник. М., 1959. С. 303.

³ РГАЭ. Ф. 7803. Оп. 5. Д. 71. Л. 34.

⁴ Там же. Оп. 3. Д. 742. Л. 14 об.–16 об., 22 об., 23 об.

сохранить существовавшие лесонасаждения: они оставались без присмотра, поэтому вырубались и уничтожались пожарами.

Заметных успехов удалось добиться в развитии семеноводства. С 1937 г. действовала сеть государственных селекционных станций и семеноводческих колхозов и совхозов. При Министерстве сельского хозяйства функционировала крупная организация, занимавшаяся заготовкой, хранением и реализацией сортовых семян зерновых культур («Госсортфонд»)⁵. В 1940 г. в РСФСР ими засеивалось 83 % площади зерновой пашни. За годы войны этот показатель существенно снизился, но после Победы стал расти и к 1953 г. достиг 80 % в колхозах и 86 % в совхозах. Позитивную роль в развитии зернового семеноводства сыграло реформирование системы управления этой отраслью. В 1947 г. появилась структура «Главагосортзерно», в 1948 г. – инспекции по качеству семян в регионах⁶. Велась работа по выведению высокоурожайных сортов пшеницы.

Производственный эффект от внедрения научно обоснованной агротехники был достигнут лишь в среднесрочной перспективе. Краткосрочным следствием этого могло быть снижение объемов производства сельхозпродукции. Так, результатом перехода к травопольной системе земледелия стало уменьшение посевов зерновых культур, что было чревато падением валовых сборов хлеба. Поэтому в 1950 г. был введен запрет на сокращение площади, занятой зерновыми. Но еще раньше с целью компенсации снижения сборов зерна при массовом внедрении в севообороты трав правительство инициировало расширение площади пахотных земель за счет освоения целинных и залежных земель в восточных районах страны.

Первая советская программа освоения целинных и залежных земель осуществлялась еще в конце 1920-х – начале 1930-х гг. и своих целей не достигла [4]. Второй «целинный проект»⁷, предполагавший распашку на востоке страны 4,3 млн га новых земель, стал реализовываться в 1940 г. и не был завершен из-за начавшейся войны. Третью попытку освоить пустующие земли Сибири, Урала и Казахстана правительство предприняло в годы четвертой пятилетки⁸. Однако на подъем запланированных 8 млн га целины и залежей ни у государства, ни у колхозов не хватило сил.

⁵ Постановление Совета народных комиссаров СССР от 30 июня 1937 г. «О мерах по улучшению семян зерновых культур» [3, с. 392–401].

⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 164. Л. 20–21.

⁷ Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) от 20 апреля 1940 г. «О дальнейшем подъеме зернового хозяйства в колхозах и совхозах восточных районов СССР: Алтайского и Красноярского краев, Новосибирской, Омской, Челябинской областей; Акмолинской, Павлодарской, Северо-Казахстанской, Кустанайской, Семипалатинской и Восточно-Казахстанской областей». (Извлечение) [5, с. 749–752].

⁸ Постановление Совета Министров СССР от 26 декабря 1946 г. «О расширении посевных площадей и повышении урожайности зерновых культур и особенно яровой пшеницы в восточных районах СССР» [1, с. 368–379].

В начале 1950-х гг. ситуация в колхозно-совхозном производстве была сложной. Кадровая и материально-техническая база сельского хозяйства оставалась слабой, средства химизации использовались в крайне малых объемах. Мероприятия правительства по развитию агротехники и распашка новых земель к ощутимым позитивным результатам не привели. Уровень культуры земледелия возрастал медленно. В большинстве сельхозартелей, как и в 1930–1940-е гг., преобладало паровое зерновое трехполье, в юго-западных районах Сибири – с элементами залежной системы.

1951 и 1952 гг. оказались засушливыми, особенно в Западной Сибири. Продуктивность колхозных и совхозных полей резко снизилась. В Новосибирской области средняя урожайность зерновых культур в 1951 г. составляла 3,5 ц/га, в 1952 г. – 3,9 ц/га [6, с. 65]. Недородным выдался и 1953 г. В Западной Сибири урожайность хлебов составила 6,7 ц/га (в Восточной Сибири – 8,5 ц/га)⁹. Объемы хлебозаготовок уменьшились. В 1953 г. их сокращение обуславливалось не только падением производства зерна из-за плохих погодных условий, но и противодействием колхозников, стремившихся оставить больше хлеба в хозяйстве. «Саботаж» хлебозаготовок был их реакцией на обещания повысить материальное благосостояние селян, данные правительством Г.М. Маленкова в августе 1953 г.

После смерти И.В. Сталина руководство страны выступило за ослабление мобилизационного режима и развитие сферы потребления. Ставилась задача существенно увеличить в ближайшие годы выпуск продукции животноводства. Для этого требовался скачок в развитии производства зерна, являвшегося основой кормовой базы. Следовало найти способы быстрого увеличения продуктивности пашни. Правительство Г.М. Маленкова предложило повысить материальную заинтересованность в работе селян, ускорить темпы развития технической базы хозяйств и совершенствования агротехники. Колхозы и совхозы должны были продолжать внедрение травопольной системы земледелия и в то же время всемерно расширять масштабы применения минеральных удобрений и ядохимикатов, совершенствовать семеноводство. Значительное увеличение посевных площадей зерновых путем массовой распашки целинных и залежных земель в планы правительства Г.М. Маленкова не входило.

В конце 1953 г. все более явными становились разногласия между Г.М. Маленковым и первым секретарем ЦК партии Н.С. Хрущевым по вопросам аграрной политики. Последний предложил начать на востоке страны распашку целинных и залежных земель под посевы зерновых культур. Освоение новых земель предполагалось проводить с использованием современных интенсивных технологий. От травопольной системы земледелия Н.С. Хрущев потребовал отказаться.

⁹ Сельское хозяйство СССР: стат. сб. М., 1960. С. 214.

Начавшаяся в 1954 г. новая кампания по освоению целинных и залежных земель стала масштабным общенациональным мобилизационным проектом. На «целинный фронт» были брошены огромные людские и технические резервы. Сотни тысяч добровольцев отправились на целину по зову партии и правительства и, не сомневаясь в благородных целях данной акции, стремились совершить как можно больше трудовых подвигов. Первые «бои» увенчались грандиозным успехом: трехлетний план подъема неосвоенных земельных массивов Казахстана, Поволжья, Урала и Сибири (13 млн га) был перевыполнен уже в первый год кампании. К 1960 г. было распаханно почти 42 млн га. На целине основали сотни новых зерновых совхозов. В начале шестой пятилетки (1956–1960 гг.) широкое строительство госхозов развернулось и в старопашотных районах. В течение нескольких лет целина давала государству большие объемы хлеба [7, с. 222–224].

В то же время проблемы сбережения и рационального использования вновь введенного в сельхозоборот земельного фонда отошли на второй план. Научно обоснованные методы размещения и чередования сельхозкультур использовались слабо. В Сибири в 1959 г. площадь освоенных севооборотов не превышала 10 %¹⁰. Грубая эксплуатация покоренной целины способствовала развитию почвенных эрозий. Самой разрушительной из них была ветровая – так называемые черные бури. В Алтайском крае с конца 1950-х гг. ветровая эрозия стала ежегодным явлением.

О необходимости принять меры по предотвращению деградации почв неоднократно говорили ученые. Они рекомендовали создавать полезавитные лесополосы, развивать мелиорацию, использовать севообороты с паровым клином. В 1959 г. правительство одобрило предложение продолжить работу по формированию лесонасаждений для защиты полей от суховея, а в 1960 г. утвердило программу развития мелиорации почв. Правда, финансовых средств, необходимых для осуществления этих планов, выделено не было.

Предложение расширить паровой клин в севооборотах Н.С. Хрущев игнорировал, так как опасался сокращения посевов зерновых культур и валовых сборов хлеба. В 1959 г. началась кампания по распашке чистых паров («вторая целина»). В 1953 г. в Западной Сибири их доля в структуре пашни составляла 17,3 %, в 1958 г. – 5,5, в 1961 г. – 3,2, в 1962 г. – 0,8 %. В 1962 г. Н.С. Хрущев заявил о необходимости искоренения травополья. Посевы трав стали сокращаться. В 1953 г. в Западной Сибири они занимали 7,5 % пашни, в 1961 г. – 7,4, в 1962 г. – 5,1, в 1963 г. – 4,2, в 1964 г. – 4,7 %¹¹. По мнению лидера партии, достойной альтернативой паротравопольным севооборотам

являлась пропашная система земледелия, базирующаяся на «трех китах»: посевах кукурузы, свеклы и зернобобовых культур – лучшего предшественника для пшеницы и дополнительного источника продовольствия и фуража.

Распространение посевов кукурузы в целях укрепления кормовой базы животноводства началось по инициативе Н.С. Хрущева еще в 1955 г. Под «королеву полей» были отведены сотни тысяч гектаров лучших пахотных земель. В Сибири площадь посевов данной культуры увеличилась на несколько порядков. Работа по внедрению в сельское хозяйство зернобобовых культур активизировалась после заявлений Н.С. Хрущева, сделанных во время беседы с колхозниками с. Калиновка Курской области 27 августа 1960 г. Глава партии предложил резко увеличить производство гороха, фасоли, а заодно и крупяных культур – гречихи и проса. Некоторые ученые, в свою очередь, посоветовали уделить больше внимания выращиванию конских бобов, которые хорошо сочетались с кукурузой. На бобово-кукурузные кормовые смеси возлагались большие надежды. Их разработывал и активно продвигал директор Алтайского НИИСХОЗа Г.А. Наливайко.

Насаждаемые Н.С. Хрущевым агротехнические новшества успеха не имели. Вследствие иссушения почв, вызванного сокращением естественной растительности и длительным выращиванием на одном и том же месте зерновых и пропашных культур, на целинных землях усилились эрозийные процессы, производство зерна уменьшалось. В 1963 г. основные земледельческие (целинные) районы Сибири охватила катастрофическая засуха: урожайность хлебов упала до 3,5 ц/га, валовые сборы уменьшились почти втрое. В 1961–1965 гг. в Западной Сибири производство зерновых культур сократилось по сравнению с уровнем 1956–1960 гг. на 35 %, объем хлебозаготовок – на 56 %, в Сибири в целом – на 26 и 43 % (в Восточной Сибири ситуация в зерновом хозяйстве была относительно стабильной)¹².

Причиной падения производства зерна являлось также низкое качество земель. Далеко не все участки отличались высоким уровнем продуктивности и устойчивости к эрозиям. В период «натиска на целину» были подняты солонцеватые почвы, распашанные под посевы большие земельные массивы оказались неудобными для использования из-за излишней увлажненности, засоренности камнями и расположении на крутых склонах или возле оврагов. Возделывание малопродуктивных и подверженных эрозиям земель было рискованным и экономически невыгодным делом, отвлекало существенные людские и технические ресурсы от работы на плодородных участках.

Ощутимый ущерб полеводству наносили вредоносные фауна и флора. На зерновые поля стали проникать суслики, питавшиеся злаками. Посевам пшеницы, ячменя, сахарной свеклы существенный вред наноси-

¹⁰ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 23. Д. 146. Л. 58–59.

¹¹ Народное хозяйство РСФСР в 1961 г.: стат. ежегодник. М., 1962. С. 237; Народное хозяйство РСФСР в 1962 г.: стат. ежегодник. М., 1963. С. 181; Народное хозяйство РСФСР в 1963 г.: стат. ежегодник. М., 1964. С. 215; Народное хозяйство РСФСР в 1964 г.: стат. ежегодник. М., 1965. С. 177.

¹² Сельское хозяйство СССР. М., 1960. С. 94–95, 210–211; Сельское хозяйство СССР: стат. сб. М., 1971. С. 54–55, 154–155.

ла свекловичная и полосатая хлебная блоха, бобовые культуры поражал долгоносик. Широко распространялась сорная растительность. В Западной Сибири наибольшую опасность для зерновых посевов представляли овсюг, осот, полынь.

Пришло в упадок семенное хозяйство. Ему не уделяли должного внимания. В 1953-1954 гг. правительством было ликвидировано большинство учреждений, контролировавших выработку семян. В середине 1950-х гг. в сети семеноводческих хозяйств доминировали колхозы. Работа по размножению семян в них была организована неудовлетворительно. Семенной материал не соответствовал стандартам качества по большинству признаков, в том числе по наличию примесей сорняков и паразитов. Площадь сортовых посевов зерновых культур значительно сократилась. В Сибири в 1953–1956 гг. она уменьшилась с 80 до 57 %. Меньше стали выращивать пшеницы твердых и сильных сортов¹³.

Уровень материально-технической базы земледелия не отвечал требованиям времени: ощущался дефицит самоходных комбайнов, пропашных тракторов, прицепного инвентаря, недостаточной была производительность техники. Машинный парк хозяйств не был в полной мере обеспечен ремонтно-технической инфраструктурой. На рубеже 1950–1960-х гг. поставки техники сельскому хозяйству уменьшились из-за сокращения объемов ее производства. При разработке семилетнего плана (1959–1965 гг.) исходили из того, что после продажи средств механизации колхозам их использование улучшится, машин потребуется меньше. Зерновое хозяйство было крайне слабо обеспечено помещениями для хранения и подработки собранного с полей хлеба.

Выход из тупика Н.С. Хрущев увидел в широкой интенсификации сельского хозяйства, базирующейся на новых «трех китах» – химизации, механизации и мелиорации. Элементы данного курса были видны уже в решениях январского 1961 г. и декабрьского 1963 г. пленумов ЦК КПСС. Но окончательно программа интенсификации была оформлена в постановлении февральского пленума ЦК партии 1964 г. Ее успешная реализация связывалась с существенным увеличением капиталовложений в отрасль.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). М.: Политиздат, 1968. Т. 3: 1941–1952 годы. 751 с.
2. Ильиных В.А. «Зерновой проект» 1954 г. в контексте аграрной истории Сибири // *Сибирь: проекты XX века: сб. стат. / под ред. Л.М. Горюшкина, В.А. Ламина. Новосибирск, 1996. 156 с.*
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., доп. и испр. М.: Политиздат, 1985. Т. 6: 1933–1937 годы. 431 с.
4. Зеленин И.Е. Первая советская программа массового освоения целинных и залежных земель (конец 20-х – 30-е гг.) // *Отечественная история. 1996. № 2. С. 55–70.*
5. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). М.: Политиздат, 1967. Т. 2: 1929–1940 годы. Кн. 2. 798 с.
6. Беликова Л.П. Колхозное производство в Западной Сибири в 50-е гг. // *Развитие сельскохозяйственного производства в Сибири в условиях социализма. 1938–1980 гг. Новосибирск, 1983. С. 64–75.*
7. Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX в.: выбор путей и методов модернизации / В.А. Ильиных, С.Н. Андреенков, В.М. Рынков [и др.]. Новосибирск: Сибпринт, 2015. 298 с.

REFERENCES

1. The party and government decisions on economic issues (1917–1967). Vol. 3. 1941–1952. Moscow, Politizdat, 1968, 751 p. (In Russ.)
2. Il'inykh V. A. The "Grain project" of 1954 in the context of Siberian agrarian history. *Sibir': proekty XX veka*. Novosibirsk, 1996, pp. 132–154. (In Russ.)
3. CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. 9th ed. Moscow, Politizdat, 1985, vol. 6. 1933–1937, 431 p. (In Russ.)
4. Zelenin I. E. The first Soviet program of mass development of virgin and fallow lands (the late 1920s – 1930s). *Otechestvennaya istoriya*, 1996, no. 2, pp. 55–70. (In Russ.)
5. The party and government decisions on economic issues (1917–1967). Moscow, Politizdat, 1967, vol. 2. 1929–1940, bk. 2, 798 p. (In Russ.)
6. Belikova L. P. Collective farm production in West Siberia in the 1950s. *Razvitie sel'skokhozyaystvennogo proizvodstva v Sibiri v usloviyakh sotsializma. 1938–1980 gg.* Novosibirsk, 1983, pp. 64–75. (In Russ.)
7. Il'inykh V. A., Andreenkov S. N., Rynkov V. M. et al. Projects of the Siberian agrarian system transformation in the XX century: choosing ways and methods of modernization. Novosibirsk, Sibprint, 2015, 298 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 10.12.2018

¹³ Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 46. Д. 164. Л. 20–21.

DOI: 10.15372/HSS20190105
УДК 94(47)“1963”

Н.Ю. ПИВОВАРОВ

ЗЕРНОВОЙ КРИЗИС 1963 г. В СССР И ВНЕШНЕТОРГОВЫЕ КОЛЛИЗИИ ЕГО РАЗРЕШЕНИЯ*

Институт всеобщей истории РАН,
РФ, 119334, г. Москва, Ленинский пр-кт, д. 32а

В статье впервые в историографии на основе документов Президиума ЦК КПСС исследованы механизмы закупки пшеницы на внешних рынках в связи с зерновым кризисом 1963 г. в СССР. Описан процесс переговоров и закупки зерна советской правительственной делегацией в Канаде, а также проанализированы причины, по которым Советскому Союзу не удалось закупить зерно в США. Автор полагает, что причины провала переговоров связаны с тем, что руководство США, в отличие от канадского правительства, преследовало не только экономические, но и политические цели (попытки укрепления позиций демократической партии перед президентскими выборами 1964 г. и формирование нового политического курса Дж. Кеннеди). Однако затянувшийся переговорный процесс, неповоротливость американской бюрократической машины, а также усиление позиций консервативных сил привели к прекращению переговоров. Автор приходит к выводу, что разрешение проблемы дефицита хлеба в СССР стало возможным благодаря усилиям советских дипломатов. В то же время закупки зерна за границей негативно отразились на имидже Н.С. Хрущева и стали одной из причин его отставки в октябре 1964 г.

Ключевые слова: зерновая проблема, хлебозаготовительный кризис, хлебный импорт, Президиум ЦК КПСС, Министерство внешней торговли, СССР, Канада, США.

N. YU. PIVOVAROV

THE GRAIN CRISIS OF 1963 IN THE SOVIET UNION AND FOREIGN TRADE COLLISIONS OF ITS RESOLUTION

Institute of World History RAS,
32a, Lenina Str., 119334, Moscow, Russian Federation

The article investigates mechanisms of wheat purchase in foreign markets in connection with the grain crisis of 1963 in the USSR based on the documents of the CPSU Central Committee Presidium. It shows the process of negotiations and grain purchase by the Soviet government delegation in Canada, as well as analyzes the reasons, why the Soviet Union was unable to buy grain in the USA. The author believes that main reasons of the negotiations failure were related to the fact that the US leadership, unlike the Canadian government, pursued not only economic, but also political goals (attempts to strengthen the Democratic Party positions before the presidential elections of 1964 and to form a new political course of J. K. Kennedy). However, the protracted negotiation process, American bureaucratic machine's clumsiness, and strengthening positions of the conservative force led to the negotiations' termination. The author concludes that resolution of the bread shortage problem in the USSR became possible thanks to the Soviet diplomats' efforts. At the same time, grain purchases abroad affected N. S. Khrushchev's image and became one of the reasons for his resignation in October 1964.

Key words: grain problem, grain procurement crisis, grain import, Presidium of the CPSU Central Committee, Ministry of Foreign Trade, USSR, Canada, USA.

*Работа подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 16-01-00067 «Зерновая проблема в Сибири в XX веке: этапы и методы решения».

Никита Юрьевич Пивоваров – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, e-mail: pivovarov.hist@gmail.com.

Nikita Yu. Pivovarov — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of World History RAS.

Первые вести с полей в 1963 г. заставили советское руководство предпринять спешные шаги по экономии зерновых ресурсов. Уже 20 августа члены Президиума ЦК КПСС утвердили постановление «О мероприятиях по экономии государственных ресурсов хлеба»¹. В соответствии с этим постановлением экспорт хлеба на 1964 г. планировалось уменьшить почти на 4,5 млн т, т.е. практически свести к нулю. Сокращались и ранее утвержденные на 1963 г. плановые показатели экспорта зерновых. Так, в августе–сентябре Президиум ЦК принял ряд постановлений об уменьшении экспорта хлеба в 1963 г. почти на 1 млн т².

Фактически с сентября 1963 г. СССР прекратил экспорт зерновых в капиталистические страны. В социалистические страны продажа хлеба уменьшилась почти вдвое. Советским послам было рекомендовано посетить руководителей социалистических стран и сообщить, что «в результате суровой зимы и засухи весной и летом текущего года сбор зерновых в основных районах Советского Союза оказался очень низким»³. Советское руководство первоначально планировало решить зерновой кризис лишь за счет экономии внутренних ресурсов. Так, первый секретарь ЦК КП Украины П.Е. Шелест в своих дневниковых записях фиксировал: «8 августа из Москвы мне позвонил Подгорный и по поручению Хрущева передал, что Украина должна сдать не менее 750 млн пудов хлеба. В стране очень тяжелое положение с хлебом, из Казахстана ожидали получить 960 млн пудов, а получим не более 200–250. Сибирь и Алтайский край должны были дать 250 млн пудов, а дадут 10–15 млн. Подгорный продолжал: „На закупку хлеба за границей не пойдем. Надо максимально провести экономию хлеба, сократить ассортимент выпечки хлебобулочных изделий, в том числе и белого хлеба. При выпечке хлеба подмешивать картофель, отруби, кукурузу, увеличить влажность хлеба, добавить соли при выпечке хлеба. Возможно, ввести карточки на хлеб”»⁴.

Однако одной экономии оказалось недостаточно. Поэтому одновременно разрабатывалась программа закупки зерна за границей. 19 августа 1963 г. Президиум ЦК одобрил решение о закупках пшеницы за границей. На следующей день состоялось еще одно заседание Президиума, на котором была утверждена сумма, выделяемая на покупку зерна, а также планируемые объемы – почти 400 т золота для закупки 10–12 млн т хлеба. Кроме золота, на покупку пшеницы планировалось направить практически все валютные резервы страны – около 4,8 млн инвалютных рублей⁵. В связи с этим планировалось отказаться от импорта дорогостоящей промышленной продукции: листовой стали, технических алмазов (столь необходимых для советской электроники). Руководство Минвнешторга СССР

даже предложило дополнительно продать 120 т платины. Впрочем, это предложение не нашло поддержки со стороны Министерства финансов СССР и не было принято.

Такие огромные объемы закупок были необходимы не только для внутреннего потребления, но и для помощи братским странам. Дело в том, что в 1963 г. зерновой кризис поразил практически всю Восточную Европу, за исключением Румынии. Например, в Венгрии из-за сильных морозов и засухи вместо запланированных 2,6 млн т зерновых удалось собрать только 1,7 млн т. Генеральный секретарь ЦК ВСРП и председатель Совета Министров ВНР Я. Кадар направил в середине августа официальное письмо Н.С. Хрущеву, в котором просил Советский Союз помочь возместить недостающие 550 тыс. т⁶. Тяжелое положение с хлебными ресурсами сложились на Кубе, находившейся в состоянии торговой блокады со стороны США и их союзников по латиноамериканскому региону.

Первоначально советское руководство не планировало оказание продовольственной помощи братским странам, ограничившись решением только внутренних проблем. Однако Кремль поменял отношение к данному вопросу, так как коммунистические лидеры Восточной Европы стали предпринимать самостоятельные шаги по закупке пшеницы на Западе. В частности, советский резидент в Венгрии информировал Москву, что 28 сентября Я. Кадар, не дождавшись ответа на свое письмо Н.С. Хрущеву, начал переговоры с американской миссией о покупке зерна в Америке. Кроме того, Я. Кадар, а также руководители Чехословакии и Польши А. Новотный и В. Гомулка планировали провести встречу 30 сентября и обсудить возможность закупки зерна у США без помощи СССР. В сентябре Чехословакия направила американскому руководству письмо с просьбой оказать содействие в продаже 200 тыс. т зерна⁷. Аналогичное письмо планировала направить Болгария. В этих условиях Москва должна была играть на опережение и не допустить «потери лица».

Поэтому еще 20 августа министру внешней торговли СССР Н.С. Патоличеву было поручено разработать детальный план действий по закупке зерна за границей. Скорость принятия решений по закупке пшеницы поражала, так как спустя менее суток Н.С. Патоличев направил на рассмотрение Президиума ЦК свой план. Министр считал, что советским торговым представителям необходимо придерживаться при переговорах следующей тактики: во-первых, объявить, что СССР располагает большим количеством кормовой кукурузы, в том числе экспортных сортов, но имеет мало продовольственной пшеницы; во-вторых, заявить, что импортная пшеница необходима только для помощи населению районов Сибири и Дальнего Востока; в-третьих, договориться о возможном реэкспорте зерна, в том числе в другие социалистические

¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 324. Л. 57.

² Там же Д. 324. Л. 58; Д. 331. Л. 123; Д. 339. Л. 86.

³ Там же. Д. 339. Л. 74.

⁴ Шелест П.Е. Да не судимы будете. Дневники и воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М.: Центрполиграф, 2016. 900 с.

⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 324. Л. 4–5; Д. 323. Л. 1; Д. 331. Л. 69.

⁶ Там же. Д. 333. Л. 118; Д. 343. Л. 1–2.

⁷ Там же. Д. 339. Л. 124, 125.

страны⁸. Спустя два дня члены Президиума ЦК утвердили предложения Н.С. Патоличева в соответствующем постановлении ЦК⁹.

Закупать пшеницу планировалось в Канаде. Выбор этой североамериканской страны оказался не случаен. В мире в 1963 г. необходимыми ресурсами пшеницы обладали только две страны – США и Канада. Европейские страны в 1963 г. пережили сильный неурожай и не могли стать поставщиками зерна. У других крупнейших экспортеров зерна (Австралия и Аргентина) также наблюдалось снижение урожайности зерновых. Закупка зерна в США, обладавших мощными экспортными ресурсами (до 47 млн т), была невозможна как по экономическим, так и по политическим соображениям. Если для всех стран цена на зерно составляла около 70 центов за тонну, то для СССР Вашингтон продавал пшеницу за 90 центов за тонну. Не стоит забывать и то, что еще год назад мир пережил Карибский кризис.

В Канаду для переговоров о покупке зерна из СССР выехала правительственная делегация, возглавил которую заместитель министра внешней торговли Б.А. Борисов. Советские торговые представители прибыли в Оттаву 3 сентября и в тот же день посетили министра промышленности и торговли М. Шарпа. Как следует из сообщения Борисова, М. Шарп благоприятно отреагировал на заявления советской стороны и пообещал незамедлительно доложить необходимую информацию своему правительству. Уже на следующий день состоялось первое официальное заседание двух делегаций. Канадскую сторону представлял заместитель министра промышленности и торговли Дж.Х. Уоренн. Последний положительно воспринял советские инициативы по закупке зерна, но добавил, что канадскому правительству было бы проще договориться с собственными сельхозпроизводителями, если бы СССР согласился заключить контракт на покупку зерна на пять лет вперед. Вечером того же дня во время правительственного обеда в честь советской делегации М. Шарп сообщил, что канадское правительство дало согласие на продажу пшеницы в СССР. Канадцы также одобрили условия по кредиту Москве: кредит предоставлялся на три года (10 % выплачивалось единовременно и 90 % – равными частями в последующие годы)¹⁰.

После получения одобрения со стороны канадского правительства Б.А. Борисов начал переговорный процесс с руководством Пшеничного комитета – монополиста в области экспорта канадского зерна. Комитет одобрил первоначальную заявку Москвы на 4,8 млн т зерна, а также на 700 тыс. т муки. Однако Президиум ЦК требовал от Борисова увеличения объемов закупок хлеба. В результате 6 сентября Пшеничный комитет согласился продать СССР уже 5,3 млн т зерна, а 9 сентября – 7,1 млн т¹¹.

Причины, по которым Кремль «давил» на Б.А. Борисова, были довольно прозаичны. Советский государственный комитет заготовок информировал Президиум ЦК, что если ограничиться закупкой только 4,8 млн т пшеницы из Канады, то уже к февралю 1964 г. государственные ресурсы пшеницы окажутся исчерпанными¹². Речь шла о возможных серьезных продовольственных затруднениях в стране, а теоретически – даже о голоде. В советском обществе усилились негативные настроения в связи с хлебным кризисом. Об этом, в частности, упоминал в своих дневниковых записях П.Е. Шелест: «В Киеве распространились панические вести вокруг вопросов с затруднениями с хлебом, в особенности с белым. Пошли усиленные слухи, что на хлеб будут введены карточки, на крупу, сахар, мыло, соль сильно урежут фонды» [1, с. 190]. Избежать продовольственного кризиса новоявленной космической державе, особенно после событий в Новочеркасске в 1962 г., необходимо было любыми способами.

Однако спустя несколько дней после успешных переговоров советская делегация столкнулась с неожиданными трудностями. 12 сентября М. Шарп заявил Борисову, что СССР не сможет получить 7,1 млн т зерна, так как у Канады отсутствовали необходимые экспортные, а главное – логистические возможности поставки пшеницы. Руководство Пшеничного комитета пошло на беспрецедентный шаг – отозвало заявку о поставках зерна в СССР¹³. Скорее всего, мы можем говорить о двух основных причинах, заставивших канадцев пойти на пересмотр сделки. Во-первых, к середине сентября окончательно подтвердились негативные прогнозы об урожае зерновых в Европе и Аргентине. Это обстоятельство позволяло Оттаве повысить цены на пшеницу. Во-вторых, поставки зерна в СССР должны были происходить в счет кредита, полученного в том числе от американских банков. Однако в сентябре Конгресс США рассматривал законопроект о введении налога на кредиты другим странам. Канадское правительство прикладывало огромные усилия, чтобы избежать включения в законопроект. Дополнительно осложнила переговорный процесс забастовка грузчиков в атлантических портах Канады¹⁴.

Президиум ЦК рекомендовал Б.А. Борисову пойти на снижение объемов закупок канадской пшеницы до 6 млн т. Однако канадцы потребовали пересмотреть и условия предоставления кредита. Теперь Москва могла получить только кредит на полтора года с условиями оплаты 25 % единовременно и 75 % – в течение оставшегося периода и только за наличный расчет. Советское руководство пошло на новые условия, а чтобы снизить политическую напряженность, отказалось от реэкспорта канадского зерна на Кубу.

В столь непростой ситуации Б.А. Борисов даже пошел на отклонение от первоначальных директив

⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 324. Л. 142; Д. 325. Л. 21.

⁹ Там же. Л. 11.

¹⁰ Там же. Л. 12; Д. 339. Л. 12, 13.

¹¹ Там же. Л. 14, 15.

¹² Там же. Л. 15.

¹³ Там же. Оп. 18. Д. 339. Л. 17.

¹⁴ Там же. Л. 21.

Центра. В частности, 13 сентября он провел переговоры с чешским и польским дипломатическими представителями в Канаде. В ходе встречи он предложил послам начать переговоры с канадским правительством о возможной закупке зерна за счет СССР. Кроме того, он активизировал взаимодействие с брокерскими фирмами для его приобретения в третьих странах. Всего к 20 сентября Борисову и членам советской делегации удалось заключить контрактов на покупку почти 9 млн т зерна. Общая сумма закупаемого зерна и муки составила почти 6,1 млн руб. Из общего объема зерна большая часть пришлась на Канаду – 6,8 млн т и Австралию – 1,72 млн т¹⁵. Кроме того, удалось заключить договор и на покупку 52 тыс. т иранского риса.

В целом Б.А. Борисов считал свою миссию выполненной и информировал 20 сентября Президиум ЦК о том, что планирует в ближайшие дни выехать в Москву¹⁶. Советское руководство надеялось, что удастся закупить еще как минимум 2,5–3 млн т. Это зерно должно было пойти на помощь странам социалистического лагеря. Однако Канада и Австралия практически полностью исчерпали свои экспортные ресурсы. Крупнейшим игроком на мировом зерновом рынке оставались США. Борисов во время своей миссии в Канаде пытался прозондировать американский рынок. В частности, один из членов его делегации выехал в Нью-Йорк для переговоров с представителями фирмы «Drefus» – одного из ведущих агропромышленных объединений Северной Америки. Представители фирмы заявили, что попытаются получить лицензию у правительственных органов на поставку до 500 тыс. т пшеницы. Однако спустя несколько дней из США пришел неутешительный ответ: правительственные круги дадут согласие на поставку зерна «Советам», но лишь после того, как Конгресс ратифицирует договор о запрещении испытаний ядерного оружия¹⁷.

Уже готовясь к отъезду в Москву, 21 сентября Б.А. Борисов получил конфиденциальное сообщение от Госдепартамента США следующего содержания: «Было бы целесообразно, чтобы советские торговые представители, находящиеся сейчас в Канаде для закупки зерна, не торопились с отъездом. В ближайшие дни, после возвращения президента Кеннеди в Вашингтон из поездки по стране, ожидается принятие решения по вопросу о продаже американского зерна Советскому Союзу»¹⁸. Москва санкционировала продление миссии Борисова и рекомендовала ему и членам его команды готовиться к поездке в Вашингтон.

На следующий день с советским послом в США А.Ф. Добрыниным встретился бывший американский посол в СССР Л. Томпсон, занимавший в то время пост посла по особым поручениям при президенте Кеннеди.

В частной беседе Томпсон сообщил, что президент в целом положительно относится к поставкам американского зерна в СССР. Таким образом, переговорный процесс был запущен. Недостаток документов, в том числе из американских архивов, не позволяет нам точно установить, что стояло за таким неожиданным поворотом американской администрации. Можно предполагать, что наряду с меркантильными интересами американской стороны имели место политические шаги, связанные как с грядущими выборами президента США, так и с новым курсом, обозначенным Дж. Кеннеди в знаменитой речи 10 июня 1963 г. Президиум ЦК поддержал инициативу по проведению торговых переговоров и одобрил указания А.Ф. Добрынина о том, что СССР готов закупить до 4 млн т американской пшеницы¹⁹.

7 октября Л. Томпсон вновь встретился с Добрыниным. На этот раз он сообщил советскому послу, что через два дня президент Кеннеди собирается объявить на пресс-конференции о решении продавать зерно Советскому Союзу. Томпсон также передал проект пресс-релиза. Суть этого пресс-релиза сводилась к четырем пунктам: 1) цена на зерно должна быть на уровне общемировых цен; 2) условия покупки – наличными или в кредит; 3) использование зерна только для внутреннего потребления в СССР или для осуществления обязательств в отношении стран Восточной Европы; 4) перевозка только на судах США или подчиненных юрисдикции США. А.Ф. Добрынину через свои каналы удалось получить проект пресс-релиза на несколько часов раньше, что дало ему возможность оперативно подготовиться к встрече. Так, во время беседы с Томпсоном Добрынин отметил, что третий пункт пресс-релиза был явно дискриминационным, поскольку предписывал советской стороне, что она может делать с приобретенной американской пшеницей. Фактически из-за третьего пункта СССР не смог бы поставить пшеницу на Кубу²⁰.

Президиум ЦК поддержал А.Ф. Добрынина и в связи с этим рекомендовал ограничиться закупкой только 2,5 млн т зерна вместо запланированных ранее 4 млн т. После того как Добрынин ознакомил Томпсона с новыми условиями, последний, как зафиксировал советский посол, «не скрывая своего разочарования и даже досады», заявил, что Джону Кеннеди будет труднее договориться с Конгрессом о продаже зерна СССР. Несмотря на это, переговорный процесс с американской стороны продолжался, к нему присоединился Б.А. Борисов²¹. 23 октября состоялась первая встреча советской делегации с министром торговли Л. Ходжем и министром сельского хозяйства О. Фриманом на завтраке, устроенном заместителем госсекретаря Дж. Боллом. Во время встречи наибольшие споры вызвал вопрос о цене за фрахт американских судов при перевозке зерна. Американцы пытались навязать СССР цены за фрахт выше общемировых в несколько

¹⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Л. 49; «The Soviet grain problem». Special report CIA. 1 November 1963. CIA-RDP79-00927A004200090003-6. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP79-00927A004200090003-6> (дата обращения: 07.12.2018).

¹⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 18. Д. 342. Л. 63.

¹⁷ Там же. Д. 342. Л. 63; Д. 351. Л. 48.

¹⁸ Там же. Д. 343. Л. 82.

¹⁹ Там же. Д. 342. Л. 1.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Д. 350. Л. 118–119; Д. 345. Л. 23.

раз. В итоге цена за одну тонну пшеницы выросла с 70 центов до 6 долл. США. Американские политики пообещали снизить цены. Борисов и Добрынин сообщали, что американцы вели себя исключительно дружелюбно, часто улыбались, шутили. А.Ф. Добрынин упомянул, что Ходж и Фриман даже согласились позировать для прессы вместе с Борисовым, постоянно похлопывали последнего по плечу²², а Дж. Болл, заявил, что США готовы рассмотреть и обсудить более широкий спектр торговых проблем, улучшить в целом экономические отношения двух стран.

Однако спустя несколько дней, когда Б.А. Борисов встретился с крупнейшими американскими фирмами-экспортерами зерна, мираж дружественных похлопываний по плечу и улыбок развеялся. Борисов информировал Москву, что американские предприниматели столкнулись с немалыми трудностями при поставках пшеницы в СССР. Во-первых, фирмы не могли пойти на снижение стоимости фрахта американских судов, так как это была официальная позиция Вашингтона. Во-вторых, лицензию на торговлю с Москвой выдавало Министерство торговли США, но срок выдачи составлял почти две недели, что отражалось на колебаниях курса цен на зерно. Но самое главное, окончательное правительственное решение о продаже зерна СССР еще не было подготовлено. Без этого решения все сделки с Москвой оставались незаконными²³.

30 октября во время очередного раунда переговоров с Б.А. Борисовым Дж. Болл заявил, что перевозка зерна только на американских судах была позицией самого президента и не могла быть обойдена. Впрочем, Дж. Болл уверил советскую сторону, что администрация попытается договориться с независимым профсоюзом американских судовладельцев, чтобы цены на фрахт были снижены. Советские дипломаты предложили перевозить часть зерна на советских судах²⁴.

На следующий день американская сторона проинформировала советских дипломатов, что США не могут пойти на снижение цен за фрахт, так как для Вашингтона это означало бы субсидирование перевозок, для чего уже требовалось решение Конгресса. При этом Дж. Болл согласился, что половину пшеницы могли бы перевезти советские суда, но тут же добавил, что американские транспортные профсоюзы могут бойкотировать их и не обслуживать в американских портах. Поэтому Болл рекомендовал заходить советским судам на территориальные воды США под нейтральным или американским флагом. Разумеется, предложения американцев были встречены в штыки советской стороной. Б.А. Борисов заявил, что предложения Дж. Болла являются дискриминацией судов под советским флагом, а также объявил о прекращении переговоров с США, пока те не поменяют свою позицию²⁵.

Казалось, переговорный процесс зашел в тупик. Однако 5 ноября Л. Томпсон позвонил А.Ф. Добрынину и попросил организовать встречу с советскими торговыми представителями, заявив, что у американцев есть «кое-что новое». На следующий день американские политики предложили СССР заключать контракты непосредственно с частными фирмами, занимающимися фрахтом судов. При этом суда-перевозчики могли быть под разными флагами, в том числе и советским. Москва должна была выплачивать итоговую стоимость за пшеницу и ее доставку исходя из мировых цен²⁶.

Советская сторона согласилась на новые условия. В тот же день Центр уведомил Б.А. Борисова о необходимости начать закупки американского зерна. Но и на этот раз при переговорах с частными предпринимателями советские представители столкнулись с тем, что цены на фрахт оставались выше общемировых. Так, цена за одну тонну пшеницы и ее доставку составляла 2 долл., т.е. почти в 1,5 раза выше, чем цена на мировом рынке. Не помогло даже содействие министра торговли США Л. Ходжа. А.Ф. Добрынин при встрече с Л. Томпсоном задал вопрос о цене на фрахт, однако посол по особым поручениям при президенте заявил, что Джон Кеннеди уже не сможет предложить новых условий Москве²⁷.

Возможно, свертывание администрацией Кеннеди переговорного процесса с СССР по поводу поставок американского зерна было вызвано несколькими причинами. Во-первых, неудачной европейской сессией НАТО в середине ноября. Тогда американцы не смогли уговорить европейских партнеров ввести запрет на предоставление кредитов на покупку тяжелого промышленного оборудования для социалистических стран. Во-вторых, усилившимся давлением со стороны консервативных сенаторов и конгрессменов, что, в частности, выразилось в поправках сенатора-республиканца К. Мундта. В соответствии с этими поправками американским банкам было запрещено кредитовать фирмы, занимающиеся экспортом пшеницы в социалистические страны. Наконец, в-третьих, сам президент и его окружение перестали считать поставки зерна в СССР шагом, который укрепил бы политическое влияние демократов. Переговорный процесс слишком затянулся и не привел к каким-либо реальным шагам как со стороны Москвы, так и Вашингтона. Окончательно крест на переговорном процессе был поставлен после выстрелов в Далласе 22 ноября. Уже на следующий день Президиум ЦК КПСС рекомендовал советской торговой делегации выехать в Москву²⁸.

Закупки зерна за границей ослабили тяжесть зернового кризиса 1963 г. в СССР. Благодаря усилиям советских дипломатов был сформирован и апробирован на практике механизм импорта зерна, который

²² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 345. Л. 24, 25.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Д. 352. Л. 11.

²⁵ Там же. Л. 13; Д. 353. Л. 15.

²⁶ Там же. Д. 359. Л. 16–18.

²⁷ Там же. Д. 361. Л. 14.

²⁸ Там же. Д. 375. Л. 9–10.

будет реализован в дальнейшем – уже при Л.И. Брежнев. В то же время закупки зерна, а также переговоры с США имели очень важные последствия, так как нанесли серьезный удар по политическому престижу Н.С. Хрущева. Позднее один из творцов «хрущевского» заговора 1964 г. А.Н. Шелепин вспоминал: «Неурожайный 1963 год враз создал в стране огромную нехватку хлебных ресурсов, в хлебные магазины выстраивались большие очереди. Пришлось впервые за годы советской власти закупать хлеб в капиталистических странах. В народе возникал вопрос: как мог один неурожайный год посадить страну на голодный паек, если в сельском хозяйстве, по утверждению Хрущева, имело место „процветание“?»²⁹. Обвинительные воспоминания А.Н. Шелепина сопрягаются с «оправдательной» речью самого Н.С. Хрущева на декабрьском пленуме ЦК 1963 г. Отвечая заочным оп-

понентам по поводу закупок зерна за границей, советский лидер заявлял: «Что можно сказать таким людям? Если в обеспечении населения хлебом действовать методом Сталина, Молотова, то тогда и в нынешнем году можно было бы продать хлеб за границу. Метод был такой: хлеб за границу продавали, а в некоторых районах люди из-за отсутствия хлеба пухли с голоду и даже умирали»³⁰. Однако призывание тени И.В. Сталина для оправдания просчетов в области сельского хозяйства уже не являлось весомым аргументом ни для политической элиты, ни для советского общества, а зерновой кризис 1963 г. и его последствия стали одной из отправных точек в смещении Н.С. Хрущева с постов первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета министров СССР.

*Статья принята
редакцией 27.12.2018*

²⁹ Труд. 1991. 15 марта.

³⁰ Правда. 1963. 9 дек.

DOI: 10.15372/HSS20190106
УДК 930.1(470)“196/199”

Н.Г. КЕДРОВ

НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ ГУЩИН В ДИСКУССИЯХ О КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ 1960–1990-х гг. (II)*

г. Устюжна Вологодской обл.

Первая часть статьи опубликована в предыдущем номере (2018, № 4). Во второй части автор реконструирует позиции, которые занимал известный российский историк Н.Я. Гушин в дискуссиях 1960–1990-х гг. о сущности коллективизации. Одним из ключевых событий в контексте изучаемой проблематики являлась XVI сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Кишинев, 1976), на которой развернулись острые споры о социальной природе кулачества между В.П. Даниловым, утверждавшим, что кулак – это тот же крестьянин, и Н.Я. Гушиным, настаивавшим на принципиальном различии крестьянина и кулака. Впоследствии Гушин принял активное участие в выработке новых подходов к изучению коллективизации. На рубеже 1980–1990 х гг. он стал больше внимания уделять анализу политических аспектов данной темы и связал трудности аграрной политики с неверно выбранным курсом политической власти. При этом произошло его сближение с позициями, синхронно занимаемыми В.П. Даниловым.

Ключевые слова: историческая наука, аграрная историография, коллективизация, советская деревня, Н.Я. Гушин.

N.G. KEDROV

NICKOLAY GUSCHIN IN THE DISCUSSIONS ABOUT COLLECTIVIZATION IN 1960s – 1990s (II)

The first part of the article was published in the previous issue (2018, N 4). This is its second part, which reconstructs the viewpoint of N. Ya. Gushchin, a famous Russian historian, in the collectivization debates of 1970s–1980s. A key event in the context of the studied issues was the XVI Session of the Symposium on Agrarian History of Eastern Europe (Chisinau, 1976), where sharp debates about kulaks' social nature took place between V. P. Danilov, who claimed that kulaks and peasants were the same, and N. Ya. Gushchin, who insisted on their fundamental differences. Later N. Ya. Gushchin took an active part in development of new approaches to study collectivization. At the turn of 1980s and 1990s he paid more attention to analyzing the political aspects of the problem and linked the agrarian policy's difficulties with the wrong course of political power. At the same time, he came closer to the views then expressed by V. P. Danilov.

Key words: historical science, agrarian historiography, collectivization, Soviet village, N. Ya. Gushchin.

В 1976 г. в небогатой на открытые дискуссии советской академической среде произошло событие, которое на долгие годы врезалось в память его свидетелей и участников. Спустя семнадцать лет М.А. Вылцан следующим образом вспоминал об этом: «В.П. Данилов вел постоянные споры с проф. В.М. Селунской по вопросам социальной сущности советского крестьянства. Один из этих споров развернулся на кишиневской сессии Всесоюзного аграрного симпозиума в 1976 г. Данилов отстаивал свое убеждение, что кулак – тот же крестьянин. Селунская и поддержавший ее сибирский

историк Н.Я. Гушин резко обрушились на него, доказывая, что кулачество – буржуазный эксплуататорский класс, что крестьянства в России во время революции фактически уже не существовало» [1, с. 299].

За неимением стенограммы самого мероприятия попытаемся реконструировать ситуацию вокруг этого идейного спора.

Интерес историков, возникший во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг., к изучению социальной структуры советского общества, имел в своей основе как научные, так и политические предпосыл-

*Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ проекта № 15-31-01250 «Эволюция российской историографии коллективизации крестьянства».

Николай Геннадьевич Кедров – независимый исследователь, канд. ист. наук, e-mail: nk149@yandex.ru.
Nikolai G. Kedrov – independent researcher, Candidate of Historical Sciences.

ки. Бесспорно, он опирался на теоретические установки исследовательской программы изучения советской истории второй половины 1950-х гг. Рассмотрение истории советского общества как закономерного процесса формирования социалистического способа производства рано или поздно привело бы к вынесению на повестку дня текущих задач советской исторической науки, связанных с анализом экономических и социальных процессов. Этому способствовало и идеологическое обоснование руководством страны своего политического курса. На рубеже 1960–1970-х гг. Л.И. Брежневым был заявлен тезис о построении в СССР «развитого социализма». Согласно принятой тогда догме по мере приближения к коммунизму должно отмирать всякое социальное расслоение общества. Формально советское общество считалось бесклассовым, но в действительности социальные различия сохранялись. Поэтому на теоретическое разрешение этого противоречия были направлены лучшие умы страны.

Состоялся ряд конференций по проблемам социальной структуры советского общества, а кафедрой истории СССР советского периода МГУ готовился коллективный труд по данной теме. В.М. Селунская, как заведующая кафедрой, руководила этой работой. На кишиневскую сессию аграрного симпозиума ею был заявлен доклад по историографии изучения социального строя советской доколхозной деревни. Среди прочих положений ее тезисы включали и постановку вопроса о социальной природе кулачества: «Многие сложные понятия, характеризующие социальную структуру доколхозной деревни, употребляются разными историками в разном значении. До сих пор в понятие „советское крестьянство“ одни включают кулачество, а другие считают его частью сельской буржуазии» [2, с. 52]. Трактовка кулаков как части буржуазного класса отталкивалась от трудов В.И. Ленина, который таким путем доказывал активное развитие капиталистических начал в сельском хозяйстве дореволюционной России. В советской науке она была официально-общепринятой, разделяла эту точку зрения и В.М. Селунская.

В.П. Данилов считал кулаков социальным слоем внутри класса крестьянства. Его позиция выростала из понимания им социально-экономических отношений в доколхозной деревне как патриархальных. Поэтому очевидно, что вышеуказанное мнение В.М. Селунской, а также ее требование отказаться от вариативности оценок по этому вопросу вызвали возражения у В.П. Данилова. Для Н.Я. Гущина вопрос о понимании социальной природы кулачества также был краеугольным камнем в его собственных теоретических конструкциях. Ведь на тезисе об экономической силе и политической активности кулака в Сибири зиждилась его концепция региональных особенностей процесса коллективизации в сибирской деревне. В силу этого с успехом используемая им ранее примирительная тактика в данном вопросе оказалась для историка невозможной.

Разумеется, к консенсусу участники спора прийти не смогли. В работах В.М. Селунской кулачество

продолжало рассматриваться как буржуазный эксплуататорский класс [3, с. 12, 25, 28]. То же можно сказать и о научных трудах Н.Я. Гущина конца 1970-х – 1980-х гг. В частности, такая трактовка кулачества была дана им в 3-м томе обобщающего коллективного труда «История крестьянства Сибири». Н.Я. Гущин писал: «Последний эксплуататорский класс бросился в отчаянную ожесточенную борьбу, пытаясь остановить наступающий социализм» [4, с. 57]. В.П. Данилов свою позицию аргументированно изложил в монографиях по социальной истории доколхозной деревни. Он доказывал, что в силу неразвитости капиталистических отношений в российской деревне кулачество еще окончательно не выделилось из крестьянского социума, не превратилось в того фермера-предпринимателя, которого принято считать частью буржуазного класса [5, с. 347].

Исходя из результатов возникшего спора, не следует, однако, считать, что Н.Я. Гущин перешел в лагерь консервативной реакции. Случившееся в Кишиневе свидетельствовало прежде всего о его конфликте с В.П. Даниловым. Дело в том, что мнение Данилова о социальной природе кулака на тот момент разделяли даже не все его коллеги в секторе социалистического преобразования сельского хозяйства. Тогда же в 1976 г. во время обсуждения на заседании сектора доклада Н.А. Ивницкого «Ликвидация кулачества как класса в советской историографии» его автору был задан вопрос: «Кулачество – крестьянство или самостоятельный класс?». На него докладчик однозначно ответил: «Кулачество – сельская буржуазия, до ликвидации – класс»¹.

Тем не менее некоторый «дрейф» оценок в сторону даниловской трактовки заметен уже в сообщении М.А. Выльцана «К вопросу о терминологическом значении слова „крестьянство“», обсуждавшемся в апреле 1984 г. на заседании сектора социалистического преобразования сельского хозяйства. В нем историк дал противоречивую оценку социальной природы кулачества. В протоколе данного заседания зафиксировано: «С проведением коллективизации крестьянских хозяйств был ликвидирован последний эксплуататорский класс – кулачество. Крестьянство стало социально однородным классом». Затем, отвечая на один из вопросов, Михаил Августович подчеркивал: «Считаю, что кулацкое хозяйство к крестьянскому относится лишь как отрасль хозяйства, но не в социально-экономическом смысле».

В ходе последующего обсуждения мнения присутствующих вновь разделились. В.П. Данилов и В.В. Кабанов стали доказывать крестьянскую сущность кулака, тогда как Н.А. Ивницкий настаивал на том, что «кулак тот же труженик, хотя одновременно и эксплуататор. Говорить о крестьянстве как о едином классе в период империализма и в переходную эпоху

¹ Архив РАН. Ф. 1841. Оп. 1. Д. 862. Л. 35 (Протокол заседания сектора социалистического преобразования сельского хозяйства. 11 мая 1976 г.).

нельзя»². Впрочем, от однозначности ранее даваемого им определения в этой реплике не осталось и следа.

Определенная рефлексия над указанной проблемой заметна и в некоторых работах Н.Я. Гущина. Например, в историографической статье, посвященной анализу различных аспектов изучения социальной структуры сибирской деревни, он не только приво-дил ленинское определение кулачества как «самого многочисленного из буржуазных слоев», но также писал о том, что и В.И. Ленин выступал за иную, более мягкую политику к кулаку, чем по отношению к помещикам и капиталистам [6, с. 16–17]. В совместной книге Н.Я. Гущина и В.А. Ильиных содержится уже следующая характеристика этого социального слоя: «По основным классообразующим признакам кулачество – класс сельской буржуазии, по происхождению и занятиям большинства кулаков физическим трудом в сельском хозяйстве, обиходу жизни они близки к крестьянству» [7, с. 16]. Фактически эта трактовка была не столь уж далека от озвученной в сообщении М.А. Вылцана.

Любопытно, что примерно в эти же годы Н.Я. Гущин неоднократно (26 января 1982 г., 7 февраля 1984 г., 27 мая 1986 г.) выступал на заседаниях сектора истории советского крестьянства и сельского хозяйства Института истории СССР АН СССР, представляя рукописи различных трудов сибирских историков. В целом отзывы сотрудников сектора на его выступления носили благожелательный характер. В.П. Данилов, правда, на этих заседаниях либо отсутствовал, либо участия в обсуждении не принимал³.

В конце 1980-х гг. в связи с перестройкой и переосмыслением советского исторического опыта тема коллективизации стала предметом широкого общественного интереса. К этому времени помимо двух уже существующих направлений сложилось третье – радикально-критическое – направление в осмыслении событий «великого перелома». Изначально представленное писателями и публицистами, оно приобрело немало сторонников и в академических кругах.

Большинство ведущих историков-аграрников из поколения шестидесятых годов, признавая необходимость пересмотра концептов советской историографии, не разделяли в полной мере мнение радикальной части общественности. Обобщенно их позиция сводилась к признанию необходимости в конце 1920-х гг. глобальной реформы аграрного строя. В то же время они категорически отрицали сталинские методы осуществления «революции сверху» [8, с. 377].

В силу того что представители консервативного направления к этому времени оказались дискредитированы, основной спор по поводу новой версии прочтения коллективизации разразился между историками-шестидесятниками и представителями критического

направления. Об этом однозначно свидетельствуют материалы дискуссий о коллективизации, прошедших в 1988 г. в научно-исследовательских институтах Москвы и Новосибирска [9; 10].

Спор о коллективизации порой приобретал непри-вычно острый для академической среды характер. Показательна в этом отношении пикировка колкостями между Н.Я. Гущиным и секретарем Союза советских писателей Ю.Д. Черниченко в ходе дискуссии, состоявшейся в редакции журнала «История СССР». Историк призывал к сдержанности оценок в процессе переосмысления «великого перелома», с опорой на факты, и стремлению избежать односторонних трактовок. Он заявлял: «Если мы будем писать историю коллективизации, основываясь только на взглядах из-за тюремных решеток или лагерей, то не стоит за это и браться», справедливо указывая на то, что до сих пор еще живы участники создания колхозов. Предложение историка заключалось в том, чтобы провести широкое социологическое исследование, суммирующее различные взгляды.

На это Ю.Д. Черниченко, весьма критически настроенный по отношению к советским историкам, с явным сарказмом замечал: «История крестьянства в СССР – история жгучая, требует мужества, требует и для разработки своей таких моральных качеств, какие косметическим путем из трубадуров коллективизации не получить». В свою очередь Гущин оппонировал Черниченко в оценке литературного образа Макара Нагульного, которого тот «окрестил» «идеологизированным опричником». Как бы намекая на неверную трактовку Черниченко персонажа, созданного М.А. Шолоховым, историк замечал: «В деревне были не только деклассированные элементы, как дед Щукарь. Там были и Нагульновы, которые искренне верили в идею, которая им была дана, иной они не знали. Они были глубоко убеждены, что можно быстро переделать сознание людей» [10, с. 8–9, 26].

В ходе той же дискуссии 1988 г. Ю.А. Мошков и Н.Я. Гущин в разной степени тональности, но используя практически одинаковые аргументы, оспаривали концепцию коллективизации, предложенную тогда В.П. Даниловым, который вдруг объявил кооперацию прямой дорогой в социализм. Отказ Сталина использовать этот путь развития, по мнению Данилова, «не был запрограммирован ни социалистической теорией, ни объективными обстоятельствами» [10, с. 16].

Возражения Н.Я. Гущина и Ю.А. Мошкова сводились к двум основным тезисам. Первый из них заключался в том, что существующие в советской деревне 1920-х гг. различные формы кооперации не вполне соответствовали социалистическим отношениям. «Судя по всему, кооперативное движение в конце 20-х гг. пребывало на недостаточно высокой стадии, еще не достигло того уровня, который можно назвать развитой фазой кооперативного строительства», – читаем у Ю.А. Мошкова [10, с. 23]. «Всего проще сказать, что любая кооперация – социализм. Но кооперация это и сельпо, и коммуна. В разные исторические пе-

² Архив РАН. Ф. 1841. Оп. 1. Д. 1707. Л. 27–30 (Протокол заседания сектора советского крестьянства и сельского хозяйства. 10 апреля 1984 г.).

³ Там же. Д. 1519. Л. 7–12; Д. 1707. Л. 14–17; Д. 1829. Л. 41.

риоды кооперация не была социалистической. <...> Ясно, что нельзя сбыто-снабженческую и другие простейшие формы кооперации рассматривать только как подготовительные ступени производственных форм-колхозов», – подчеркивал Н.Я. Гуцин [10, с. 24]. Вторым тезисом состоял в том, что позицию Сталина в его споре с Н.И. Бухариным на тот момент поддерживало большинство членов ЦК и рядовых партийцев.

Интересно, что первый использованный в споре аргумент вытекал из работ самого В.П. Данилова по истории советской доколхозной деревни. На более раннем этапе своего творчества историк всячески подчеркивал вовлеченность кооперации в сферу социально-экономических отношений мелкотоварного крестьянского производства. Однако затем в поисках идеальной (нереализованной) формулы построения социалистических отношений в СССР он отошел от данной трактовки. Его же коллеги по «цеху», напротив, взяли на вооружение данный тезис. Рассмотренный эпизод не только свидетельствует о наличии некоторых расхождений в трактовке узловых вопросов в лагере историков-шестидесятников, но и является показателем осуществляемой ими серьезнейшей работы по переосмыслению данной проблемы.

Ряд работ Н.Я. Гуцина рубежа 1980–1990-х гг. дают возможность увидеть основные линии, по которым происходил этот процесс в его творчестве (см.: [9; 11; 12]). Прежде всего, в этих статьях обращает на себя внимание постепенный его отход от объяснения необходимости коллективизации совокупностью социально-экономических факторов (низкой технической оснащенностью деревни 1920-х гг., слабой товарностью крестьянского хозяйства, социальным расслоением и ростом антагонизмов в крестьянской среде). Теперь ученый все больше внимания обращает на политические аспекты темы. В связи с этим он рассматривает вехи ревизии И.В. Сталиным своих взглядов на крестьянское хозяйство. В частности, Н.Я. Гуцин отмечал, что после поездки генсека в Сибирь в 1928 г. коллективизация превратилась для него из цели в средство, стала оцениваться не как отдельная задача социалистического строительства, а как необходимая мера для решения текущих проблем снабжения страны хлебом.

При этом Н.Я. Гуцин задавался вопросом о том, почему в споре о судьбах страны победил Сталин, а не его оппоненты в партии. Отвечая на него, Н.Я. Гуцин указывал, что предложенный Сталиным вариант решения экономических проблем в большей степени соответствовал этосу основной массы членов ВКП(б), для которых лозунг «бей кулака» был понятней тактики и лавирования, «военнокоммунистические» методы руководства приемлемее уступок, сделанных капиталу в период нэпа.

Иными, чем в прежних работах, стали оценки Н.Я. Гуцина, касающиеся расстановки сил в порожденном коллективизацией общественно-политическом конфликте. Если раньше он писал о «борьбе кулачества против коллективизации», то теперь отмечал, что поскольку «раскулачивались» значительные слои

трудовых крестьян», то, соответственно, это вызывало их недовольство, а нередко противодействие. Однако, в отличие от В.П. Данилова, который, участвуя в упомянутой выше дискуссии, утверждал, что даже поддержка коллективизации беднотой носила вынужденный характер, Н.Я. Гуцин в своих работах подчеркивал широкое распространение в крестьянской среде накануне коллективизации уравнилельских настроений. Культурная отсталость страны, мелкобуржуазность основной массы населения и обеспечили, по мнению ученого, как поддержку курса на коллективизацию, так и формирование социально-политической системы сталинизма.

Дальнейшая эволюция взглядов Н.Я. Гуцина на коллективизацию была связана с признанием им большинства оценок В.П. Данилова. Свидетельством этого может служить последняя, изданная уже посмертно, книга Николая Яковлевича «„Раскулачивание“ в Сибири (1928–1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия». На ее страницах историк назвал курс на коллективизацию «волонтаристским актом сталинского руководства». О социальной поддержке тех или иных акций власти в книге не шло и речи. Н.Я. Гуцин даже признал правоту своего оппонента в давнем споре о социальной природе кулачества. Теперь Н.Я. Гуцин утверждал, что «кулачество – крупное крестьянство, его верхний слой» [13, с. 39].

В современной литературе эти перемены в позиции Гуцина обычно рассматриваются как факт окончательной победы даниловской историографической революции. С этой оценкой в целом нельзя не согласиться. Признание правоты оценок В.П. Данилова крупнейшим на тот момент региональным историком коллективизации, разумеется, имело символическое значение. Однако любопытно, что «точка» единогласия Гуцина и Данилова различными исследователями определяется по-разному. Так, С.А. Есиков утверждал, что Николай Яковлевич поддержал даниловскую концепцию «кооперативной коллективизации» как способ разрешения проблем аграрного развития страны [14, с. 13]. В.А. Ильиных же писал о том, что точка зрения В.П. Данилова и Н.Я. Гуцина была связана с признанием перспективы в «поступательном развитии крестьянского хозяйства на базе нэпа» [15, с. 225].

При всей кажущейся схожести этих формулировок различие между ними все же существует. В.П. Данилов действительно считал возможности мелкого крестьянского хозяйства 1920-х гг. неисчерпанными, но при этом указывал на их ограниченность. «Мелкое крестьянское хозяйство и социализм разделяют целый ряд стадий социально-экономического и культурного развития», – писал ученый [16, с. 816]. Нереализованный проект аграрной реформы по А.В. Чапанову, он отличал как от «коллективизации по-сталински», так и от принципов функционирования экономики эпохи нэпа.

В начале 1990-х гг. Н.Я. Гуцин пересмотрел свои прежние взгляды на потенциал крестьянского хозяйства. Если еще в конце 1980-х гг. он фиксировал вни-

мание на замедлении темпов экономического развития в конце 1920-х гг. как объективных предпосылок завершения процесса восстановления народного хозяйства страны, то теперь связывал эти трудности с неверно избранным политическим курсом власти по отношению к деревне (ограничение предпринимательских слоев, «фаворитизация» бедноты). По его мнению, «сталинский „теоретический“ коренной поворот во взглядах на крестьянское хозяйство противоречил реальному положению дел в сельском хозяйстве» [17, с. 131–133]. Исходя из этого, исследователь делал вывод о возможности и желательности продолжения развития экономики на основе нэповской модели.

Этот небольшой нюанс в оценках историками реалий и перспектив развития советского сельского хозяйства не имел критического значения для формирования в 1990-е гг. новой парадигмы коллективизации в российской исторической науке. Однако он закладывал все же различные векторы дальнейшего осмысления темы. Ответ В.П. Данилова на вопрос о возможностях экономики нэпа переносил основной акцент исследования в сферу политической истории и был связан с определением тех сил, которые могли бы осуществить позитивную программу аграрных реформ. Трактовка же этой проблемы, данная Н.Я. Гуциным, нацеливала на поиск альтернатив непосредственно в сфере советского народного хозяйства.

Как известно, П. Бурдые считал, что подлинный интеллигентизм состоит в том, чтобы уметь наладить сотрудничество, сохраняя при этом точку разрыва. Гибкостью мышления, способностью видеть новое и меняться самому Н.Я. Гуцин обладал в полной мере. Его место в развитии отечественной историографии советского крестьянства чем-то напоминает роль, сыгранную первыми московскими князьями в судьбах средневековой Руси. Словно правитель, оказавшийся на далеком уделе и наблюдавший за схваткой старших братьев, Н.Я. Гуцин с высоты своего красного кресла (до наших дней сохранившегося в памяти учеников и коллег как атрибут его непререкаемого авторитета в возглавляемом секторе) внимательно следил за дебатами историков о коллективизации. Будучи активным участником этих споров, он проявил себя мудрым и прагматичным «политиком». Поддерживая победителей, при этом он оставался в приемлемых отношениях с побежденными. В его собственной позиции почти всегда существовала точка расхождения, предполагавшая возможность компромисса и с теми, и с другими.

Говоря о вкладе Н.Я. Гуцина в формирование в Новосибирске школы аграрных исследований, следует отметить не только организационные и дипломатические качества ее создателя. Н.Я. Гуцин был подлинным ученым. Его идеи и методологические подходы прошли проверку временем. Отметим здесь лишь несколько такого рода аналитических структур, присущих его творчеству, а ныне ставших своего рода «визитной карточкой» новосибирских исследователей-аграрников. Во-первых, это интерес к изучению

процессов большой длительности (экономических, социальных, демографических). Во-вторых, рассмотрение коллективизации в контексте генезиса социальной структуры советского общества. В-третьих, внимание к проблемам социального и социокультурного перерождения российского крестьянства под влиянием судьбоносных перемен в жизни страны. Во многом наличие этих универсальных сюжетов в круге исследовательских задач новосибирской аграрно-исторической школы помогло ей выйти на передний край современных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. М., 2015. 743 с.
2. *Селунская В.М.* Актуальные вопросы изучения социального строя советской доколхозной деревни (новейшая историография темы) // XXV съезд КПСС и задачи историков-аграрников: XVI сессия Симпозиума по изучению проблем аграрной истории: тез. докл. и сообщ. М., 1976. С. 48–52.
3. *Селунская В. М.* Изменение социальной структуры советской деревни. М., 1979. 63 с.
4. Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.): кол. моногр. / отв. ред. Н.Я. Гуцин. Новосибирск, 1983. 390 с.
5. *Данилов В. П.* Советская доколхозная деревня: социальная структура и социальные отношения. М., 1979. 358 с.
6. *Гуцин Н.Я.* Преобразование социальной структуры советской сибирской деревни (некоторые проблемы историографии) // Социальная структура сибирской деревни в период строительства и совершенствования развитого социализма: сб. науч. тр. Новосибирск, 1984. С. 3–40.
7. *Гуцин Н.Я., Ильиных В. А.* Классовая борьба в сибирской деревне (1920-е – середина 1930-х гг.). Новосибирск, 1987. 332 с.
8. *Мерль Ш.* Взгляд с Запада на советскую историографию коллективизации сельского хозяйства // Россия в XX веке: судьбы исторической науки. М., 1996. С. 373–387.
9. «Великий перелом» в деревне (дискуссия по проблемам коллективизации) // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. 1989. Сер. История, филология и философия. Вып. 1. С. 3–36.
10. Коллективизация: истоки, сущность, последствия. Беседа за «круглым столом» // История СССР. 1989. № 3. С. 3–62.
11. *Гуцин Н.Я.* Коллективизация сельского хозяйства (некоторые дискуссионные проблемы) // Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии: XXII сессия Всесоюз. симп. по проблемам изучения аграрной истории: тез. докл. и сообщ. М., 1989. С. 23–27.
12. *Гуцин Н.Я.* Коллективизация сельского хозяйства Сибири (дискуссионные проблемы и уроки) // Актуальные проблемы истории советской Сибири: сб. науч. тр. Новосибирск, 1990. С. 140–169.
13. *Гуцин Н.Я.* «Раскулачивание» в Сибири (1928–1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск, 1996. 158 с.
14. *Есиков С.А.* Российская деревня в годы нэпа. К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М., 2010. 246 с.
15. *Ильиных В.А.* Коллективизация деревни: проекты и реальность // Крестьяноведение: Теория. История. Современность: учен. зап. М., 2013. Вып. 8. С. 225–232.
16. *Данилов В.П.* Коллективизация сельского хозяйства в СССР // Данилов В.П. История крестьянства в России в XX веке: избр. труды. М., 2011. Ч. 1. С. 801–861.
17. *Гуцин Н.Я.* К вопросу об «исчерпании» возможностей мелкоотварного крестьянского хозяйства в конце 20-х годов // Россия нэповская: политика, экономика, культура. Новосибирск, 1991. С. 131–133.

REFERENCES

1. Babashkin V. V. (ed.) Modern peasant studies and agrarian history of Russia in the XX century. Moscow, 2015, 743 p. (In Russ.)
2. Selunskaya V. M. Actual issues of studying the Soviet village social system before collective farms (the recent historiography on the topic). *XXV s'ezd KPSS i zadachi istorikov-agrarnikov. XVI sessiya Simpoziuma po izucheniyu problem agrarnoy istorii: tezisy dokladov i soobshcheniy* Moscow, 1976, pp. 48–52. (In Russ.)
3. Selunskaya V. M. Changing the Soviet village social structure. Moscow, 1979, 63 p. (In Russ.)
4. Gushchin N. Ya. (ed.) Siberian peasantry during socialism building (1917–1937). Novosibirsk, 1983, 390 p. (In Russ.)
5. Danilov V. P. Soviet village before collective farms: social structure and social relations. Moscow, 1979, 358 p. (In Russ.)
6. Gushchin N. Ya. Transformation of the Soviet Siberian village social structure (some problems of historiography). *Sotsial'naya struktura sibirskoy derevni v period stroitel'stva i sovershenstvovaniya razvitogo sotsializma*. Novosibirsk, 1984, pp. 3–40. (In Russ.)
7. Gushchin N. Ya., Il'inykh V. A. Class struggle in the Siberian village (1920s–mid 1930s). Novosibirsk, 1987, 332 p. (In Russ.)
8. Merl' Sh. A glance from the West on the Soviet historiography of agriculture's collectivization. *Rossiya v XX veke: sud'by istoricheskoy nauki*. Moscow, 1996, pp. 373–387. (In Russ.)
9. «Great crisis» in village (discussion on collectivization problems). *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya Akademii nauk SSSR. Ser. Istoriya, filologiya i filosofiya*, 1989, no. 1, pp. 3–36. (In Russ.)
10. Collectivization: sources, essence, consequences. A «round table». *Istoriya SSSR*, 1989, no. 3, pp. 3–62. (In Russ.)
11. Gushchin N. Ya. Collectivization of agriculture (some debatable problems). *Vzaimosvyazi goroda i derevni v ikh istoricheskom razvitiy. XXII sessiya Vsesoyuznogo simpoziuma po problemam izucheniya agrarnoy istorii: tezisy dokladov i soobshcheniy*. Moscow, 1989, pp. 23–27. (In Russ.)
12. Gushchin N. Ya. Agriculture collectivization in Siberia (debatable problems and lessons). *Aktual'nye problemy istorii sovetskoy Sibiri*. Novosibirsk, 1990, pp. 140–169. (In Russ.)
13. Gushchin N. Ya. “Dekulakization” in Siberia (1928–1934): methods, stages, socio-economic and demographic consequences. Novosibirsk, 1996, 158 p. (In Russ.)
14. Esikov S. A. The Russian village during the new economic policy. On a problem of alternatives for Stalin collectivization (the Central Chernozem region data). Moscow, 2010, 246 p. (In Russ.)
15. Il'inykh V. A. Countryside collectivization: projects and reality. *Krest'yanovedenie. Teoriya. Istoriya. Sovremennost': uchenye zapiski*. Moscow, 2013, vol. 8, pp. 225–232. (In Russ.)
16. Danilov V. P. Collectivization of agriculture in the USSR. *Danilov V. P. Istoriya krest'yanstva v Rossii v XX veke: izbrannye trudy*. Moscow, 2011, pt. 1, pp. 801–861. (In Russ.)
17. Gushchin N. Ya. An issue of „exhaustion” of possibilities of a small-scale country economy in the late 1920s. *Rossiya nepovskaya: politika, ekonomika, kul'tura*. Novosibirsk, 1991, pp. 131–133. (In Russ.)

*Статья принята
редакцией 27.12.2018*

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

DOI: 10.15372/HSS20190107
УДК 930(470)"16"

Е. С. ДИЛИГУЛ, И. А. ПОЛЯКОВ

КЕЛЕЙНЫЙ СБОРНИК ТИХВИНСКОГО АРХИМАНДРИТА ИОНЫ БАРАНОВА КАК ПАМЯТНИК МОНАСТЫРСКОЙ КНИЖНОСТИ XVII в.*

Институт истории СПбГУ,
РФ, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5
Российская национальная библиотека,
РФ, 191069, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 18

Статья посвящена структурному и кодикологическому анализу келейного сборника архимандрита Тихвинского Успенского монастыря (1668–1674), будущего архиепископа Вятского и Великопермского (1674–1699) Ионы Баранова. История создания и бытования рукописи Q.XVII.151, входившей в состав библиотеки Н.М. Карамзина и попавшей после его смерти в Основное собрание Отдела рукописей Публичной библиотеки (Российской национальной библиотеки), ранее не была предметом отдельного исследования. В рамках статьи рукопись впервые рассматривается как единый памятник. Изучение частей этого рукописного сборника, созданных в 60-е гг. XVII в., предоставляет исследователям уникальные сведения о книжных интересах Ионы Баранова в бытность его келарем, а затем архимандритом Тихвинского Успенского монастыря. Изучение жизни и деятельности иерарха в 60-70-е гг. XVII в. представляет особый интерес для специалистов, так как о «тихвинском» периоде его жизни сохранилось сравнительно немного сведений в других источниках.

Ключевые слова: археография, источниковедение, древнерусская книжность, русская культура XVII в., Тихвинский Успенский монастырь, церковная иерархия.

E. S. DILIGUL, I. A. POLYAKOV

A CELL COLLECTION BY IONA BARANOV, TIKHVIN ARCHIMANDRITE, AS A MONUMENT OF MONASTIC LITERATURE OF THE XVII CENTURY

Institute of History of St. Petersburg State University
5, The Mendeleev line, St. Petersburg, 199034, Russian Federation
Russian National Library, Manuscript Department
18, Sadovaya str., Saint Petersburg, 191069, Russian Federation

*Статья подготовлена при поддержке РФФ, грант ««Мобилизованное Средневековье»: обращение к средневековым образам в дискурсах национального и государственного строительства в России и странах Центрально-Восточной Европы и Балкан в новое и новейшее время», проект № 16-18-10080.

Екатерина Сергеевна Дилигул – лаборант-исследователь, Институт истории СПбГУ, ediligul1996@yandex.ru.

Поляков Иван Анатольевич – научный сотрудник, Российская национальная библиотека, ivan669@bk.ru.

Ekaterina S. Diligul – laboratory researcher, Institute of History of St. Petersburg State University.

Ivan A. Polyakov – research fellow, Russian National Library.

The article objective is to study the content and history of existence of a cell collection by Iona Baranov, an Archimandrite of Tikhvin Assumption Monastery, later Archbishop of Vyatka and Perm. The problem of book interests of the church and secular elites in the Moscow state of the XVII century is an actual problem for the modern historical science. Members of the ruling and ecclesiastical elite of the XVII century were interested in numerous historical essays, anthologies of hagiographical texts, pamphlets and translated works. To acquaint with these monuments of Russian and European literature their copies were made in boyar houses, churches and monasteries. Later eminent owners made historical and spiritual anthologies of them. Such private manuscripts are important sources for the biography of a particular member of the Moscow tsardom's clergy in the Early Modern Age. The composition analysis of such manuscript monuments allows not only concluding about literary interests and level of education of priests, archimandrites or bishops, but expanding our understanding of the spiritual and cultural realities of that historical period. The article describes the history of the compilation and existence of a cell collection (Q.XVII.151) by Iona, Archimandrite of Tikhvin Assumption Monastery. It includes such historical and literary monuments as Novgorod V Chronicle, "Speech to the Cathedral in 1619" by Ivan Nasedka, and "The Following of Holy Communion". For the first time, domestic researchers turned to studying the collection in the late XIX century, and in 1917 the copy of Novgorod V Chronicle was used to prepare the fourth volume of "The Complete Russian Chronicles Collection". However, until today, the manuscript itself as a whole has not become a research subject and has not been considered as a single monument. It is established that the manuscript parts were made by scribes for Iona Baranov to order in the 1660s, when he was a cellarer old man, and then an Archimandrite of Tikhvin Assumption Monastery. Only in the late 1690s, Archbishop Iona collected parts of the manuscript, which were kept in notebooks, under one cover, creating the extant historical collection. Thus, the monument considered in the article has a complex structure and contains unique information about the history of book interests of Iona, the Archbishop of Vyatka and Great Perm.

Key words: archeography, source study, Old Russian booklore, Russian culture of XVII century, Tikhvin Assumption Monastery, church hierarchy.

Архиепископ вятский и великопермский Иона (1635 (?) – 1699) был значимой церковной фигурой конца XVII в.¹ Активная деятельность иерарха позволила укрепить молодую епархию, вывести ее благосостояние и развитие на новый уровень. При нем в регионе увеличилось число храмов, получило развитие каменное строительство, а епархия расширила свои владения [1, с. 212–214; 2, с. 472]. С именем Ионы связано установление чина почитания многих местных святынь, а также прославление Трифона Вятского как покровителя Вятской земли [1, с. 219; 2, с. 474].

Несмотря на то, что архиепископ Иона был известным и влиятельным в церковных и светских кругах иерархом, его биография долгое время оставалась малоизвестной, а большинство известных сведений о его жизни и деятельности связано с периодом, когда владыка возглавлял архиепископскую кафедру в Вятке. Более того, его происхождение и служба до поставления в архиепископы вызывают споры и разногласия в исторической литературе.

Первые биографические сведения о деятельности вятского иерарха содержатся в труде П.М. Строева [3, с. 63]. Исследователь указал, что Иона до поставления в чин вятского архиепископа носил фамилию Баранов и был келарем Троицкого Калязина монастыря, а затем архимандритом Тихвинского Успенского монастыря. Эти сведения ученый обнаружил в ходе изучения актов Тихвинского Успенского монастыря, собранных Археографической экспедицией. Уже в одном из первых ее изданий были опубликованы акты и грамоты, упоминающие Иону Баранова как «келаря старца» того же монастыря в начале 60-х гг. XVII в.² В «Указателе к актам Археографической экспедиции» Иона Ба-

ранов значится как «келарь Тихвинского монастыря, епископ Вятский»³.

До недавнего времени в историографии не возникало вопросов о «тихвинском периоде» жизни иерарха. Как архимандрит Тихвинского Успенского монастыря и архиепископ Вятский и Великопермский Иона фигурирует в работах Я.И. Бердникова, К.Н. Сербиной, П.В. Седова и др. [4, с. 201; 5, с. 72–82; 6; 7; 8, с. 137; 9; 10, с. 86–88; 11; 12, с. 4] К.Н. Сербина в своих работах также отождествляла архимандрита Иону с келарем Ионой Барановым, неоднократно упоминавшимся в актовых материалах монастыря в 50–60-х гг. XVII в. [7, с. 243, 325–326, 458]

В последнее десятилетие к проблеме происхождения иерарха обратилась Н.Е. Завойская [1, с. 206–226]. Ссылаясь на свидетельства племянников Ионы, носивших фамилию Тугариновы, она предположила, что архиепископ Вятский происходил из той же семьи и должен был иметь ту же фамилию, но которая не отразилась в официальных источниках [1, с. 207]. На основании этого факта Н.Е. Завойская подняла вопрос о механическом соединении биографий келаря Ионы Баранова и архимандрита Ионы в исторической литературе XIX в. Изучая акты Троицкого Калязина монастыря, она обнаружила сведения о келаре Ионе, появившемся в монастыре в начале 1660-х гг. Этот факт позволил Н.Е. Завойской прийти к выводу о «калязинском» происхождении архимандрита Ионы и отнести его монашеский постриг к 1653 г.⁴ Точка зрения исследовательницы получила распространение в современной историографии и отразилась, к примеру, в биографической статье об Ионе в Православной энциклопедии [2, с. 471–474]. В рамках данного исследования мы не будем обращаться к дискуссии о происхождении архиепископа. Однако отметим, что именно под такой фамилией архимандрит Тихвинский вошел

¹ В 1674 г. Иона был поставлен епископом на Вятке, а в 1682 г. он был возведен в сан архиепископа. Во избежание путаницы и исходя из того, что рассматриваемый нами сборник содержит записи, в которых Иона упоминается как архиепископ Вятский, в тексте настоящей статьи Иона будет титуловаться архиепископом.

² Акты Археографической экспедиции. СПб., 1836. Т. 4. С. 191.

³ Указатель к Актам Археографической экспедиции. СПб., 1858. С. 24.

⁴ К сожалению, исследовательница не дает ссылку на источник этой информации.

в отечественную историографию [3, с. 63, 799 и др.; 7, с. 243, 301, 309 и др.].

Церковный краевед и писатель, архиепископ Ека-теринославский, Платон (Любарский) [13, с. 54], ха-рактеризуя деятельность вятских архиепископов, упо-мянул, что Иона занимался собиранием рукописных и печатных книг, «каковые только тогда сыскать можно было», и хорошо знал «славено-российскую грамоту» [12, с. 4]. Будучи человеком широких интересов, ие-рарх собрал вокруг себя талантливых книжников, один из которых, по мнению исследователей, составил «По-весть о стране Вятской» [11, с. 248].

Вятский книжник Семен Попов, по мнению Д. Уо, был историком Вятской епархии и создателем Хлы-новской церковной летописи, составленной по пору-чению архиепископа Ионы [11, с. 155, 227]. При этом иерархе, также в связи с развитием почитания мест-ных святынь, создается новая редакция Сказания о Ве-ликорецкой иконе с использованием текста Сказания о Тихвинской иконе, привезенного им из Тихвина [11, с. 233]. Однако ни в литературе, ни в источниках нет сведений о составе библиотеки архиепископа Ионы. Местонахождение его книг в настоящее время неиз-вестно. Опубликованное духовное завещание преос-вященного Ионы также не содержит информации о су-ществовании собственного собрания⁵. Его книжные интересы, частично раскрытые в труде Д. Уо, до сих пор остаются неизученными.

Келейный сборник архиепископа Ионы, обна-руженный нами в составе Основного собрания руко-писной книги (ОСРК) Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, позволяет расширить пред-ставления о рукописном наследии и книжных интере-сах этого иерарха⁶. Важно отметить, что исследование истории создания и бытования этой рукописи, а также сохранившихся в нем литературных памятников по-зволяет получить не только новые уникальные све-дения о книжных интересах владыки, его репертуаре чтения и грамотности, но также осветить его деятель-ность в 60-е гг. XVII в. до переезда на архиепископ-скую кафедру.

Рукопись ОР РНБ. Q.XVII.151 поступила в Пу-бличную библиотеку в составе собрания Н. М. Ка-рамзина, переданного в 1878 г. из Археографической комиссии. Первое ее описание было включено в «От-чет Императорской Публичной библиотеки за 1878 г.» [14, с. 16–17]. С этого момента исторический сборник неоднократно использовался исследователями, однако история его создания и бытования ни разу не станови-лась предметом отдельного изучения.

Сборник представляет собой рукопись середины XVII в. Бумага: филигрань герб, типа Тромонин, № 848 (1695 г.) [15], л. I–III; филигрань всадник на медведе

(верхняя часть филигрании отсутствует вследствие по-тери одного листа) (филигрань не отождествляется), л. IV–V; филигрань голова шута, типа – Дианова Т. В., Костюхина Л. М., № 310 (1660, 1661), № 311 (1660, 1661), № 313 (1663, 1665) [16], л. 1–40, 57–64, 78–131, 134–254; филигрань герб г. Амстердам, типа – Диано-ва Т. В., Костюхина Л. М., № 223 (1663) [17], л. 41, 48, 44–45, 65–72, 132–133; филигрань герб Пасхальный аг-нец с контрамаркой PL, близко к Лауцявичюс Э., № 590 (1653) [18], Churchill W. A., № 456 (1657) [19], Диано-ва Т. В., № 5 (1664) [20], л. 42–43, 49–51.

Части рукописи написаны разными писцами. Летописная часть создана несколькими мастерами и, вероятно, переписывалась потетрадно. Это предпо-ложение подтверждает кодикологический анализ Нов-городской V летописи: отсутствует ряд листов в тетра-дях, на месте последнего вставлены отдельные листы, однако текстовые утраты в источнике отсутствуют. Та-кая ситуация как раз и могла возникнуть в случае пе-реписки текста разными людьми по тетрадям – оста-вавшиеся чистые листы в тетради и дублирующиеся места были заменены, что отразилось в составе ру-кописи. Еще одним важным аргументом в пользу это-го предположения может служить наличие правок по всему тексту летописи, сделанных почерком одного из переписчиков.

Большой интерес для исследователей предстает состав сборника: 1. Список русских городов (л. 1–4 об.); 2. Список русских митрополитов (л. 4 об. – 5); 3. Списки новгородских архиепископов (л. 5–6) и новгородских епископов (л. 6–8); 4. Новгородская V летопись (л. 8–133 об.); 5. «Речь к собору 1619 г.» (л. 134 – 219); 6. «Последование святого причащения» (л. 219–254). Части сборника были созданы по отдель-ности в 1660-е гг. и до переплетения бытовали в тетра-дях. Представленный текст Новгородской V летописи в научной литературе известен как Библиотечный спи-сок⁷. Он не был завершен и доводит повествование до событий 1016 г. Этот памятник не раз привлекался ис-следователями для изучения истории русского летопи-сания. Библиотечный список наряду с Хронографиче-ским (ГИМ. Синодальное собр. 280) и Академическим (БАН. 34.4.32) был использован при издании Новго-родской V летописи в серии ПСРЛ⁸. К сожалению, вторая часть издания, содержащая окончание летописи и конвой, осталась неопубликованной. В дальнейшем список ОР РНБ. Q.XVII.151 не раз просматривался исследователями и был включен в перечень списков Новгородской V летописи в монографии А. Г. Бобро-ва [21, с. 218–224].

В отличие от летописной части рукописи, дру-гие произведения из состава сборника были изучены в меньшей степени. Следом помещен текст, извест-ный в литературе как «Речь Ивана Наседки к собо-ру 1619 г.» («Послание села Клементиева священ-

⁵ Духовное завещание преосв. Ионы // Труды и летописи Об-щества истории древностей Российских. 1837. Ч. 8. С. 14–21.

⁶ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Q.XVII.151. Сборник, 4°, 261 л. (256 + V), XVII в., скоропись, переплет – доски в коже со слепым тиснением.

⁷ Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 2. В. 1. Пг., 1917. С. 3.

⁸ Там же.

ника Ивана патриарху Филарету Никитичу...») [22, с. 571–572]. Необходимо отметить, что в тексте памятника встречаются многочисленные исправления, сделанные близко ко времени создания списка. На л. 219 об. в завершении памятника находится лигатура, выполненная киноварью. Есть основания предполагать, что сокращение можно раскрыть как «Иван Н», т.е. «Иван Наседка»⁹.

Этот неизвестный ранее список «Речи...» представляет интерес для специалистов по истории рукописной книжности XVII в. и творчества Ивана Наседки в частности. Биография этого церковного книжника, жившего в первой половине XVII в., была изучена Т. А. Опаринной, однако о некоторых периодах его жизни в источниках содержатся противоречивые и отрывочные сведения [23, 42–44]. Вероятно, в начале 1650-х гг. у патриарха Никона возник конфликт с Иваном Наседкой, результатом которого стала высылка опального справщика из Москвы на север в Кожезерский монастырь. Источники ничего не сообщают о его жизни и деятельности в этот период. Можно предположить, что сочинение Ивана Наседки попало к Ионе не случайно. Чин поставления Ионы в архиепископа Вятского и Великопермского содержал новшество, которое мог благословить только патриарх. При этом архиепископ обещал не вступать в общение с латинянами, еретиками, а также не содержать в своей епархии представителей инославных вероисповеданий [8, с. 137–138]. Следовательно, Иона так или иначе был причастен к антилатинской и антиеретической полемике конца XVII в. Этот и другие вопросы требовали от церковного иерарха XVII в. не только определенного уровня образования, но и глубокого понимания сути церковных споров и знания прецедентов XVII в. В целом список «Речи...», созданный в 1660-х гг. и бытовавший у архимандрита Ионы в Тихвинском Успенском монастыре, может представлять большой интерес для изучения последнего периода жизни Ивана Наседки, а обнаруженная нами киноварная лигатура может быть связана с автографами этого публициста.

Состав рукописного сборника завершает «Последование святого причащения». Этот текст является частью молитвенного (келейного) правила, его прочтение является одним из этапов подготовки человека к таинству евхаристии.

Таким образом, перед нами рукопись, написанная в 60-х гг. XVII вв. и принадлежавшая в 1668–1674 г. архимандриту Тихвинского Успенского монастыря Ионе. Кодикологический анализ структуры не дает однозначного ответа на вопрос о происхождении каждой из частей сборника. Можно говорить о том, что памятники были переписаны в одно время (значительная часть летописи, «Речь 1619 г.» и «Последование святого причащения» написаны на бумаге с филигранью «Голова шута») и до переплетения существовали отдельно в виде тетрадей. На л. 1–133 по нижнему полю листов

читается владельческая запись-скрепа архимандрита Ионы: «Сия книга летописец Пречистые Богородицы и чудотворнаго Ея образа Одигитрия Тихфина манастыря архимандрита Ионы ево собинная келейна. А буде хто похитит сию глаголемую книгу летописец, и ево со мною судит Бог и Пресвятая Богородица. А после моего живота пожаловать отдать сия книга Колязина монастыря слуге Антипе»¹⁰. Подпись занимает все листы Новгородской V летописи.

Первая, летописная, и вторая части сборника имеют отдельные тетрадные сигнатуры на нижнем поле первого листа каждой тетради, а «Последование святого причащения» предшествует отдельный лист с записью: «Тетрати архимандрита Ионы Тихфина монастыря»¹¹. Датировка переплетных листов, владельческие записи и отдельные сигнатуры позволяют предположить, что с конца 1660-х гг. до конца XVII в. части сборника находились в распоряжении архимандрита, а затем архиепископа Ионы в виде тетрадей, но в последние годы жизни иерарха были переплетены и составили сборник в его современном виде.

Особое внимание при дальнейшем изучении этой рукописи также следует уделить многочисленным пометам XVII–XVIII вв., оставленным разными людьми. На полях и в тексте «Летописи» и «Речи» присутствуют вставки, орфографическая и смысловая правка, заголовки и пометы Ионы, переписчиков, неизвестных лиц и последующих владельцев рукописи. Их изучение позволит получить новые сведения об интересах архиепископа Ионы и в целом рассмотреть проблему круга чтения духовной и светской элиты второй половины XVII в.

На полях рукописи также присутствуют многочисленные записи XVIII в., выполненные чернилами и карандашом на латинском языке. Одна из таких записей расположена на переплетном листе рукописи (л. II) и содержит описание состава сборника. Выше уже отмечалось, что рукопись Q.XVII.151 поступила в Основное собрание РНБ в составе рукописного собрания Н. М. Карамзина, проданного Археографической комиссии его потомками. На листах рукописи присутствуют многочисленные латинские пометы, которые не представляется возможности связать с личностью Н. М. Карамзина¹². Возможно, дальнейшее их изучение позволит восстановить историю бытования рукописи в XVIII в.

Подводя итоги, следует отметить, что обнаружение келейного «собинного» сборника архиепископа Вятского и Великопермского Ионы, а также его записей и помет позволяет подтвердить сведения архиепископа Платона (Любарского) об образованности

¹⁰ ОР РНБ. Q. XVII. 151. Лл. 1 – 133.

¹¹ Там же. Л. 220.

¹² Была совершена попытка атрибутировать эти пометы путем изучения других рукописей Н.М. Карамзина. Просмотрены следующие рукописи в фондах ОР РНБ: F.IV.320, F.IV.321, F.IV.322, F.IV.323, F.IV.595, F.IV.596, F.IV.597, F.IV.598, F.IV.599, F.IV.600, F.IV.601, F.IV.602, F.IV.603, Q.IV.213, Q.IV.298, Q.XVII.30, Q.XVII.150, Q.XVII.152.

⁹ Возможно, переписчик был знаком с оригинальными автографами книжника.

иерарха. Дальнейшее изучение отдельных сочинений в составе сборника дает возможность более полно охарактеризовать интеллектуальные интересы и круг общения одного из наиболее ярких церковных деятелей России второй половины XVII в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Завойская Н.Е.* К биографии вятского архиепископа Ионы // Вестник церковной истории. М., 2009. №3/4 (15/16). С. 206–226.
2. *Шамин С.М.* Иона (Тугаринов) // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 25: Иоанна Деяние – Иосиф. С. 471–474.
3. *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. X с., 1064, 68 стб.
4. *Берединов Я.И.* Историко-статистическое описание первоклассного Тихвинского Богородицкого Большого мужского монастыря, состоящего в Новгородской епархии в г. Тихвине. СПб., 1888. 219 с.
5. Очерки истории Вятской епархии (1657–2007). Вятка, 2007. С. 72–82.
6. *Никитников Г.А., прот.* Иерархия Вятской епархии. Вятка, 1863. 214 с.
7. *Сербина К.Н.* Очерки из социально-экономической истории русского города: Тихвинский посад в XVI–XVII вв. Л., 1951. 485 с.
8. *Седов П.В.* Закат Московского царства. СПб., 2006. 603 с.
9. *Маркелов А.В.* Архиерейская дорожка: Материалы к жизнеописанию свт. Ионы (Баранова), архиеп. Вятского и Великопермского. Киров (Вятка), 2005. 47 с.
10. *Коган М.Д.* Иона // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3, ч. 2: И–О. С. 86–88.
11. *Уо Д.К.* История одной книги: Вятка и «несовременность» в русской культуре Петровского времени. СПб., 2003. 392 с.
12. *Платон (Любарский), архиеп.* Иерархия Вятская и Астраханская. М., 1848. 38 с.
13. *Рункевич С.Г.* Платон (Любарский) // Русский биографический словарь. 1910. Т. 14: Плавильщиков – Примо. С. 54–55.
14. Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1878 г. СПб., 1879. С. 16–17.
15. *Тромонин К.* Изъяснение знаков видимых в писчей бумаге. М., 1844. 22 с., СХХХI л.
16. *Дианова Т.В.* Филигранные XVII–XVIII в. Голова шута. М., 1997. 165 с.
17. *Дианова Т.В., Костюхина Л.М.* Филигранные XVII в. по рукописным источникам ГИМ. М., 1988. 246 с.
18. *Лауцявичюс Э.* Бумага в Литве в XV–XVIII веках. Вильнюс, 1979. 187 с.
19. *Churchill W.A.* Watermarks in paper in Holland, England, France etc., in the XVII and XVIII centuries and their interconnection. Amsterdam, 1935. 432 с.
20. *Дианова Т.В.* Филигранные XVII века по старопечатным книгам Украины и Литвы из фонда ГИМ. М., 1993. 191 с.
21. *Бобров А.Г.* Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. 287 с.
22. *Чумичева О.В.* Споры вокруг исправления Требника в первой половине XVII в.: текстологические аспекты // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2004. Т. 56. С. 566–574.
23. *Опарина Т.А.* Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии. М., 1998. 429 с.

REFERENCES

1. *Zavoiskaya N. E.* To the biography of Vyatka Archbishop Iona. *Vestnik tserkovnoy istorii*, 2009, no. 3/4, pp. 206–226. (In Russ.)
2. *Shamin S. M.* Iona (Tugarinov). *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, 2010, vol. 25, pp. 471–474. (In Russ.)
3. *Stroev P. M.* Lists of hierarchs and abbots of monasteries of the Russian Church. Saint Petersburg, 1877, X p, 1064, 68 cols. (In Russ.)
4. *Berednikov Ya. I.* Historical and statistical description of a first-class Tikhvinsky Bogoroditsky Bolshoy men's monastery belonging to the Novgorod Diocese in Tikhvin. Saint Petersburg, 1888, 219 p. (In Russ.)
5. *Essays on Vyatka Diocese history (1657–2007)*. Vyatka, Bukvitsa, 2007, 636 p. (In Russ.)
6. *Nikitnikov G. A., arch.* The Hierarchy of Vyatka Diocese. Vyatka, 1863, 214 p. (In Russ.)
7. *Serbina K. N.* Essays on socio-economic history of a Russian town: Tikhvin Posad in the XVI–XVII centuries. Leningrad, 1951, 485 p. (In Russ.)
8. *Sedov P. V.* The Moscow tsardom's sunset. Saint Petersburg, 2006, 603 p. (In Russ.)
9. *Markelov A. V.* An archbishop's path: materials to the biography of St. Iona (Baranov), Archbishop of Vyatka and Great Perm. Kirov (Vyatka), 2005, 47 p. (In Russ.)
10. *Kogan M. D.* Iona. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi*. Saint Petersburg, 1993, iss. 3, pt. 2, pp. 86–88. (In Russ.)
11. *Uo D. C.* The story of a book: Vyatka and "pastness" in the Russian culture of Peter the Great's time. Saint Petersburg, 2003, 392 p. (In Russ.)
12. *Platon (Lyubarskiy), arch.* Vyatka and Astrakhan hierarchy. Moscow, 1848, 38 p. (In Russ.)
13. *Runkevich S. G.* Platon (Lyubarskiy). *Russkiy biograficheskiy slovar'*. Saint Petersburg, 1910, vol. 14, pp. 54–55. (In Russ.)
14. Report of the Imperial Public Library for 1878. Saint Petersburg, 1879, 198 p. (In Russ.)
15. *Tromonin K.* Explanation of characters visible in writing paper. Moscow, 1844. 22, CXXXI p. (In Russ.)
16. *Dianova T. V.* Watermarks of the XVII–XVIII centuries. Head of a jester. Moscow, 1997, 165 p. (In Russ.)
17. *Dianova T. V., Kostyukhina L. M.* Watermarks of the XVII century on handwritten sources of the State Historical Museum. Moscow, 1988, 246 p. (In Russ.)
18. *Lautsyavichyus E.* Paper in Lithuania in the XV–XVIII centuries. Vilnius, 1979, 187 p. (In Russ.)
19. *Churchill W. A.* Watermarks in paper in Holland, England, France etc., in the XVII and XVIII centuries and their interconnection. Amsterdam, 1935, 432 p.
20. *Dianova T. V.* Watermarks of the XVII century on old-printed books of Ukraine and Lithuania from the State Historical Museum collection. Moscow, 1993, 191 p. (In Russ.)
21. *Bobrov A. G.* Novgorod chronicles of the XV century. Saint Petersburg, 2001, 287 p. (In Russ.)
22. *Chumicheva O. V.* Controversies around the correction of the Book of Trebnik in the first half of the XVII century: textual aspects. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Saint Petersburg, 2004, vol. 56, pp. 566–574. (In Russ.)
23. *Oparina T. A.* Ivan Nasedka and the controversial theology of Kiev Metropolis. Moscow, 1998, 429 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 27.12.2018

DOI: 10.15372/HSS20190108
УДК 930(470)“1850/1899”

Н.П. МАТХАНОВА, Н.Н. РОДИГИНА

ВСЕПОДДАННЕЙШИЕ ОТЧЕТЫ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СИБИРСКИХ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX СТОЛЕТИЯ О РЕГИОНЕ

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН,
РФ, 626152, Тобольск, ул. им. Акад. Ю. Осипова, 15

В статье выявлены особенности всеподданнейших отчетов сибирских генерал-губернаторов второй половины XIX в. и определен их информационный потенциал как источника для изучения образа региона. Всеподданнейшие отчеты рассматриваются как коллективный текст-источник, в составлении которого наряду с генерал-губернаторами принимали участие и другие представители местной власти. Охарактеризованы факторы, предопределявшие представления глав генерал-губернаторств о регионе, показана специфика их отражения в отчетах. Проанализирована структура отчетов, выяснены их адресаты, раскрыты термины, обозначающие Сибирь. Показано, как отношение генерал-губернаторов к региону и их взгляды на его место в составе Российской империи влияли на используемую ими терминологию.

Ключевые слова: история Сибири, источниковедение, отчеты генерал-губернаторов, образ региона, сибирская администрация.

N.P. MATKHANOVA, N. N. RODIGINA

LOYAL REPORTS AS A SOURCE TO STUDY SIBERIAN GENERAL-GOVERNORS' VIEWS ON THE REGION IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation
Tobolsk complex scientific station UB RAS,
15, Acad. Yu. Osipova Str.,
Tobolsk, 626152, Russian Federation

The Siberian Governors-Generals' reports are repeatedly used by historians to study the regional administrative management, its socio-economic and cultural development, but so far they have not been the subject of special research in terms of identifying top authorities' views on the region.

The authors consider the Governor-Generals' reports as a collective source text, whose parts were compiled by different persons, specialists in various fields, but signing it the Governor-General took responsibility for its content however difficult the process of the document's preparing might be.

Representations of Siberia in the Governor-General's reports were formed and evolved under the influence of a number of factors: first, their own direct impressions, changed and supplemented over time; second, reading the reports of predecessors and subordinates, as well as fiction, scientific, journalistic literature; third, familiarity with the complaints and petitions of individuals and groups. The understanding of the central authorities' goals and policy influenced the way of presenting the data included in the report, as well as content of certain provisions; the Governor-General's attention to certain aspects of his activities depended on tasks before him.

The reports' analysis shows that these documents do not always show the views of a particular Governor-General. Sometimes it is a list of materials, more or less reliable, received from subordinates of different levels. Often, several fragments were reproduced from one report to another, even when the Governor was replaced by his successor. In some cases, the Governors-General were the reports' authors themselves. However, the

Наталья Петровна Матханова – д-р ист. наук, проф., главный научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: istochnik_history@mail.ru.

Наталья Николаевна Родигина – д-р ист. наук, проф., ведущий научный сотрудник, Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, e-mail: natrodigina@list.ru.

Natalya P. Matkhanova – Doctor of Historical Sciences, professor, leading researcher, Institute of History SB RAS.

Nataliya N. Rodigina – Doctor of Historical Sciences, professor, chief researcher, Tobolsk complex scientific station UB RAS.

report was a product of collective efforts most often. It was a common practice to repeat texts close to the governors' reports. The Governor-General himself could not be completely sincere, he could, and sometimes did (consciously or unconsciously), try to influence the Monarch and/or Ministers, and other Supreme power and Central administration figures, highlighting certain characteristics, forming the image that should have been formed in the reports' addressees.

Key words: Siberian history, source study, Governor's report, regional image, Siberian administration.

Отчеты глав местной администрации, ежегодно подававшиеся на имя императора, – один из самых известных и востребованных исторических источников. Они используются для изучения экономического, социально-политического, культурного развития региона, анализа политики центра и управленческой деятельности. Мы поставили перед собой задачу – выявить информационные возможности этого источника для изучения представлений о Сибири тех людей, от которых в значительной степени зависело управление регионом, внутренняя политика по отношению к нему и его статус в составе Российской империи.

Несмотря на то, что представления о регионе высшего чиновничества, в том числе генерал-губернаторов, затрагивались в работах А.В. Ремнева, Н.П. Матхановой, Л.М. и И.Л. Дамешек (см., напр.: [1; 2]), специфика их репрезентации в отчетах генерал-губернаторов, насколько нам известно, еще не была предметом специального изучения. Тема появилась на стыке научных интересов двух соавторов: для одной – это история управления и чиновничества, для другой – представления населения Российской империи второй половины XIX в. о Сибири.

Сразу уточним, что, во-первых, избранная тема настолько многоаспектна, что всеохватное ее освещение в одной статье совершенно немыслимо. Мы только приступили к ее разработке, и предлагаемая статья носит преимущественно постановочный характер.

Во-вторых, мы не пытаемся проверить и сопоставить содержащиеся в отчетах представления генерал-губернаторов с реальным положением дел, как его понимает современное историческое знание.

Мы ограничиваем территориальные рамки административными границами Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского генерал-губернаторств (по-скольку в Приамурское генерал-губернаторство входила Забайкальская область, частично использованы отчеты глав этого региона); хронологические рамки охватывают период с начала 1850-х гг. до 1882 г. применительно к Западной Сибири и до 1887 г. – применительно к Восточной Сибири. *Нижняя хронологическая грань* объясняется образованием в 1852 г. II Сибирского комитета, обсуждением статуса региона в этом и других правительственных учреждениях под влиянием изменений в экономической жизни края, роста населения, увеличения масштабов ссылки, активизации внешней политики России на Дальнем Востоке и в Средней Азии, результатов ревизии Западной Сибири и т.д. *Верхние хронологические границы* связаны с упразднением Западно-Сибирского генерал-губернаторства и переименованием Восточно-Сибирского в Иркутское. Однако в отдельных случаях мы привле-

кали отчеты иркутских губернаторов и более позднего времени.

Генерал-губернаторы занимали особое место в системе управления Российской империи. О правах и обязанностях генерал-губернаторов и их месте в системе управления Российской империей написано немало, в том числе и одним из авторов настоящей статьи. История возникновения и эволюции этого института, биографии и взгляды лиц, занимавших должности высших глав местной администрации, их роль в развитии региона в целом и отдельных сфер его жизни – все это стало темой многочисленных книг, статей, диссертаций. В нескольких работах дана обобщенная социокультурная характеристика генерал-губернаторского корпуса России и Сибири [3; 4]. Институциональной и персональной истории изучения генерал-губернаторов также посвящено немало работ [5].

Структура управления окраинами, включавшая указанные должности, была весьма сложной и запутанной. Генерал-губернаторы обладали серьезными властными полномочиями, возглавляли и гражданскую, и военную администрацию, отвечали за все стороны жизни региона и считались главными местными начальниками. Формально подчиняясь только императору, фактически они во многом зависели от министров. Генерал-губернаторам, в свою очередь, подчинялись губернаторы, которые в то же время подчинялись министру внутренних дел (а военные губернаторы – и военному министру). И генерал-губернаторы, и губернаторы назначались монархом и были подотчетны ему.

Столь же сложной была и структура отчетной документации. Всепогоднейшие отчеты по управлению губерниями и областями подавались и государю, и министру, и генерал-губернатору. Как неоднократно заявляли историки, генерал-губернаторские и губернаторские отчеты являлись важным каналом информации, средством прямой связи глав регионов с центром и самим монархом (см. напр.: [6; 7; 8]). В отличие от публицистов, путешественников и политических ссыльных, высокопоставленные администраторы обладали более подробными и точными сведениями.

Как представители Центра в регионах, они являлись в то же время выразителями местных интересов (Д. Г. Анучин так и писал: «Предстательствовать о нуждах Сибири я считаю первым своим долгом»)¹. Генерал-губернаторы и региональная коронная администрация вообще были важными скрепами империи.

¹ Всепогоднейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири за 1880 и 1881 гг. // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Иркутск, 1884. Т. I, вып. 1. С. 54–149. С. 140.

Отчеты губернаторов изучались давно и в разных аспектах. В одной из последних посвященных им статей А.Н. Бикташева анализирует значение этих источников как средства получения знаний об одной из единиц «сложно организованного административного пространства» империи, подчеркивает их многосложность, изменение структуры, мотивы изменения шаблонов и инструкций [9, с. 149–150]. Обстоятельный анализ истории исследования и использования губернаторских отчетов представлен в статье А. С. Минакова [10]. Ряд ее положений может быть отнесен и к отчетам генерал-губернаторов, хотя в статье о них не упомянуто. Прежде всего, это тезис о сохранении дискуссионного характера проблемы классификационной «принадлежности этих документов» [10, с. 11–13]. Мы согласны с мнением А.С. Минакова, поддержавшего тезис И.Д. Ковальченко «о скрытом информационном потенциале» данных источников, и тоже видим, что содержание этих документов гораздо шире заявленного в формуляре [10, с. 13]. Но следует иметь в виду, что, в отличие от губернаторов, генерал-губернаторы не были связаны жестким формуляром, хотя их отчеты имели довольно постоянную структуру.

Е.Л. Пономаревой подробно охарактеризованы типичная структура, объем, процедура подготовки отчетов генерал-губернаторов Восточной Сибири [11]. Анализ подготовительных материалов позволил ей обосновать тезис о том, что отчет являлся плодом «труда коллектива авторов, которые писали порученные им части отчета, опираясь на общую задачу», поставленную начальником, и что в процессе написания сам генерал-губернатор вносил серьезную правку, являясь таким образом «если не автором, то редактором источника». Менее точного представляется несколько иное утверждение этого же автора: «Генерал-губернатор играл основополагающую роль в создании документа, определяя методику построения текста, структуру документа, его основные темы» [11, с. 113].

Вероятно, не ко всем генерал-губернаторам относится сделанное Е.Л. Пономаревой наблюдение об их работе над отчетами. По изученным ею материалам видно, что главы администрации ставили общую задачу, редактировали подготовленные подчиненными предварительные варианты, «вписывали отрывки в уже готовый текст», «зачеркивали целые абзацы» и т. п. [11, с. 114]. Соглашаясь с выводом Е.Л. Пономаревой о том, что части документа составлялись разными людьми – специалистами в той или иной области [11, с. 113], мы все же должны отметить, что в ряде случаев наблюдаются прямые заимствования из отчетов предшественников и подчиненных губернаторов. Каким бы ни был процесс подготовки документа, подписывая его, генерал-губернатор брал на себя ответственность за его содержание.

В любом случае мы имеем дело не с самими представлениями генерал-губернаторов, а с тем, как они презентовались в отчетах. Они формировались и эволюционировали под влиянием разных факторов. Во-первых, это собственные непосредственные впечат-

ления, со временем изменявшиеся и дополнявшиеся. Во-вторых, чтение отчетов предшественников и подчиненных, а также литературы – художественной, научной, публицистической. В-третьих, знакомство с жалобами и прошениями отдельных лиц и групп населения. На презентацию включавшихся в отчет и наполнение тех или иных положений влияли также понимание генерал-губернатором целей и содержания политики центральных властей, его внимание к отдельным аспектам своей деятельности, которое зависело и от стоявших перед ним задач.

Нами рассмотрены ежегодные всеподданнейшие отчеты и некоторые докладные записки и обозрения (наряду с подлинными или первыми экземплярами используются их копии – для наших целей это практически безразлично) сибирских генерал-губернаторов. Нас интересовали генерал-губернаторы Восточной Сибири – Н.Н. Муравьев (1847–1861), М.С. Корсаков (1861–1871), Н.П. Синельников (1871–1873), П.А. Фредерикс (1873–1879), Д.Г. Анучин (1879–1885), А.П. Игнатъев (1885–1887), а также генерал-губернаторы Западной Сибири – Г.Х. Гасфорд (1850–1861), А.О. Дюгамель (1861–1866), А.П. Хрущов (1866–1875), Н.Г. Казнаков (1875–1881), Г.В. Мещеринов (1881–1882). В фамильном фонде Казнаковых сохранились два доклада Н.Г. Казнакова. Они близки по характеру к отчетам, но несколько отличаются от них: другая структура и несколько иное содержание, в них встречаются моменты, которые обязательны для отчетов, и именуются сюжеты, отсутствующие в отчетах. Первый из них составлен «по сведениям, почерпнутым из министерств» до отъезда в Сибирь², второй – за 1875–1880 гг., охватывает пять лет, проведенных в должности³.

Отчеты генерал-губернаторов Западной Сибири включали следующие пункты: пространство и народонаселение; вероисповедание и состояние православия; ссыльные; промышленность и торговля; государственные доходы и расходы; управление государственными имуществами; земские повинности, почтовые дороги, мосты и переправы; состояние городов, публичные здания, этапы и тюрьмы; администрация и делопроизводство; народное здравие и общественное призрение; народное просвещение⁴. Структура отчетов генерал-губернаторов Восточной Сибири была более изменчива, но и они, как правило, включали следующие позиции: общее состояние края; население; сельское хозяйство; торговля; фабрики и заводы; частная золотопромышленность; Нерчинские горные заводы; железодельные заводы; винокурение; солеварение; устройство ссыльных; пути сообщения и почтовая часть; народное просвещение; преобразования в администрации; войска Восточной Сибири; Амурский край⁵. Встречались варианты, например, отчет

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 948. Оп. 1. Д. 63.

³ Там же. Д. 65.

⁴ Там же. Ф. 1265. Оп. 10. Д. 203; Оп. 12. Д. 146; Оп. 6, 1864 г. Д. 133 и др.

⁵ Там же. Оп. 11. Д. 161.

за 1863 г. включал несколько иные пункты: движение народонаселения; сельское хозяйство; фабричные заведения; казенные заводы; действие Нерчинских заводов и золотых промыслов; торговля; пути сообщения; межевание земель; народное просвещение; преобразования в администрации и судебной части; войска; Амурский край⁶.

Структура этих источников определялась и законом («Общей инструкцией генерал-губернаторам») ⁷, и запросами Центра, в том числе проектом создававшейся в связи с открытием II Сибирского комитета «сибирской программы», и собственными соображениями того или иного главы администрации. Не менее, если не более, важна и основная официальная задача – прежде всего составление отчета об управлении регионом. Правда, в некоторых случаях имеется другое официальное наименование – «отчет о состоянии» управляемого края.

Отличаются разные отчеты и по объему. Если учитывать только текстовую часть, без приложений и сопутствующих документов, а для Восточной Сибири – и без раздела об Амурском крае, то разброс даже у одного генерал-губернатора может быть от 30 листов (близких по формату к современному А 4) с оборотами (отчет М.С. Корсакова за 1860 г.) до 69 (его же отчет за 1863 г.)⁸; от 50 (отчет А.О. Дюгамеля за 1860 г.) до 110 (его же за 1863 г.)⁹. О качестве отчетов есть свидетельства разного происхождения и объективности. Так, Д. Г. Анучин утверждал, что в отчетах его предшественника материалы плохо сгруппированы и не проверены¹⁰.

Вопрос об адресате отчетов не так очевиден, как может показаться на первый взгляд. Естественно, главным адресатом был император. И его образ в сознании авторов в существенной степени влиял на содержание отчетов. К примеру, в отчетах Н.Н. Муравьева периода правления Николая I встречаются такие показательные реплики: «...постоянное стремление генерал-губернатора Восточной Сибири к точному исполнению Вашего Императорского Величества строгих указаний увенчается, конечно, большими успехами, и прежнее корыстное направление торгового и чиновничьего сословия во вред казне должно быстро исчезнуть, когда во всех отдаленных и более важных частях этого обширного края управляют известные и выбранные высшим правительством лица, облеченные учреждениями в такие права, с которыми они могут пресекать зло на месте, где оно ранее безнаказанно господствовало» (1851 г.)¹¹; «в последнее время осчастливленный столь лестным Высочайшим вниманием край нуждается

еще во многих преобразованиях, о которых проекты частью уже кончены и предоставлены на усмотрение высочайшего начальства» (1852 г.)¹². В период правления Александра II сентенции такого рода из отчетов Муравьева исчезают.

О том, что отчеты внимательно прочитывались первым лицом империи, убедительно свидетельствуют его пометы. Так, управляющий делами II Сибирского комитета В.П. Бутков сообщал Г.Х. Гасфорду о реакции на его отчет за 1856 г. Александра II, сделавшего надпись: «Читал с удовольствием»¹³. Александр III написал на отчете Д.Г. Анучина за 1880 и 1881 гг.: «Грустная, но не новая картина»¹⁴; «Прочел с большим интересом и более чем смущен этим грустным, но правдивым описанием правительственного забвения столь богатого и нужного для России края. Непростительно и даже преступно оставлять подобное положение дел в Сибири»¹⁵. Именно на полях отчета А.П. Игнатьева за 1885–1886 гг. написаны знаменитые, много раз цитировавшиеся слова императора: «Уж сколько отчетов генерал-губернаторов Сибири я читал и должен с грустью и стыдом сознаться, что правительство до сих пор почти ничего не сделало для удовлетворения потребностей этого богатого, но запущенного края! А пора, очень пора!»¹⁶.

Наряду с императором адресатами отчетов были и другие представители высшей бюрократии империи, а именно главы министерств и ведомств, от которых зависело принятие тех или иных решений, касавшихся региона. Это подтверждает многочисленная делопроизводственная переписка, сопровождавшая такие отчеты. В архивных делах они отложились под названием «По всеподданнейшему отчету...». Известно, что каждое предложение, содержащееся в отчете, рассматривалось руководством заинтересованных административных структур и порой решалось положительно. Иногда генерал-губернаторы напоминали о необходимости рассмотрения тех или иных мер, предложенных в их отчетах. Так, Н.Н. Муравьев обосновал в отчете за 1852 г. пять проектов, касавшихся «преобразования тех частей администрации края, которые требуют существенных и поспешных преобразований по крайней неудовлетворительности состояния этих частей, по несоответствию их настоящим потребностям страны»¹⁷. В отчете за следующий год он сетовал, что из всех проектов утверждение получило лишь «Положение о ламайском духовенстве», остальные же необходимые преобразования по-прежнему ждут своего разрешения¹⁸.

¹² Там же. Оп. 3. Д. 6. Л. 153.

¹³ Там же. Оп. 6. Д. 337. Л. 7.

¹⁴ Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири за 1880 и 1881 гг. С. 54–149. С. 106.

¹⁵ Там же. С. 122.

¹⁶ Всеподданнейший отчет и. д. генерал-губернатора Восточной Сибири за 1885–1886 гг. СПб., 1886. РГИА. НСБ. № 87680. С. 50.

¹⁷ РГИА. Ф. 1265. Оп. 3. Д. 6. Л. 1 об.

¹⁸ Там же. Д. 130. Л. 5.

⁶ РГИА. Ф. 1265. Оп. 6, 1864. Д. 119.

⁷ ПСЗ РИ-2. Т. 28. СПб., 1854. С. 260–264. Ст. 27293, 29 мая 1853 г.

⁸ РГИА. Ф. 1265. Оп. 10. Д. 202; Оп. 6, 1864 г. Д. 119.

⁹ Там же. Оп. 13. Д. 7 А; Оп. 6, 1864 г. Д. 133.

¹⁰ Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири за 1879 г. // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Иркутск, 1884. Т. I, вып. 1. С. 8.

¹¹ РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 154. Л. 86 об. – 87.

В воспоминаниях чиновника муравьевской администрации Б.В. Струве, подробно охарактеризовавшего борьбу своего начальника за реализацию проектов, встречаются упоминания о тревожном ожидании местными чиновниками реакции на отчеты и рапорты генерал-губернатора: «Какие успехи имели происки, враждебно направленные в Петербурге против Муравьева? ... Как царь посмотрел на все новые предложения, которые генерал-губернатор поверг на его усмотрение по возвращении из окраин? Эти вопросы в тиши занимали каждого из нас, служебная участь которых была неразрывно связана с положением Муравьева» [12, с. 88].

ПРОБЛЕМА АВТОРСТВА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РЕГИОНЕ В ОТЧЕТАХ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРОВ

Предпринятый нами анализ отчетов свидетельствует о том, что в них мы далеко не всегда имеем дело с представлениями, существовавшими у конкретного генерал-губернатора. Иногда это просто перечень сведений, более или менее достоверных, полученных от подчиненных разного уровня. Нередко отдельные фрагменты воспроизводились из одного отчета в другом, даже при смене глав региона. Иногда это обстоятельство могло свидетельствовать о значимости затрагивавшейся проблемы для региона.

В отдельных случаях генерал-губернаторы являлись непосредственными авторами отчетов. Так, Б.В. Струве упоминал о том, что Муравьев «все писал своей рукою, требуя только к себе дела» [12, с. 91]. Однако чаще всего отчет был продуктом коллективных усилий. Обычным было повторение, более или менее близкое к тексту, отчетов губернаторов. Сам генерал-губернатор мог быть не вполне искренним, он мог — а порой так и делал, сознательно или неосознанно, — пытаться влиять на монарха и/или министров и других деятелей высшей власти и центрального управления, выделяя те или иные характеристики, формируя тот образ, который должен был сложиться у адресатов отчета. Можно предположить, что процитированная известная резолюция Александра III появилась не случайно — к такой реакции императора «подвели» составители отчета.

ТЕРМИНЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ СИБИРЬ В ОТЧЕТАХ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРОВ

Выявим географические термины и номинации, которые использовали генерал-губернаторы для описания региона, так как они в значительной мере детерминируют ядро представлений (в терминологии Ю.М. Лотмана «центр», в отличие от «периферии») о Сибири, свидетельствуют о понимании статуса региона в составе Российской империи. В самом названии делопроизводственных документов, принятых по отчетам генерал-губернаторов, фигурировал термин «край». К примеру: «По всеподданнейшему отчету генерал-губернатора Восточной Сибири о состоянии

сего края за 1856 г.»¹⁹. И именно он часто употреблялся в отчетах генерал-губернаторов (Н.Н. Муравьева, Г.Х. Гасфорда, М.С. Корсакова, А.О. Дюгамеля, Н.Г. Казнакова, Д.Г. Анучина), иногда с использованием прилагательных «отдаленный» и «обширный». При этом в отчетах Корсакова, Дюгамеля, Казнакова употребляются номинации и «край», и «страна». Например, Казнаков в докладе-обозрении за 1875–1880 гг. писал, что за это время ему «пришлось убедиться, что нужды Западной Сибири, как всякой страны, едва выходящей на путь умственного и материального развития, сравнительно велики»²⁰. Можно предположить, что употребление термина «страна» — смысловой артефакт, отголосок прежней, исторически сложившейся «замкнутости, в которой находилась Сибирь по своей отдаленности и по отсутствию общих с империей интересов»²¹. Однако автор уточнял, что статус региона существенно изменился за последние десятилетия: под влиянием развития путей сообщения, увеличения населения Сибири, «усмирения кочевников», развития золотопромышленности, проведения телеграфной сети происходило его сближение с Европейской Россией. По мере усиления такого сближения, утверждал Казнаков, следует «вводить тождественные с империей установления», особенно относительно путей сообщения, народного образования, суда и т. п. Таким образом край «подготавливался бы к окончательному объединению с Европейской Россией»²².

Можно предположить, что употребление номинаций «край» и «страна» зависело от контекста: там, где речь шла о современных проблемах региона, использовался термин «страна», который подразумевал, что эти проблемы имеют исторические корни, когда же речь шла о необходимости административных преобразований, уравнивающих статус Сибири с другими регионами, а также о перспективах ее развития, употреблялось понятие «край». Заметим, что такое двойственное представление о терминах, в которых можно описывать Сибирь как часть территории империи, доминировало, судя по периодике, в общественном мнении 1850–1870-х гг. Сибирь воспринималась как далекая, суровая, экзотическая страна с неопределенным статусом то ли колонии, то ли окраины, в большей степени «чужая», чем «своя», территория, имевшая больше отличий, чем общих характеристик с центром/метрополией. Однако термин «страна» применительно к Сибири употреблялся и позже, несмотря на постройку железной дороги, нарастание аграрных переселений, активное культурное «освоение» региона и его административное, экономическое «встраивание» в империю, что свидетельствует об инерционности представлений о регионе.

Порой главы администрации, как и областники, и политические ссыльные, подчеркивали раз-

¹⁹ РГИА. Ф. 1265. Оп. 6. Д. 320.

²⁰ Там же. Ф. 948. Оп. 1. Д. 65. Л. 3 об.—4.

²¹ Там же. Л. 2–2 об.

²² Там же.

ность Европейской России и Сибири²³. В отчетах употреблялись словосочетания «сибирские губернии» и «внутренние губернии», нередко встречается противопоставление Сибири и Европейской России как частей империи с разными условиями жизни, а иногда – как в отчете Дюгамеля за 1865 г. – даже Сибири и России²⁴.

Отметим, что в отчетах нам не встретился термин «колония», использовавшийся в процессе обсуждения статуса Сибири во II Сибирском комитете и периодически всплывавший в отношении региона до начала XX в. включительно, а также активно употреблявшийся в периодической печати и справочных изданиях. Это подтверждает наблюдения А.В. Ремнева о том, что в российском имперском дискурсе термины «метрополия» и «колония» практически не получили официального употребления, а удаленные от центра территории предпочитали называть: «край», «окраина», «область» [13, с. 151]. Мы согласны с мнением В. Сандерланда о том, что многие официальные лица отрицали наличие у России колоний «в общепринятом смысле этого слова» и относились к понятию «колония» с недоверием, усматривая в нем намек на сепаратизм. Так, великий князь Константин утверждал, что «Сибирь, по сути не колония, а просто продолжение территории государства» [13, с. 126]. Министр внутренних дел Д.А. Толстой заявлял в 1882 г.: «У нас нет колоний!» [1, с. 309].

В 1890-х гг. в обиход входит новая терминология. Так, иркутский генерал-губернатор А. Д. Горемыкин вообще не желал употреблять топоним «Сибирь» (кстати, в одном его отчете все же обнаружены слова «сибирские губернии»²⁵) и заменял его словосочетанием «Азиатская Россия», включая в ее состав Сибирь. При этом и сквозь его отчеты красной нитью проходит констатация таких характерных черт, как редкость населения, недостаточность средств, отсутствие необходимого числа подготовленных и образованных людей, бедность чиновников. Служивший при нем А.А. Корнилов, достаточно высоко оценивая деятельность своего начальника на посту генерал-губернатора, тем не менее вспоминал: «В нем было два недостатка: он был груб и не любил Сибири, то есть не считал ее не только отдельной самостоятельной провинцией, но даже и областью, требующей особого управления» [14, с. 91]. Однако, как свидетельствует работа В. Сандерланда, использование данного термина станет одним из официальных трендов в официальном имперском дискурсе в начале XX в. [15, с. 131–137], и Горемыкин был одним из пионеров в его употреблении.

Представления о географии и природе региона, экономическом, административном и культурном развитии, составе населения и отдельных аспектах его

хозяйственной деятельности, вероисповедании, социальном поведении и специфике менталитета складывались в интегральный многокомпонентный образ региона. Мы намерены представить его структурную и содержательную характеристику в последующих статьях на поставленную тему.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ремнев А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. 580 с.
2. Дамешек И.Л., Дамешек Л.М. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). Иркутск: «Репоцентр А 1», 2009. 389 с.
3. Злобин Ю.П. Социокультурная характеристика генерал-губернаторского корпуса России в XIX – начале XX в. // Вестник Оренбург. гос. ун-та. 2013. № 7 (156). С. 37–44.
4. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Генерал-губернаторский корпус Сибири: социальный портрет // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2014. № 5 (31). С. 4–10.
5. Злобин Ю.П. Институт генерал-губернаторской власти Российской империи в современной зарубежной историографии // Вестник Оренбург. гос. ун-та. 2009. № 10 (104). С. 4–11.
6. Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реформа 80-х – начала 90-х годов). М.: Мысль, 1970. 442 с.
7. Зырянов П.Н. Социальная структура местного управления капиталистической России (1861–1914 гг.) // Исторические записки. М.: Изд-во АН СССР, 1982. Т. 107. С. 226–302.
8. Бикташева А.Н. Антропология власти: Казанские губернаторы первой половины XIX века. М.: Новый хронограф, 2012. – 496 с.
9. Бикташева А.Н. От унификации к спецификам: региональное управление в Российской империи (вторая четверть XIX века) // Новое прошлое. 2017. № 1. С. 147–160.
10. Минаков А.С. Всеподданнейшие отчеты губернаторов Российской империи: современные проблемы историографии // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Пенза, 2016. № 2 (38). С. 5–24.
11. Пономарева Е.Л. Всеподданнейшие отчеты генерал-губернаторов как источник по истории Восточной Сибири (50–80-е гг. XIX в.) // Известия Алт. гос. ун-та. 2008. № 4/1. С. 112–115.
12. Струве Б.В. Воспоминания о Сибири. 1848–1854 // Русский вестник. 1888. № 6. С. 87–123.
13. Ремнев А.В. Российская власть в Сибири и на Дальнем Востоке: Колониализм без Министерства колоний – русский «Sonderweg»? // Imperium inter pares: роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917) / Ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 150–181.
14. Корнилов А.А. Воспоминания // Минувшее: исторический альманах. М.; СПб.: Atheneum: Феникс, 1992. Вып. 11. С. 9–118.
15. Сандерланд В. Министерство Азиатской России: никогда не существовавшее, но имевшее для этого все шансы колониальное ведомство // Imperium inter pares: роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917) / Ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 105–149.

REFERENCES

1. Remnev A. V. Siberia in the Imperial Geography of Power of the XIX – early XX centuries. Omsk: Publishing House Omsk State University, 2015, 580 p.
2. Dameshek I. L., Dameshek L. M. Siberia in the Imperial regionalism system (1822-1917). Irkutsk, Reprintsentr A 1, 2009, 389 p. (In Russ.)
3. Zlobin Yu. P. Social and cultural characteristics of the Governor-General's corps of Russia in the XIX – early XX centuries. *Vestnik*

²³ Всеподданнейший отчет за 1879 г. С. 40.

²⁴ РГИА. Ф. 1281. Оп. 7. Д. 1. Л. 56.

²⁵ Всеподданнейший отчет иркутского военного генерал-губернатора за 1896–1898 гг. Б.м., б.г. С. 62.

Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2013, no. 7, pp. 37–44. (In Russ.)

4. Dameshek L. M., Dameshek I. L. Governor-General corps of Siberia: social portrait. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2014, no. 5, pp. 4–10. (In Russ.)

5. Zlobin Yu. P. The Institution of Governor-General in the Russian Empire from the viewpoint of contemporary foreign historiography. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, no. 10, pp. 4–11. (In Russ.)

6. Zaionchkovskii P. A. Russian autocracy in the late XIX century (political reform of the 80s - early 90s). Moscow, Mysl', 1970, 442 p. (In Russ.)

7. Zyryanov P. N. The local government social structure in capitalist Russia (1861–1914). *Istoricheskie zapiski*. Moscow, 1982, vol. 107, pp. 226–302. (In Russ.)

8. Biktasheva A. N. The power anthropology: Kazan governors of the first half of the XIX century. Moscow, Novyi khronograf, 2012, 496 p. (In Russ.)

9. Biktasheva A. N. From unification to the specifics: regional management in the Russian Empire (the second quarter of the XIX century). *Novoe proshloe*, 2017, no. 1, pp. 147–160. (In Russ.)

10. Minakov A. S. Loyal reports of the Russian Empire's governors: modern problems of historiography. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki*, 2016, no. 2, pp. 5–24. (In Russ.)

11. Ponomareva E. L. Loyal reports of General-Governors as a source on East Siberian history (50–80s of the XIX century). *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, no. 4/1, pp. 112–115. (In Russ.)

12. Struve B. V. Memories on Siberia. 1848–1854. *Russkiy vestnik*, 1888, no. 6, pp. 87–123. (In Russ.)

13. Remnev A. V. Russian power in Siberia and the Far East: colonialism without the Ministry of Colonies – Russian “Sonderweg”? *Imperium inter pares: rol' transferov v istorii Rossiiskoy imperii (1700–1917.)* Moscow, 2010, pp. 150–181. (In Russ.)

14. Kornilov A. A. Memories. *Minushee: istoricheskiy al'manakh*. Moscow, Saint Petersburg, 1992, iss. 11, pp. 9–118. (In Russ.)

15. Sunderland V. Ministry of Asian Russia: a colonial office that never existed, but had all the chances for this. *Imperium inter pares: rol' transferov v istorii Rossiiskoy imperii (1700–1917.)* Moscow, 2010, pp. 105–149. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 20.12.2018

DOI: 10.15372/HSS20190109
УДК 94(47).073.5

Д.Ю. ПЛОТНИКОВ

**ОТ КЁПРЮКЁЯ К КЁНИГГРЕЦУ:
УПРАВЛЕНИЕ ВОЙСКАМИ В КАВКАЗСКУЮ КАМПАНИЮ 1855 г.
В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ВОЕННОГО ИСКУССТВА**

Институт истории СО РАН
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

Статья посвящена Кёпрюкёйской операции в Кавказской кампании 1855 г. Крымской войны 1853–1856 гг. Изучение взаимодействия между Александропольским и Эриванским отрядами в ходе операции позволяет проанализировать подход русского командования к управлению войсками. Установлено, что плохо поставленное взаимодействие между двумя группировками русских войск, обусловившее неудачный исход Кёпрюкёйской операции, было вызвано сверхцентрализованным приказным управлением генерала от инфантерии Н.Н. Муравьева, который командовал Отдельным Кавказским корпусом. Сопоставление изучаемого эпизода с Кёниггрёцкой операцией Австро-прусской войны 1866 г. демонстрирует неспособность Н.Н. Муравьева подняться до принципа директивного управления, который позднее с таким успехом применил Гельмут фон Мольтке и, следовательно, вполне уяснить и усвоить требования, выдвигаемые наступающей новой эпохой в истории военного искусства.

Ключевые слова: Крымская война, Н.Н. Муравьев, А.А. Суслов, директивное управление, приказное управление

D.Yu. PLOTNIKOV

**FROM KÖPRÜKÖY TO KÖNIGGRÄTZ:
COMMAND AND CONTROL IN 1855 CAUCASIAN CAMPAIGN
IN THE CONTEXT OF THE EVOLUTION OF MILITARY ART**

Institute of History SB RAS,
8 Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article aims to analyze command and control methods employed by the general of infantry N.N. Muraviov, Viceroy of the Caucasus and Commander of Separate Corps of the Caucasus in the course of the Köprüküy operation, which was an important episode of 1855 Caucasian campaign of the Crimean War. Historiography offers limited coverage of the operation with no attempts to analyze it in the context of the evolution of military art in the 19th century. This paper uses comparative approach to study the Köprüküy operation of the Crimean War of 1853-1856 through the lens of the Königgrätz operation of the Austro-Prussian War of 1866. It pays specific attention to N.N. Muraviov's and Helmuth von Moltke's command and control methods. Analysis of the Köprüküy operation reveals that the plan of a concentric advance against the Turkish forces defending the approach to Erzurum demanded establishing effective cooperation between the two groups of advancing Russian forces: Alexandropol force under personal command of Muraviov and Erivan force led by major-general A.A. Suslov. The Viceroy's propensity toward detailed command, overcentralized control, and suppression of initiative among subordinate officers prevented the establishment of such cooperation. This allowed the Turkish forces to retreat unhindered from their threatened position at Köprüküy to Deve-boyunu mountain ridge. On the contrary, Helmuth von Moltke in 1866 succeeded in establishing decentralized mission command, thus ensuring a victorious end for the Königgrätz operation. Thus, despite Russian generals in the Caucasus being fully capable of operating successfully under mission command, as demonstrated by the 1854 campaign, the Viceroy of the Caucasus failed to fully grasp the demands of his operational situation and contemporary military art. In addition to limiting the eventual success of Russian forces in Eastern Anatolia, this failure also illustrates the limited degree of susceptibility that Russian high command demonstrated toward new trends in operational art.

Key words: Crimean War, Caucasian theater of operations, N.N. Muraviov, A.A. Suslov, mission command, detailed command.

Дмитрий Юрьевич Плотников – аспирант, Институт истории СО РАН, e-mail: d.plotnikov@alumni.nsc.ru.
Dmitrii Yu. Plotnikov – postgraduate student, Institute of History SB RAS.

В истории военного искусства Крымская война 1853–1856 гг. занимает место между последним практическим выступлением военного искусства Наполеона I в 1815 г. при Ватерлоо и первым образцом военного искусства Мольтке, продемонстрированным в Австро-прусской войне 1866 г. Именно благодаря месту Крымской войны на стыке двух военно-исторических эпох на ее материале можно проследить за тем, как Русская императорская армия усваивала новые требования к военному искусству, выдвигаемые меняющимися условиями XIX в. Череда поражений русского оружия на различных фронтах позволяет заключить, что степень этого усвоения оставляла желать лучшего, поскольку даже победоносные войска Отдельного Кавказского корпуса не были избавлены от неудач, лежавших целиком на совести русского командования. Немалый интерес в этом отношении представляет один из ключевых эпизодов Кавказской кампании 1855 г. – Кёпрюкёйская операция.

Пристальным вниманием историков Кёпрюкёйская операция не пользовалась, вероятно, потому, что практически бескровная и не принесшая результатов экспедиция терялась на фоне блокады и штурма Карса. Так, Е.В. Тарле не удостоил ее даже упоминания в соответствующей главе своего труда [1, с. 475–498], а Е.В. Бестужев [2, с. 64], Л.Г. Бескровный [3, с. 281], Х.-М. Ибрагимбейли [4, с. 298] и Н.В. Скрицкий [5, с. 373] уделили ей не более нескольких предложений каждый. Те авторы, которые рассматривали эту операцию более внимательно, стремились установить причины ее неудачи и возлагали ответственность за нее на Н.Н. Муравьева [6, с. 213], А.М. Дондукова-Корсакова [7, р. 411] и А.А. Суслова [8, с. 584–585; 9, р. 88]. Подробный разбор Кёпрюкёйской операции провел автор этих строк [10], однако выявил лишь непосредственные причины неудачи, но не рассматривал их в более широкой исторической перспективе. Цель настоящей статьи – восполнить этот пробел и установить, как Кёпрюкёйская операция характеризует управление войсками Отдельного Кавказского корпуса в контексте эволюции военного искусства XIX в.

После побед 1853–1854 гг. Отдельный Кавказский корпус прочно завладел инициативой и перешел в наступление, в то время как для обескровленной Анатолийской армии турок задачей-максимум стало удержание Карса и Эрзерума [11, с. 38]. Генерал от инфантерии Н.Н. Муравьев, принявший должность наместника Кавказского и командование Отдельным Кавказским корпусом в конце 1854 г., понимал необходимость энергичных наступательных действий, способных выправить неблагоприятный для России ход войны на других фронтах. Сосредоточив для борьбы с турками до 10 тыс. чел. и 28 орудий на Батумском направлении, 34 500 чел. при 88 орудиях – против Карса и Ардагана [12, с. 341–342] и 5 тыс. чел. с 8 орудиями – против Баязета [13, с. 277–278], командующий корпусом планировал наголову разбить противника и завладеть значительной частью Восточной Анатолии. Благодаря успехам прошлых лет, противосто-

явшие ему турецкие войска немного уступали русским численность: на Батумском направлении турки имели не более 8 тыс. чел. [14, с. 83], главные силы Анатолийской армии, сосредоточенные в Карсе, насчитывали 16 900 чел. регулярных войск при 42 полевых орудиях [11, р. 4], что вместе с нерегулярными частями [15, р. 82–83] и вооруженными жителями [11, р. 12] должно было составлять немногим более 20 тыс. чел., а баязетская группировка, прикрывавшая путь на Эрзерум через Алашкертскую долину, имела в своих рядах около 6 тыс. чел. при 16 орудиях [8, с. 579].

Своей главной целью в кампанию 1855 г. генерал Муравьев считал крепость Карс с ее гарнизоном [16, с. 327]. Начав кампанию энергичным наступлением, к середине лета наместник установил прочную блокаду крепости, занял для обеспечения своих флангов Ардаган и Кагызман, захватил и уничтожил ряд провиантских складов, из которых теоретически могли пополняться запасы карсского гарнизона. Вместе с тем, даже уделяя главное внимание Карсу, Муравьев не упускал из виду и другой важнейший географический пункт – Эрзерум.

В отличие от Карса, который, с точки зрения Муравьева, был ценен лишь как пункт сосредоточения главных турецких сил, Эрзерум – столица Восточной Анатолии и крупнейший экономический центр региона – имел немалое самостоятельное значение. Взятие города могло благоприятно повлиять на настроения местного населения и колеблющегося персидского правительства, позволяло пресечь транзитную торговлю британских компаний по Эрзерумской торговой дороге и отдало бы в руки русской армии значительные провиантские и военные запасы, включая парк тяжелой артиллерии [16, с. 332], чего особенно опасались в гарнизоне Карса [17, р. 266]. Неуклонно ухудшавшееся положение Севастополя также требовало крупного успеха на другом театре военных действий, способного либо отвлечь часть союзных войск из Крыма, либо послужить козырем на будущих мирных переговорах. Лишь две цели в пределах досягаемости Кавказского корпуса были для этого достаточно значимы, но если рассчитывать на падение Карса в середине лета еще не приходилось, то путь к Эрзеруму преграждал лишь бывший Баязетский корпус Вели-паши, к середине июля усилившийся до 7 тыс. чел. регулярных войск и неопределенного числа иррегулярных. Он занял позицию возле селения Кёпрюкёй. Командующий корпусом четко осознавал, что в таких условиях «должно было направлять усилия сколь возможно более к стороне Эрзерума» [18, с. 94].

План Кёпрюкёйской операции против войск Вели-паши подразумевал совместный удар двумя группировками, наступающими по сходящимся направлениям. С северо-востока хребет Соганлуг должны были пересечь около 14 тыс. чел. при 40 орудиях и 8 ракетных станках под началом лично Н.Н. Муравьева, а большая часть Эриванского отряда – до 4 тыс. чел. при 8 орудиях под командованием генерал-май-

ора А.А. Сулова – наступала через хребет Агрыдаг с юго-востока. Оказавшись в Пассинской долине, обе группировки должны были нанести совместный удар по войскам Вели-паши и в случае победы развить успех до Эрзерума, поскольку уже по географическим соображениям, «предприятие против Вели-паши находилось в близкой связи с мыслию о покорении сей столицы» [16, с. 330].

Для успеха экспедиции было жизненно необходимо эффективное взаимодействие между наступающими группировками и командовавшими ими генералами – Н.Н. Муравьевым и А.А. Суловым. В условиях пересеченной горной местности и неразвитых средств связи единственным способом обеспечить плавное течение операции была высокая автономность частных начальников, способных самостоятельно оценивать обстановку и принимать соответствующие решения. Е.В. Масловский – ветеран Кавказского фронта уже Первой мировой войны – позднее отметит, что характер анатолийской местности неизбежно «повышал значение самостоятельности небольших начальников, заставляя их всегда быть готовыми к проявлению личной инициативы» [19, с. 24], а для Кавказского театра военных действий Крымской войны, не знавшего телеграфа, радиосвязи и железных дорог, это замечание справедливо вдвойне. Это следовало учесть в управлении войсками: на смену приказу, подробно расписывающему достижение поставленной цели, должна была прийти директива, ставящая общую задачу, но оставляющая способы ее выполнения на усмотрение подчиненных.

Такой подход, однако, шел вразрез с представлениями Н.Н. Муравьева о военном искусстве. Современники наместника неоднократно отмечали его стремление неотступно контролировать подчиненных [20, с. 82–83; 21, с. 216], а историки нередко обвиняли в подавлении инициативы и самостоятельности нижестоящих командиров [6, с. 213; 7, р. 409–411; 8, с. 573]. Убеждения командующего, таким образом, шли вразрез с требованиями оперативной обстановки, ставя под угрозу эффективное взаимодействие между главными силами корпуса и Эриванским отрядом в интересах Кёпрюкёйской операции.

Ситуация только усугублялась на персональном уровне, поскольку служебные отношения между Н.Н. Муравьевым и А.А. Суловым на протяжении всего 1855 г. оставляли желать лучшего. Еще в начале кампании выступление Эриванского отряда осложнялось поступающими от командующего противоречивыми приказами, смысл которых был вполне ясен для самого Муравьева, но оставался тайной для командовавшего отрядом Сулова, не посвященного в намерения наместника [10, с. 88–89]. В результате турецкому Баязетскому корпусу, позднее составившему ядро Кёпрюкёйской группировки, удалось свободно отступить с угрожаемой позиции при Сурб-Оганесе [10, с. 88]. Начавшись на столь скверной ноте, отношения между двумя генералами продолжали ухудшаться. Уже в конце июня, когда А.А. Су-

лов высказал в своем рапорте опасения, что, прямо следуя приказам командующего, он утратит соприкосновение с противником, Н.Н. Муравьев посоветовал ему «впредь воздержаться от подобных отзывов, не позволительных ни в военной службе, ни в законах» [12, с. 369]. Не приходится сомневаться, что ко второй половине июля служебные отношения между двумя генералами были натянутыми.

Стремление командующего к неусыпному контролю и далеко не лучшие отношения между ним и А.А. Суловым сыграли роковую роль в ходе Кёпрюкёйской операции. Верный себе, наместник снабдил подчиненного подробными приказами, детально расписывавшими его действия в различных возможных ситуациях. Командующий корпусом особо подчеркивал, что предпринимать активные действия следовало лишь в том случае, если не предвидится «сопротивления, связанного со значительной потерей людей» [12, с. 372]. Связанный подробными инструкциями, заранее предупрежденный о недопустимости серьезных потерь и прекрасно осознающий свои натянутые отношения с наместником, командующий Эриванским отрядом был совершенно не расположен рисковать. В результате, даже установив непосредственное соприкосновение с турецкими войсками у Кёпрюкёя 21 июля (2 августа), он избрал наиболее пассивный и безопасный образ действий, формально не противоречащий приказам Муравьева, что позволило турецким войскам беспрепятственно отступить с угрожаемой позиции [10, с. 89–90]. Попытки атаковать прикрывающие Эрзерум позиции при Девебойну, на которые отошел Вели-паша, не последовало, и к 30 июля (11 августа) русские войска вернулись на свои исходные позиции. Операция, задуманная как молниеносный удар в сердце Восточной Анатолии и способная увенчаться взятием ее столицы, свелась к «весьма эффективной, но бесполезной» [22, с. 255] демонстрации – в первую очередь из-за того, что наладить четкое взаимодействие между двумя отрядами русских войск и командующими ими военачальниками русской стороне так и не удалось.

Возложение ответственности за исход Кёпрюкёйской экспедиции на недостатки русского управления было бы не вполне убедительным в отсутствие положительного контрпримера – исторически близкой операции, увенчавшейся успехом именно потому, что в ее организации удалось избежать подобных несогласований. Таким примером, способным не только оттенить просчеты русского командования в 1855 г., но и вписать наступление на Кёпрюкёй в контекст эволюции военного искусства, может служить Кёниггрецкая операция Австро-прусской войны 1866 г., проведенная ровно 11 лет спустя. Победа Пруссии в решающем сражении у чешского селения Кёниггрец (в русскоязычной традиции – сражение при Садове) 3 июля 1866 г. была достигнута совместным ударом двух группировок – 1-й и Эльбской армий с запада и 2-й армии с северо-востока, что позволило взять австрийскую армию в клещи.

Архитектором прусского триумфа и родоначальником новой эпохи в истории военного искусства был начальник прусского Генерального штаба – Гельмут Карл Бернхард фон Мольтке. Составляя и осуществляя план победной кампании, прусский полководец осознавал, что рассредоточенное ведение операции двумя группировками по сходящимся направлениям требует такого же рассредоточенного управления. В итоге Мольтке отказался от прямого приказного управления и руководил директивами, ставя подчиненным лишь общие задачи и оставляя частности на их усмотрение [23, с. 362; 24, р. 163]. Несомненный успех, которым увенчалась Кёниггрецкая операция, является лучшим подтверждением эффективности такого подхода.

Размышляя о причинах австрийского поражения, русский представитель при прусской армии, известный военный теоретик М.И. Драгомиров отметил, что неудача неизбежна «там, где стоит страх ответственности, где быть разбитым в исполнение приказа иногда гораздо выгоднее, нежели побить в противность приказанию» [25, с. 98]. Эти слова невольно приходят на ум при сравнении Кёпрюкёйской операции с Кёниггрецкой и особенно при сравнении подходов Н.Н. Муравьева и Гельмута фон Мольтке к управлению войсками. Если начальник прусского Генштаба осознал, что «метод оперирования отдельными группами, как половинками щипцов, требует... рассредоточенности управления» [23, с. 362], то русский генерал, даже задумав концентрическую операцию, продолжал принципиально руководить приказами. В результате прусские генералы, пользовавшиеся широкой самостоятельностью и доверием командующего, решительно шли вперед, а для командира Эриванского отряда, лишённого свободы действий и заранее предупрежденного о суровой ответственности за потери, бездействие становилось наиболее логичным выбором. Подход Н.Н. Муравьева, столь отличный от управленческого стиля Мольтке, не может быть оправдан гипотетической разницей в уровне подготовки прусских и русских офицеров – кавказская кампания 1854 г. убедительно показала, что генералы Отдельного Кавказского корпуса были вполне способны успешно действовать в рамках директивного управления [26]. Неспособность освоить более современные способы руководства продемонстрировали не подчиненные наместника, а он сам, и эта неспособность в конечном счете привела к тому, что смело задуманная операция и потенциально важнейший эпизод кавказской кампании 1855 г. обернулись ударом в пустоту, серьезно ограничившим успехи победоносного Кавказского корпуса в Крымскую войну.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Тарле Е.В.* Крымская война. М.; Л., 1944. Т. 2. 720 с.
2. *Бестужев И.В.* Оборона Закавказья в Крымской войне 1853–1856 годов // Вопросы истории. 1954. № 12. С. 53–66.
3. *Бескровный Л.Г.* Русское военное искусство XIX в. М., 1974. 361 с.
4. *Ибрагимбеили Х.М.* Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. М., 1971. 404 с.
5. *Скрицкий Н.В.* Крымская война. 1853–1856 годы. М., 2006. 416 с.
6. *Горев Л.* Война 1853–1856 гг. и оборона Севастополя. М., 1955. 520 с.
7. *Curtiss J.S.* Russia's Crimean war. Durham, 1979. 597 p.
8. *Богданович М.И.* Крымская война, 1853–1856 гг. М., 2014. 672 с.
9. *Allen W.E.D., Muratoff P.* Caucasian battlefields. Cambridge, 1953. 614 p.
10. *Плотников Д.Ю.* Отношения между генералами Н.Н. Муравьевым и А.А. Суловым и взаимодействие Александропольского и Эриванского отрядов в кампанию 1855 г. на Кавказе // Гуманитарные проблемы военного дела. 2016. № 2. С. 86–91.
11. The siege of Kars, 1855. Defence and capitulation, reported by general Williams. L., 2000. 261 p.
12. Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1888. Т. XI. 1020 с.
13. *Лихутин М.Д.* Русские в Азиатской Турции в 1854 и 1855 гг. СПб., 1863. 451 с.
14. Турция, ее правительство и ее армии во время Восточной войны // Военный сборник, 1861. Т. 18, № 3. С. 43–114.
15. *Lake A.* Narrative of the defense of Kars, Historical and Military. L., 1857. 346 p.
16. *Муравьев Н.Н.* Из записок генерал-лейтенанта Муравьева о войне 1855 года в Малой Азии // Русский вестник. 1862. № 1. С. 310–341.
17. *Sandwith A.* A narrative of the siege of Kars. L., 1856. 348 p.
18. *Муравьев Н.Н.* Война за Кавказом в 1855 г. СПб., 1877. Т. 1. 328 с.
19. *Масловский Е.В.* Великая война на Кавказском фронте. 1914–1917 гг. М., 2015. 544 с.
20. *Андреев В.* Воспоминания из кавказской старины // Кавказский сборник. Тифлис, 1876. Т. 1. С. 234–302.
21. *Ольшевский М.Я.* Кавказ с 1841 по 1866 год // Русская старина. 1894. № 7. С. 44–108.
22. *Дроздов И.И.* Записки кавказца // Русский архив. 1896. № 10. С. 213–274.
23. *Свечин А.* Эволюция военного искусства. М.; Л., 1927. Т. 1. 383 с.
24. *Holborn H.* Moltke's strategical concepts // Military Affairs. 1942. N 3. P. 153–163.
25. *Драгомиров М.И.* Австро-прусская война. 1866 год. М., 2011. 320 с.
26. *Плотников Д.Ю.* Управление войсками Отдельного Кавказского корпуса в кампанию 1854 г. Крымской войны 1853–1856 гг. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Сб. материалов Всерос. молодеж. науч. школы-конференции. Новосибирск, 2017. С. 41–48.

REFERENCES

1. *Tarle E.V.* Crimean War. Moscow, Leningrad, 1944, vol. 1, 720 p. (In Russ.)
2. *Bestuzhev I.V.* Defense of Transcaucasia in the Crimean War of 1853–1856. *Voprosy istorii*, 1954, no. 12, pp. 53–66. (In Russ.)
3. *Beskrovniy L.G.* Russian military art of the XIX century. Moscow, 1974, 361 p. (In Russ.)
4. *Ibragimbeili H.M.* The Caucasus in the Crimean War of 1853–1856. Moscow, 1971, 404 p. (In Russ.)
5. *Skritskiy N.V.* Crimean War. 1853–1856. Moscow, 2006, 416 p. (In Russ.)
6. *Gorev L.* War of 1853–1856 and the defense of Sevastopol. Moscow, 1955, 520 p. (In Russ.)
7. *Curtiss J.S.* Russia's Crimean War. Durham, 1979, 597 p.
8. *Bogdanovich M.I.* Crimean War, 1853–1856. Moscow, 2014, 672 p. (In Russ.)

9. Allen W.E.D., Muratoff P. *Caucasian battlefields*. Cambridge, 1953, 614 p.
10. Plotnikov D.Y. Relations between Generals N.N. Muraviov and A.A. Suslov and cooperation of Alexandropol and Erivan forces in the Caucasian campaign of 1855. *Gumanitarnye problemy voennogo dela*, 2016, no. 2, pp. 86–91. (In Russ.)
11. The siege of Kars, 1855. Defence and capitulation, reported by general Williams. L., 2000, 261 p.
12. The Acts of the Caucasian Archeographical Commission. Tiflis, 1888, vol. XI, 1020 p. (In Russ.)
13. Likhutin M.D. The Russians in Asiatic Turkey in 1854 and 1855. Saint Petersburg, 1863, 451 p. (In Russ.)
14. Turkey, its government, and its armies during the Oriental War. *Voyennyi sbornik*, 1861, vol. 18, no. 3, pp. 43–114. (In Russ.)
15. Lake A. Narrative of the defense of Kars, historical and military. London, 1857, vol. XX, 345 p.
16. Murav'ov N.N. Notes of Lieutenant-General Muraviov's notes on the war of 1855 in Asia Minor. *Russkiy vestnik*, 1862, no. 1, pp. 310–341. (In Russ.)
17. Sandwith A. A narrative of the Siege of Kars. L., 1856, vol. X, 348 p.
18. Muraviov N.N. The War over the Caucasus in 1855. Saint Petersburg, 1877. 338 p. (In Russ.)
19. Maslovskiy E.V. The Great War on the Caucasian Front. 1914–1917. Moscow, 2015, 544 p. (In Russ.)
20. Andreev V. Recollections from Caucasian past. *Kavkazskiy sbornik*, Tiflis, 1876, vol. 1, pp. 234–302. (In Russ.)
21. Olshevskiy M.Y. Caucasus from 1841 to 1866. *Russkaya starina*, 1894, no. 7, pp. 44–108. (In Russ.)
22. Drozdov I.I. Notes of Caucasian veteran. *Russkiy arkhiv*, 1896, no. 10, pp. 213–274. (In Russ.)
23. Svechin A. The evolution of military art. Moscow; Leningrad, 1927, vol. 1, 383 p. (In Russ.)
24. Holborn H. Moltke's strategical concepts. *Military Affairs*. 1942. no. 3, pp. 153–163.
25. Dragomirov M.I. *Austro-Prussian War. 1866*. Moscow, 2011, 320 p. (In Russ.)
26. Plotnikov D.Y. Command and control in the Separate Corps of the Caucasus Separate Corps during the 1854 campaign of the Crimean War 1853–1856. *Aktualnye problemy istoricheskikh issledovaniy vzgliad molodykh uchenykh: sb. materialov Vserossiiskoy molodezhnoy nauchnoy shkoly-konferentsii*, Novosibirsk. 2017, pp. 41–48. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 20.12.2018

DOI: 10.15372/HSS20190110
УДК 94 (47)“1880/1889”

П.П. РУМЯНЦЕВ

**ПРЕКРАЩЕНИЕ ЖАНДАРМСКОГО НАДЗОРА
ЗА ЧАСТНОЙ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ В СИБИРИ В 80-е гг. XIX в.***

Томский государственный университет,
РФ, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

В статье с привлечением обширного круга архивных источников исследуется вопрос о ликвидации жандармского надзора за частной золотопромышленностью в Сибири в 80-е гг. XIX в. Рассматриваются причины, побудившие властные круги пойти на ликвидацию жандармского надзора за частной золотопромышленностью в Сибири, выявляются инициаторы решения этого вопроса, анализируются интересы различных ведомств и должностных лиц в этом процессе. Делается вывод, что в ликвидации надзора были заинтересованы в первую очередь ключевые министерства, а именно Министерство финансов и Министерство государственных имуществ, в то время как жандармское ведомство высказывалось за сохранение этого надзора.

Ключевые слова: Сибирь, золотопромышленность, жандармерия, надзор, Министерство государственных имуществ, генерал-губернатор, губернатор, правительство.

P.P. RUMYANTSEV

**THE TERMINATION OF GENDARME SUPERVISION
OF THE PRIVATE GOLD MINING INDUSTRY IN SIBERIA IN THE 1880s.**

Tomsk State University
36 Lenin ave., Tomsk, 634050, Russian Federation

The article objective is to study the issue of cessation the gendarme supervision of private gold mining industry in Siberia in the late XIX century. The author solves following tasks: 1) to identify reasons that prompted the authorities to raise the issue of such supervision's liquidation; 2) to determine interests of the officials concerned in this matter; 3) to reveal mechanisms of the officials' interaction in solving this problem. The main research sources are the materials of the Central Gendarme Department stored in the State Archives of the Russian Federation, as well as regional archives data. The main research approach is comparative historical analysis. The author came to several conclusions. The problem of cessation of the gendarme supervision of private gold mining industry had been considered for more than a decade. There were reasons that prompted the authorities and officials to take this step in the late XIX century: a number of workers' protests in the gold mines decreased; the mechanism of gold mining and gold incomings to the state treasury was adjusted; and the main reason was the need to use gendarmes in the fight against the revolutionary movement at the vast Empire space, according to author's viewpoint. The initiative to liquidate supervision came from the central government agencies – the Ministry of State Property and the Ministry of Finance considered inappropriate to maintain supervision and its financial support. The Gendarme Department, on the contrary, spoke in favor of maintaining this supervision. Addressing this issue, it turned out to be necessary to appeal to representatives of the Siberian executive power – governor-generals and governors, whose opinions were taken into account. As a result, the view on the necessity to liquidate the supervision and use gendarmes for solving other governmental tasks won, and since the second half of the 1880s gendarme officers ceased to supervise the private gold mining industry in Siberia.

Key words: Siberia, gold mining industry, gendarmerie, supervision, Ministry of state property, governor-general, governor, government.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых российских ученых (проект № МК-2135.2018.6).

Петр Петрович Румянцев – канд. ист. наук, доцент, Томский государственный университет, e-mail: petroom@mail.ru
Peter P. Rumyantsev – candidate of historical sciences, professor, Tomsk State University.

Жандармский надзор за частной золотопромышленностью в Сибири – уникальное явление в правительственной политике во второй половине XIX в., он охватывал целую отрасль промышленности, предприятия которой были разбросаны на огромном пространстве. Однако со временем этот надзор, по мнению центральной власти, утратил свое первостепенное значение, появились мысли о его ликвидации и переключении внимания жандармских чинов на решение более важных, как казалось тогда, задач. В статье предпринята попытка рассмотреть дискуссию во властных кругах о прекращении этого надзора в последние десятилетия XIX в., проследить интересы каждого ведомства и механизмы их взаимодействия в решении данного вопроса.

Необходимо отметить, что деятельность жандармских чинов в Сибири не являлась предметом пристального внимания исследователей, она освещалась попутно – в основном при изучении рабочего движения и деятельности чиновничьего аппарата в Сибири [1, с. 188–192; 2; 3, с. 180–202]. И только сравнительно недавно стали выходить работы, в которых анализируются обстоятельства введения жандармского надзора за частной золотопромышленностью в Сибири, процесс его организации и функционирования [4; 5; 6; 7]. Исследование такого рода вопросов позволяет раскрыть характер правительственной политики в области надзора за промышленным сектором экономики, выявить механизмы взаимодействия жандармского ведомства с бюрократическим аппаратом центральной и региональной власти, проанализировать их интересы в осуществлении надзора.

С 50-х гг. XIX в. началась постепенная реорганизация жандармского надзора за частными золотыми промыслами в Сибири. В первую очередь это было связано с тем, что в данный период сокращается количество выступлений приисковых рабочих, они уже не имели такого масштаба, как на рубеже 1830–1840-х гг. Произошли изменения и в системе полицейского надзора на частных золотых промыслах – в 1844 г. находящиеся на золотых промыслах отдельные заседатели, назначенные из членов земских судов, были переименованы в горные исправники с наделением их соответствующими полицейскими функциями. Причем количество добываемого золота в Сибири стабильно увеличивалось. Все это ставило под сомнение необходимость осуществления на их приисках надзора со стороны жандармского ведомства.

Первым шагом в этом направлении стал царский указ от 23 апреля 1858 г., согласно которому должности двух жандармских штаб-офицеров на приисках в Западной и Восточной Сибири ликвидировались, а выполняемые ими обязанности надзора за золотыми промыслами перераспределялись: в Западной Сибири наблюдение за приисками стало входить в сферу деятельности жандармского штаб-офицера в Томской губернии, а в Восточной Сибири – в сферу деятельности таких же чинов в Енисейской и Иркутской губерниях¹.

Общая сумма ежегодного ассигнования от Министерства финансов на разъезды жандармов по золотым промыслам составляла 5 500 руб. серебром в год: 3 000 руб. определялись начальнику 8-го (Сибирского) жандармского округа, 500 руб. – жандармскому штаб-офицеру в Томской губернии и по 1 000 руб. получали такие же чины в Енисейской и Иркутской губерниях².

В начале 1870-х гг. Министерство финансов подняло вопрос о целесообразности таких затрат в связи с тем, что в изданном в 1870 г. Уставе о частной золотопромышленности не содержалось никакой информации о надзоре за золотодобычей со стороны жандармского ведомства. Мнения заинтересованных в этом вопросе лиц разделились. Так, томский гражданский губернатор Н.В. Родзянко и генерал-губернатор Западной Сибири А.П. Хрущов поддержали инициативу финансового ведомства, а восточносибирский генерал-губернатор М.С. Корсаков и шеф жандармов П.А. Шувалов заняли полярную позицию³.

Минфин, не получив при обсуждении этого вопроса желаемой административной поддержки, вынужден был уступить, и жандармское ведомство продолжило осуществлять надзор за частной золотопромышленностью в Сибири. В 1874 г. Горный департамент из Министерства финансов был переведен в состав Министерства государственных имуществ [8, с. 9]. Новому ведомству требовалось время, чтобы вникнуть в положение дел в горной промышленности, в том числе в золотопромышленности. Вопрос о целесообразности сохранения жандармского надзора за частными золотыми промыслами был поднят в начале 1880-х гг. Время для решения этого вопроса представлялось более чем подходящим. Дело в том, что 6 августа 1880 г. вышел именной царский указ, согласно которому проводились важнейшие изменения в структуре тайной полиции: III отделение е. и. в. Канцелярии упразднилось, а все его текущие дела передавались специально созданному департаменту государственной полиции Министерства внутренних дел, причем руководство Корпусом жандармов, до этого времени являвшимся исполнительным органом III отделения, возлагалось на министра внутренних дел на правах шефа жандармов⁴. Из указа вытекало, что деятельность жандармских чинов теперь будет относиться больше к правоохранительной сфере и преследовать они будут в первую очередь решение задач политического сыска. Тем самым необходимо было освободить жандармерию от ряда выполняемых ею ранее функций, которые центральная власть считала обременительными (если и не сказать – ненужными), в условиях роста революционного движения. Надзор за золотыми промыслами как раз и представлялся такой, обременительной, по мнению властей, функцией жандармского ведомства, и его следовало разгрузить.

² Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 110. Оп. 3. Д. 1220. Л. 33.

³ Там же. Л. 1–2, 39–40; Государственный исторический архив Омской области. Ф. 3. Оп. 7. Д. 10437. Л. 1, 3

⁴ ПСЗ РИ-2. Т. 55. Отд. 1-е. № 61279. С. 529.

¹ ПСЗ РИ-2. Т. 33. Отд. 1-е. № 33049. С. 492.

Участие в обсуждении вопроса о ликвидации жандармского надзора за частной золотопромышленностью в Сибири принимали все те же заинтересованные в нем должностные лица: сибирские генерал-губернаторы и губернаторы, центральная и местная жандармская власть. Только место министра финансов в дискуссии занял министр государственных имуществ, поскольку именно к его ведомству относились дела по горной промышленности, и более активно стал вести себя министр внутренних дел, чье ведомство в связи с упомянутыми преобразованиями было ключевым во внутренней политике правительства.

Первым вопрос о ликвидации жандармского надзора за частной золотопромышленностью поднял министр государственных имуществ М.Н. Островский, который обратился к министру внутренних дел Н.П. Игнатьеву с отношением от 6 июня 1881 г. за № 368 «О прекращении ассигнования по смете Горного Департамента кредита на разъезды жандармских чинов в Сибири». В этом отношении Островский апеллировал к Уставу о частной золотопромышленности 1870 г., подчеркивая, что в нем «о надзоре за частными золотыми промыслами в Сибири жандармского управления» нет указаний и что обязанности надзора за промыслами возложены Уставом на окружных ревизоров и горных исправников, «и что посему частные промыслы подлежат надзору со стороны жандармского управления лишь настолько, насколько это входит в круг общих обязанностей этого Управления». Он писал: «Я не нахожу достаточного основания продолжить ассигнование по смете Горного Департамента 5 500 руб. на разъезды по золотым промыслам в Сибири жандармских чинов». В заключение министр государственных имуществ запрашивал по этому вопросу мнение Игнатьева как начальника ведомства, в структуру которого вошла жандармерия⁵.

У Игнатьева, ключевой фигуры в правительстве, не сложилось собственного мнения по данному вопросу, что и не удивительно, если учесть, что он занял пост министра внутренних дел за месяц до отношения Островского и что его в первую очередь интересовала проблема усиливавшегося революционного движения – ведь прошло всего несколько месяцев после убийства народовольцами Александра II. Поэтому, получив запрос министра государственных имуществ, Игнатьев обратился за помощью к своим подчиненным, кто имел прямое отношение к жандармскому надзору за частной золотодобычей – обоим сибирским генерал-губернаторам и начальнику Сибирского жандармского округа.

Мнения указанных лиц по данному вопросу разделились. Первым поступил ответ от генерал-губернатора Восточной Сибири – генерал-лейтенанта Д.Г. Анучина, о чем свидетельствует его отношение от 3 сентября 1881 г. № 509 «О прекращении ассигнования кредита в 5 500 руб. на разъезды жандармским чинов». Следует отметить стремление Анучина к рефор-

мированию управления восточносибирским регионом. Так, он считал необходимой ликвидацию законосовещательных советов при Главном управлении Восточной Сибири (ГУВС), что, по его мнению, способствовало бы более эффективному управлению регионом [9, с. 239–240]. Анучин также стремился изменить характер деятельности жандармских чинов и подчинить их своей власти, и это хорошо демонстрирует его ответ Игнатьеву. Анучин был недоволен деятельностью жандармов, которые, «разъезжая по приискам, никаких отчетов о своей деятельности в Главное Управление Восточной Сибири не доставляют и ... вообще вся их деятельность по надзору за частными золотыми промыслами проявлялась до сих пор лишь в поимке хищников золота, для чего им каждый раз отпускались особые суммы...». Кроме того, он отмечал, что количество политических преступников на приисках уменьшилось по сравнению с прежними временами и надзор за ними «лежит на обязанности горных исправников и их помощников», а также то, что ревизия приисков ежегодно производится окружными горными ревизорами и их помощниками, а этих мер вполне достаточно в рамках правительственного надзора за золотыми промыслами. Неэффективность жандармского надзора Анучин видел в том, что, несмотря на «разъезды гг. жандармских офицеров по золотым приискам», нередко приходится командировать на эти же прииски состоящих при Главном управлении чиновников для особых поручений, что влечет за собой дополнительные затраты. Наконец, ссылаясь на тот факт, что на амурских приисках «надзора со стороны чинов Корпуса жандармов до сих пор не существовало, отчего на практике никаких вредных для дела последствий не оказалось», он предлагал прекратить в будущем ассигнование 5 500 руб. на «разъезды жандармским чинов по надзору за золотыми промыслами в Сибири»⁶.

Западносибирский генерал-губернатор, генерал-адъютант Г.В. Мещеринов по-другому воспринимал жандармский надзор за частными золотыми промыслами в Сибири. В отношении к министру внутренних дел от 19 октября 1881 г. за № 947 он в пику мнению Анучина подчеркивал, что жандармский надзор за частными золотыми промыслами в Томской губернии «всегда был бдительным, действующим в интересах приисковых рабочих». Более того, в этом надзоре он видел гарантию защиты рабочих от произвола приисковых управлений. Признавая факт независимого положения губернских жандармских управлений (ГЖУ), Мещеринов, в отличие от Анучина, не призывал к подчинению их местной исполнительной власти, а предлагал сохранить на будущее время ассигнование указанной суммы на разъезды жандармских чинов по приискам⁷.

Однако мнение западносибирского генерал-губернатора не имело большого значения по следующим причинам. Во-первых, в Западной Сибири добывалось не столь значительное количество золота, как в Вос-

⁵ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 1220. Л. 47, 47 об.

⁶ Там же. Л. 51–52.

⁷ Там же. Л. 55–56.

точной Сибири. Во-вторых, согласно царскому указу от 18 мая 1882 г. была проведена административно-территориальная реформа, суть которой сводилась к упразднению Западно-Сибирского генерал-губернаторства, а вместо него самостоятельность в управлении приобретали такие субъекты, как Тобольская и Томская губернии, а из Семипалатинской, Семиреченской и Акмолинской областей было образовано Степное генерал-губернаторство с центром в г. Омске⁸. Теперь вопросы золотопромышленности входили в сферу компетенции исключительно начальника Томской губернии по той причине, что большее количество добываемого в Западной Сибири золота приходилось на его губернию. Однако губернатор не обладал такими правами, как генерал-губернатор, пост которого пока еще сохранялся в Восточной Сибири. В отличие от последнего, томский губернатор не имел такой возможности эффективно лоббировать интересы своего региона, в том числе и нужды золотодобычи, напрямую выходя на царя и правительство.

Мнение жандармского ведомства по поднятому вопросу отражено в отношении начальника Сибирского жандармского округа, генерал-майора Д.М. Ходкевича от 3 октября 1881 г. № 112, где, обращаясь к генерал-губернатору Западной Сибири, он подчеркивал, что надзор за частными золотыми промыслами в связи с увеличением количества как самих промыслов, так и рабочих на них «необходим гораздо более, чем 40 лет тому назад». Особое внимание Ходкевич обратил на крайне неудовлетворительное материально-бытовое положение рабочих, их закабаленность, частые случаи нарушения контрактов со стороны приисковых управлений. Жандармский окружной начальник указывал, что его подчиненные вполне могут бороться с этими негативными явлениями, приводя следующий пример: в текущую промысловую операцию начальник Енисейского жандармского управления «заставил одного управляющего золотыми промыслами исключить из платежной книжки одного рабочего значившиеся в ней записанными 24 руб. за 12 бутылок спирту, тогда как рабочий взял только 5 бутылок». Из-под пера Ходкевича выходило, что рабочие, замученные произволом приисковых правлений и тяжелым бытовым положением, «...с особенным нетерпением ждут приезда на промыслы наблюдающих за приисками чинов Корпуса жандармов, которым немедленно заявляют свои претензии, в редких случаях неосновательные». Таким образом, Ходкевич считал, что «наблюдение и контроль за золотыми промыслами чинов Корпуса жандармов <...> безусловно, необходимо и приносит существенную пользу», а потому «...должно быть оставлено без изменения и ассигнование из сумм частной золотопромышленности 5 500 руб., назначенных на разъезды вышеозначенных чинов по золотым приискам»⁹.

Мнение Ходкевича было поддержано и высшим жандармским начальством. В докладе по штабу От-

дельного корпуса жандармов № 215 от 31 декабря 1881 г. «По вопросу о жандармском надзоре за золотыми промыслами в Сибири» резюмировались выводы генерал-губернаторов Западной и Восточной Сибири и начальника Сибирского жандармского округа по этому вопросу. Проанализировав эту информацию, жандармское руководство дало следующее заключение: «...сообщить статс-секретарю Островскому, что по доставленным сведениям, выясняющим положение дел на приисках, надзор за оными крайне необходим и что этот надзор удобнее и действительнее оставить на обязанности чинов Корпуса жандармов, как лиц, не заинтересованных материальной стороной золотопромышленности, т.е. не получающих от золотопромышленников никаких субсидий, а потому ассигнование 5 500 руб. на разъезды по приискам <...> необходимо продолжить и на будущее время»¹⁰.

Не получив в течение года от Игнатьева ответа по поднятому вопросу (видимо, последний занимался решением более важных проблем), министр государственных имуществ Островский 27 мая 1882 г. с отношением № 395 вновь обратился к министру внутренних дел, предложив последнему ту самую сумму в 5 500 руб. исключить из сметы Горного департамента и «перенести с будущего 1883 г. в подлежащие подразделения расходной сметы вверенного управлению Вашему Министерства, согласно которой они получают содержание». Однако через несколько дней после этого отношения последовала отставка Игнатьева с поста министра внутренних дел, который занял Д.А. Толстой, убежденный консерватор. Свой ответ Толстой дал 12 августа того же года за № 4924, указав, что Отдельный корпус жандармов состоит в ведении военного министерства, и по его смете и ассигнуются суммы на содержание жандармов, а потому нет возможным перенести упомянутую сумму в смету МВД¹¹.

Однако министр государственных имуществ Островский продолжал свою линию, настаивая на прекращении ассигнования сумм на жандармские разъезды. Так, 10 февраля 1883 г. с отношением № 152 он обратился к министру внутренних дел Толстому, где привел мнение Государственного контролера Д.М. Сольского. Последний полагал, что из-за удаления на огромные расстояния золотых промыслов от мест жительства начальников сибирских ГЖУ последним непосильной является задача «поддержания порядка на золотых промыслах». Поэтому, по мнению Сольского, на жандармских чинов может быть возложен только полицейский надзор за положением дел на золотых промыслах «для чего, конечно, нет надобности в ассигновании особых сумм по смете Горного Департамента»¹².

Нельзя сказать, что руководство МВД, в состав которого, как указывалось выше, стал входить Отдельный корпус жандармов, не пыталось решить вопрос

⁸ ПСЗ РИ-3. Т. 2. № 886. С. 212.

⁹ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 1220. Л. 58–64.

¹⁰ Там же. Л. 66–80, 81.

¹¹ Там же. Л. 93, 96–97.

¹² Там же. Л. 103–130 об.

о целесообразности сохранения жандармского надзора за частными золотыми промыслами в Сибири. Так, в начале 1880-х гг. начальники сибирских ГЖУ (т.е. лица, осуществлявшие этот надзор) получили от министерского руководства запросы по поводу их мнения по указанному вопросу.

Ответы оказались разнообразными. Начальник Енисейского ГЖУ, майор М.П. Кузьмин в рапорте № 79 от 31 января 1883 г. в департамент государственной полиции изложил свое мнение о необходимости сохранить действующий надзор по причине «дурного положения рабочих на золотых приисках и эксплуатации их золотопромышленниками». Отсюда следовало, что «ныне существующее жандармское наблюдение за приисками крайне необходимо». Кузьмин считал необходимым составление специальной инструкции «т.к. нигде не встречается указаний, в чем собственно должно состоять это наблюдение и какими правами может пользоваться жандармский офицер по устранению беспорядков на месте»¹³. Начальник Томского ГЖУ, полковник П.Н. Акцынов в своем рапорте № 117 от 11 февраля 1883 г. тому же адресату доносил, что в виду проводимых им следственных дознаний по различным делам он смог выехать на расположенные в Томской губернии прииски только в сентябре, ко времени, когда промысловая операция фактически уже завершена¹⁴.

Нам не удалось найти рапорт начальника Иркутского ГЖУ, подполковника В.В. Келлера, однако в департамент государственной полиции была прислана копия с отношения этого жандармского начальника к генерал-губернатору Восточной Сибири от 23 августа 1882 г. за № 940. В этом документе Келлер указывал, что летом он посетил некоторые прииски Витимской и Олекминской золотоносных систем, расположенные в Иркутской губернии. В ходе этой поездки он выявил ряд нарушений со стороны отдельных приисковых управлений, плохое состояние полицейской части на промыслах, загруженность работой горных исправников и пр.¹⁵

Анализируя приведенную информацию, можно сделать следующие выводы. Жандармские чины были загружены сыскной и следственной работой настолько, что им попросту не хватало времени объехать золотое промысла, разбросанные на огромном пространстве и зачастую в труднодоступных районах вверенных им губерний. В лучшем случае они могли посетить прииски, самые крупные по масштабам производства и количеству работников, как было в случае с иркутским начальником ГЖУ, в худшем они могли и вовсе не попасть на промысла из-за выполнения ими большого объема работ или приехать в момент завершения промысловой операции, как следует из рапорта начальника Томского ГЖУ. В последнем случае рабочие, имея какие-либо претензии для передачи на рассмотрение жандармов, могли и не дожидаться их приезда. Начальник Енисейского ГЖУ, майор Кузьмин, предлагая соз-

дать должностную инструкцию, не владел всей информацией о существовании инструкции для жандармского штаб-офицера на частных золотых промыслах Восточной Сибири, утвержденной в 1842 г. На руках у него имелась аналогичная инструкция для жандармского штаб-офицера на приисках в Западной Сибири, которую он привел после своего рапорта, видимо, в качестве образца для составления подобного документа. Можно предположить, что жандармские губернские начальники воспринимали надзор за частными золотыми приисками как часть оперативно-розыскной работы, выполняемой ими повседневно. Сказанное, действительно, не могло не навести власть на мысль о неэффективности и, следовательно, нецелесообразности жандармского надзора за частной золотопромышленностью в Сибири.

Запросом мнений сибирских начальников ГЖУ по указанному вопросу дело не ограничилось. Так, директор департамента государственной полиции и будущий министр внутренних дел К.В. Плеве обращался в 1883 г. к начальнику Калишского ГЖУ, полковнику В.О. Янковскому (бывшему начальнику Иркутского ГЖУ, когда-то осуществлявшему упомянутый надзор за промыслами в Иркутской губернии), чтобы узнать его мнение по поводу мер, которые «...могут способствовать упорядочению означенного надзора в том случае, если по каким-либо причинам надзор этот в настоящем своем виде не в состоянии достигнуть своего полезного назначения»¹⁶.

Ответ от Янковского последовал 22 апреля 1883 г. за № 626 с грифом «конфиденциально», где он подробно изложил свое видение целей жандармского надзора за частными золотыми промыслами в Сибири. Перечислив все неприятности, которым подвергаются приисковые рабочие, Янковский справедливо указывал, что деятельность жандармского ведомства по надзору за частными золотыми промыслами сводилась к командированию «...нескольких унтер-офицеров наблюдательного состава на более крупные прииски». Их задачи заключались в пресечении злоупотреблений приисковых управлений по отношению к рабочим, недопущении волнений со стороны этих работников, борьбе с тайной продажей золота и спирта. Янковский утверждал, что «жандармский мундир пользуется большим уважением» среди рабочих, а потому он не сомневался в необходимости сохранения жандармского надзора. Однако выделяемая на него сумма в 5 500 руб. крайне недостаточная и «принесет самую незначительную долю пользы». В казенных интересах Янковский предлагал переключить сферу деятельности жандармских чинов на борьбу с хищничеством и тайной продажей золота, его потеря «без преувеличения можно предполагать доходит ежегодно до 100 пудов». Но подобный надзор обойдется в гораздо большую сумму, чем выделяемые 5 500 руб., – в «десятки тысяч рублей, что все-таки сторицей окупится имеющейся в виду пользой». Осуществлять такой надзор должны не несколько жандармских штаб-

¹³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 79. Д. 1125. Л. 1.

¹⁴ Там же. Д. 127. Л. 1.

¹⁵ Там же. Оп. 78. Д. 706. Л. 1–2.

¹⁶ Там же. Оп. 79. Д. 1125. Л. 19.

офицеров, а целая команда жандармов численностью не менее 60 чел. при двух офицерах, обязательно вооруженных для борьбы с тайными торговцами спиртного – так называемыми спиртоносами, «народа решительного и хорошо вооруженного». Этой команде следовало поручить надзор за приисками Олекминской и Витимской золотоносных систем, на которых ежегодно промывается более 1 000 пуд. золота.

Вместе с тем Янковский прекрасно понимал, что правительство не пойдет на столь крупные затраты и поэтому предлагал установить некий сбор со всего добываемого золота, «который для золотопромышленников будет мало обременительным, а в сложности может составить достаточный капитал для учреждения на приисках постоянного и полного жандармского надзора». В конце своего рапорта Янковский сообщил, что свои предложения он предлагал в бытность его службы в Восточной Сибири, но натолкнулся на нежелание «золотопромышленников пожертвовать малую частицу их барышей на это дело, несмотря на то, что все они чувствуют громадные убытки, происходящие от спиртоносов, главных распространителей торговли хищническим золотом»¹⁷.

Предложения жандармского ведомства (в том числе аргументы полковника Янковского) не найдут отклика у должностных лиц центральных ведомств, которые добьются своего, и жандармский надзор за частными золотыми промыслами будет свернут, ассигнования на эти цели урезаны. Можно утверждать, что окончательно жандармский надзор был ликвидирован в 1893 г. – в этом году в вышедшем Горном уставе уже не содержалась информация о таком надзоре, в то время как в тексте Горного устава изданий 1842 г. и 1857 г. жандармский надзор был прописан соответственно в статьях 2410 и 2528¹⁸.

Таким образом, вопрос о реорганизации и даже отмене жандармского надзора за частной золотопромышленностью дебатировался не одно десятилетие. Его решение в пользу отмены подобного надзора со стороны жандармского ведомства, принятое только в 80-е гг. XIX в., было не случайным. Дело в том, что в то время перед жандармерией встали гораздо более важные задачи, касавшиеся в первую очередь борьбы с революционно-освободительным движением на огромных пространствах империи. Инициатива такого решения исходила от руководства Министерства государственных имуществ, считавшего нецелесообразным сохранение надзора и финансовых затрат на него вследствие их неэффективности. Такая позиция была поддержана и некоторыми представителями местной исполнительной власти. За сохранение надзора выступали только должностные лица из жандармского ведомства, оказавшиеся в этом споре в меньшинстве и уже не имевшие правительственной поддержки. Все это и приведет к окончательной ликвидации надзора в конце 80-х – начале 90-х гг. XIX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Зиновьев В.П.* Индустриальные кадры Старой Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. 258 с.
2. *Матханова Н.П.* Попытки борьбы со взяточничеством чиновников в Сибири XIX века // *International Journal of Russian Studies*. 2013. № 2. С. 206–213.
3. *Ремнев А.В.* Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков / под общ. ред. Н.Г. Суворовой. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. 580 с.
4. *Бибиков Г.Н., Бакшт Д.А.* Учреждение жандармского надзора на золотых приисках Сибири в 1841–1842 гг. // *Вестник Том. гос. ун-та. История*. 2016. № 3 (41). С. 16–24.
5. *Бакшт Д.А., Румянцев П.П.* «Жандармский надзор» за частной золотопромышленностью в Сибири (1870–1880-е гг.): его сущность, формы и проблемы реализации // *Вестник Том. гос. ун-та. История*. 2016. № 6 (44). С. 5–10.
6. *Бакшт Д.А.* Практика назначения офицеров корпуса жандармов, уполномоченных по надзору за частной сибирской золотопромышленностью в первой половине XIX в. // *Вестник Том. гос. ун-та. История*. 2017. № 50. С. 5–11.
7. *Бибиков Г.Н.* «Чтобы рабочие люди, на промыслах находящиеся, состояли в надлежащем повиновении местным властям». Инструкции жандармским штаб-офицерам на золотых промыслах Западной и Восточной Сибири. 1842 г. // *Исторический архив*. 2017. № 2. С. 166–171.
8. *Заблоцкий Е.М.* Горное ведомство дореволюционной России: очерк истории: биогр. словарь. М.: Новый Хронограф, 2014. 280 с.
9. *Дамешек Л.М., Дамешек И.Л.* Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). 2-е изд., испр. и доп. Иркутск: Оттиск, 2018. Т. 2. 416 с.

REDERENCES

1. *Zinoviev V.P.* Industrial staff of old Siberia. Tomsk, Tomsk Univ. Publ., 2007, 258 p. (In Russ.)
2. *Matkhanova N.P.* Attempts to combat bribery of officials in Siberia of the XIX century. *International Journal of Russian Studies*. 2013, no.2, pp. 206–213. (In Russ.)
3. *Remnev A.V.* Siberia in the imperial geography of power of the XIX – early XX centuries. Omsk, 2015, 580 p. (In Russ.)
4. *Bibikov G.N., Bakst D.A.* Establishing gendarmerie supervision on private gold mines in Siberia in 1841–1842. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Istoriya. 2016, no. 3, pp. 16–24. (In Russ.)
5. *Bakst D.A., Rummyantsev P.P.* “The Gendarme supervision” of a private gold mining in Siberia (1870–1880s): its essence, forms and problems of realization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Istoriya. 2016, no. 6, pp. 5–10. (In Russ.)
6. *Bakst D.A.* On the appointment of gendarmerie officers authorized to supervise private Siberian gold mining in the first half of the XIX century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Istoriya. 2017, no.50, pp. 5–10. (In Russ.)
7. *Bibikov G.N.* “Working people who are at mining fields should be subordinate to the local authorities.” Instructions to gendarme headquarters officers in the gold fields of West and East Siberia. 1842. *Istoricheskiy arkhiv*. 2017, no. 2, pp. 166–171. (In Russ.)
8. *Zablotskiy E.M.* Mining department of pre-revolutionary Russia: a historical essay: biographical dictionary. Moscow, New Chronograph, 2014, 280 p. (In Russ.)
9. *Dameshek L.M., Dameshek I.L.* Siberia in the system of imperial regionalism (1822–1917). 2nd ed. Irkutsk, Ottisk, 2018, vol.2, 416 p. (In Russ.)

¹⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 79. Д. 1125. Л. 20–25.

¹⁸ СЗРИ. 1857 г. Т. 7. С. 445.

DOI: 10.15372/HSS20190111
УДК 94 (571.56)+929Васильев

Е.П. АНТОНОВ¹, В.Н. АНТОНОВА²

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЯКУТСКОГО НАЦИОНАЛ-КОММУНИСТА С.В. ВАСИЛЬЕВА В КОНТЕКСТЕ ОТНОШЕНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

¹Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
РФ, 677027, Якутск, ул. Петровского, 1
²Северо-Восточный федеральный университет,
РФ, 677000, Якутск, пр. Ленина, 2

В статье рассматривается деятельность одного из видных якутских национал-коммунистов С.В. Васильева, выросшего от комсомольского организатора до партийно-советского руководителя союзного значения. Анализируется его роль в формировании национальной государственности, якутской нации, наращивании интеллектуального потенциала региона. Рассматривается вклад С.В. Васильева и его единомышленников в экономическую и социокультурную модернизацию Якутской АССР, в ходе которой началось экономическое и социокультурное выравнивание уровня развития региона с Центром. Особое внимание уделяется покровительству союзных партийно-советских руководителей Ем. Ярославского и С. Орджоникидзе в профессиональной деятельности С. Васильева. Сделан вывод о том, что массовые репрессии 1930-х гг. ликвидировали социальную сеть между центральной и региональной элитами.

Ключевые слова: автономия, беспартийные конференции, буржуазный национализм, государственность, золотодобывающая промышленность, интеллигенция, комитет партийного контроля, комсомол, национал-коммунисты, профсоюзы, личные взаимоотношения, социальные сети.

E.P. ANTONOV¹, V.N. ANTONOVA²

ACTIVITIES OF STEPAN VASILYEVICH VASILYEV, A YAKUT NATIONAL COMMUNIST, IN THE CONTEXT OF THE CENTRAL AND REGIONAL POLITICAL ELITE RELATIONS

¹Institute of Humanitarian Studies and Problems
of Indigenous Peoples of the North of the SB RAS,
1. Petrovsky str., Yakutsk, 677027, Russian Federation
²North-Eastern Federal University,
2, Lenin str., Yakutsk, 677000, Russian Federation

There is still no consensus among historians about the national communists – who they were – the imperial policy conductors, or defenders of interests of non-Russian peoples. The activity of Stepan Vasilyevich Vasilyev, a party-Soviet leader, was hushed up as a “bourgeois nationalist” for many decades, but in the post-Soviet period some publicists tried to evaluate him as an “apologist for Stalinism”, which distorted the truth as well. The article objective is to study Vasilyev’s activities to resolve “the national issue” to form the nationhood in the autonomy form, his role in economic and social development of the republic and the country in the context of network interrelations between central and regional political elites. The research is based on L. P. Repina’s method of cultural and intellectual history involved studying and understanding the historical process through a personal

Егор Петрович Антонов – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Северо-Восточный федеральный университет, e-mail: antonegog@gmail.com.

Венера Николаевна Антонова – канд. пед. наук, доцент, Педагогический институт Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова.

Egor P. Antonov – Candidate of Historical Sciences, leading researcher, Institute for Humanitarian Studies and problems of the small peoples of the North of the SB RAS, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

Venera N. Antonova – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Pedagogical Institute of the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

context. The authors conclude that the desire for knowledge, work capacity and organizational experience allowed Vasilyev to grow professionally from a Komsomol leader to a statesman of all-Union scale for a short period. His historical merit was economic and socio-cultural modernization, which led to economic, social and cultural leveling of Yakutia's development with the center. This period was marked by the formation and development of the Yakut nation, national statehood, economic and socio-cultural revival, and growing intellectual potential. Stepan Vasilyevich stood at the origin of Yakutian gold mining industry. Moscow patrons, Yaroslavsky and Ordzhonikidze, helped him in his professional activities, but the repression of the 1930s destroyed the existing model of social networks between the central and regional elites.

Key words: autonomy, non-party conference, bourgeois nationalism, nationhood, gold mining, intelligentsia, party control committee, komsomol, national communists, trade unions, personal relationships, social networks.

С целью приближения советской власти к народам России идеолог национальной политики И.В. Сталин призвал привлекать национальные кадры к управлению [1, с. 52]. Национальные движения в Советской России не воспринимали большевизм, исповедовавший интернационализм, и выступали за национальное своеобразие и самовыражение народов [2, с. 28, 31]. За представителями национальных элит, вступивших в коммунистическую партию и пытавшихся выражать интересы своих народов, закрепилось название национал-коммунисты.

До сих пор у историков нет единого мнения о том, кем были национал-коммунисты – проводниками имперской политики или защитниками интересов коренных народов. Жизнедеятельность одного из них – партийно-советского руководителя Степана Васильевича Васильева как «буржуазного националиста» в течение многих десятилетий замалчивалась, в постсоветский период были попытки отдельных публицистов представить его как «апологета сталинизма», что искажало истину. Между тем С.В. Васильев занял достойное место в сознании якутов как национальный герой, внесший значительный вклад в общественно-политическое и экономическое развитие республики. Интерес к исследованию его жизнедеятельности значительно возрос в 1990-е гг., когда стали доступны ранее засекреченные архивные документы и вышел указ Президента РФ от 26 апреля 1994 г. «О восстановлении справедливости в отношении репрессированных в 20–30-е гг. представителей якутского народа». Были реабилитированы деятели, обвиненные в «буржуазном национализме». Изучение деятельности партийно-советских работников в историографии Якутии находится на начальной стадии. Цель статьи – анализ деятельности С.В. Васильева в решении национального вопроса в контексте взаимоотношений центральной и региональной политической элит, выяснение его вклада в формирование государственности в виде автономии, а также в социально-экономическое развитие республики.

С.В. Васильев родился 17 декабря 1896 г. в местечке Гнездо Орла I Бордонского наслега Мархинского улуса Вилюйского округа Якутской области. После окончания Мегежекской церковно-приходской школы с. Малыкай и Кочайского училища в 1915 г. он поступил в Якутскую учительскую семинарию [3, с. 194].

В марте 1918 г. Степан Васильевич вместе с якутскими большевиками создавал нелегальную боевую дружину и участвовал в штурме 1 июля 1918 г. Якут-

ска красным отрядом А.С. Рыдзинского. Вскоре он стал секретарем президиума Совета рабочих депутатов. В период колчаковщины его арестовали и отправили в Иркутск. После освобождения он вошел в марте 1920 г. в состав иркутского губбюро Российского коммунистического союза молодежи. На родину вернулся с 215 якутянами и 85 красноармейцами во главе с уполномоченным Сибревкома по установлению советской власти в Якутии М.К. Аммосовым [2, с. 100; 3, с. 194–195].

В Якутске С.В. Васильев создал комсомольскую организацию. Пришедшие к власти большевики старались использовать созидательную силу молодого поколения в построении новой модели национальной государственности [4, с. 105]. Вопрос о работе среди молодежи национальных меньшинств впервые обсуждался 20 мая 1920 г. в Омске на сибирском совещании по комсомольской работе. Иностранческая молодежь была признана более отсталой в культурном отношении, находившейся в плену религиозных предрассудков, отличавшейся слабым знанием русского языка. Это сказалось на степени участия представителей национальных меньшинств в комсомольском движении [4, с. 106, 113]. С июля 1920 г. по февраль 1921 г. Васильев являлся председателем бюро якутской губернской организации РКСМ, членом губбюро РКП (б) и губревкома. С февраля по август 1921 г. был заведующим отделом пропаганды и агитации обкома РКП (б) [3, с. 195]. Региональная партийная элита тогда получала должности благодаря личным заслугам, а не преданности начальству, что позволяло ей чувствовать себя вполне самодостаточной [5, с. 84].

X съезд партии в постановлении «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» призвал отстранить туземные эксплуататорские элементы от влияния на массы и лишить их «классовых привилегий, путем самоорганизации туземных масс в Советы трудящихся» [6, с. 215–219; 7, с. 123]. 27–30 января 1921 г. I губернское партсовещание с участием 27 коммунистов четырех округов Якутской области вынесло постановление о классовом расстройстве якутов. А 2–7 февраля 1921 г. в Чурапче состоялась «беспартийная» конференция представителей ревкомов и крестьянской бедноты Таттинской, I и II Амгинских, Мегинской и Ботурусской волостей с участием 89 делегатов. Председателем президиума конференции избрали Васильева [7, с. 112]. С санкции Якутгубревкома такие же мероприятия проводились в течение апреля 1921 г. в Западно-Кангаласской, Восточно-Кан-

галасской и Намской волостях, селах Верхневилуйске, Александровке Нюрбинской волости, Сунтаре и г. Верхоянске. Кроме того, состоялась конференция десяти волостей в с. Чурапча, где было решено лишить свободы и избирательных прав 214 чел., отправить их на принудительные работы. Среди них оказались середняки и даже бедняки – «защитники» тойонов» [7, с. 114, 115, 117–119]. 5 декабря 1922 г. отдел юстиции Сибревкома квалифицировал постановление Якутгубревкома о предоставлении беспартийным съездам репрессивных прав противоречащим законности и дублирующим функции суда и Якутгубчека¹². 14 января 1922 г. Сибревком отменил постановления беспартийных конференций в Якутии²³.

Оргбюро ЦК РКП (б) за подписью секретаря В.М. Молотова предложило 15 июня 1921 г. Президиуму ВЦИК «создать комиссию для окончательного рассмотрения вопроса об автономии Якутии» и представить проект на утверждение в Политбюро³⁴. 19–21 июня 1921 г. на II губернском партийном собрании в Якутске идею автономии поддержали председатель губревкома П.А. Ойунский, председатель Якутгубчека А.В. Агеев, но против выступили С.В. Васильев, И.П. Редников, М.Ф. Пясецкий. Степан Васильевич утверждал, что отсутствие организованности бедноты не позволит осуществить автономию. В ответ Агеев усомнился в самоорганизации башкирской, киргизской и бурятской бедноты и заявил, что Якутия по культурному уровню не отстает от других национальных окраин. С Васильевым, считавшим, что с экономической точки зрения автономия ничего дать не может, не согласился А.И. Козырин, утверждавший, что автономия, наоборот, ускорит экономическое развитие Якутии [6, с. 132–133]. В национальных районах Сибири большевики вынуждены были допустить националистические настроенную интеллигенцию к власти [8, с. 36]. Поэтому в Якутии в ходе дискуссии вместо конфронтации наблюдалась консолидация якутских партийцев, привлечение интеллигенции к власти с целью национального возрождения.

Остро ощущалась потребность в квалифицированных специалистах, началась работа по подготовке кадров. С сентября 1921 г. по август 1925 г. Васильев учился в Москве в Коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова, где велась подготовка партийных, государственных и профсоюзных кадров [9, с. 142].

После принятия в 1925 г. XIV съездом ВКП(б) курса на индустриализацию страны ВСНХ СССР реорганизовал местное «Алданзолото» в общесоюзный трест. Но новые руководители союзного предприятия игнорировали экономические интересы Якутии. Тогда С.В. Васильева назначили представителем Якутской АССР на Алданские прииски. В 1925 г. он принял участие в работе комиссии СТО СССР по организации

передачи имущественного комплекса приисков общесоюзному тресту. Благодаря этому Якутия выручила 1,3 млн руб. на возмещение затрат по золотодобыче в 1923–1925 гг., а также стала ежегодно получать 5 % отчислений от объема добываемого золота. Алдан назвали индустриальным центром автономной республики, «валютным цехом» страны, а за границей – «Русским Клондайком» [10, с. 78–79, 429, 430, 438].

После окончания учебы в Москве ЦК ВКП (б) направил С.В. Васильева в Якутию наркомом рабочекрестьянской инспекции, затем он был избран председателем областной контрольной комиссии ВКП(б) и и.о. председателя Совнаркома ЯАССР [3, с. 195, 196]. Здесь он проявил себя умелым организатором, сумевшим воспитать из выдвиженцев из улусов грамотных и дисциплинированных управленцев [10].

Между тем среди высшего руководства страны произошел раскол, на XIV съезде ВКП (б) Л.Б. Каменев обвинил Сталина в том, что он «не может выполнить роли объединителя большевистского штаба», и подверг критике сталинский тезис о «построении социализма в отдельно взятой стране». По предложению Н.И. Бухарина съезд, учитывая интересы крестьянства, принял ряд мер по снижению промышленных цен и земельного налога, предоставлению льгот на аренду земли и наем рабочей силы [11, с. 517, 518]. 29 декабря 1925 г. председатель СНК Якутии Аммосов предложил обменяться мнениями по итогам этого съезда на бюро Якутского обкома. «Активное, напряженное, временами страстное и горячее» обсуждение материалов этой дискуссии проходило и в обкоме, и в Якутской партийной организации. Материалы дискуссии были доступны в газете «Автономная Якутия», страницы которой «прочитывались до дыр» [12, с. 132, 133].

В Якутии спор разгорелся между группами во главе с Аммосовым, председателем контрольной комиссии Васильевым, с одной стороны, и секретарем якутского обкома В.В. Дьяковым – с другой. Аммосов и Васильев выразили согласие с позицией Сталина и Бухарина, поддержавших резолюцию XIV съезда, где открыто подчеркивалось, что «центральной фигурой» земледелия является середняк [12, с. 133]. 31 декабря 1925 г. бюро якутского обкома большинством голосов («за» – три, «против» – два) поддержало проект Дьякова с поправками Аммосова и Васильева. Суть замечаний состояла в изъятии из текста упоминания об отсутствии у «новой оппозиции» разногласий с ЦК ВКП(б) по принципиальным вопросам. Вместо нее была внесена поправка Аммосова о возможности совместной работы в партии лишь после признания Каменевым и Зиновьевым допущенных ошибок и полного подчинения их решениям съезда. Поправка Васильева заключалась в осуждении предложения Зиновьева о свободе фракций внутри ВКП(б). Но замечание Аммосова и Васильева об осуждении оппозиционеров в целом было отвергнуто.

1–3 января 1926 г. объединенный пленум обкома и областной контрольной комиссии, областной партийный актив и общегородское партийное собрание

¹²Государственный архив Новосибирской области (ГАНО), ф. 1, оп. 1, д. 825, л. 1.

²³Там же, л. 7.

³⁴Там же, д. 12а, л. 31.

никакого решения не приняли. И лишь на пленуме обкома 8 января было принято постановление, внесенное Аммосовым, об «антипартийном» характере выступлений Каменева и Зиновьева и необходимости принятия решительных мер против оппозиционеров. Тогда сторонники Дьякова заговорили «о нацвражде» «между приезжими русскими работниками» и «якутами – националистами». Однако пленум осудил эти высказывания и принял резолюцию «в духе доклада М.К. Аммосова».

Дьяков открыто признал свою ошибку и подал в отставку. Оргбюро ЦК ВКП (б) поддержало своим постановлением от 24 мая 1926 г. решение пленума обкома, осудило позицию Дьякова и признало ошибкой перенос спора на городской партийный уровень [13, с. 19–22; 14, с. 79–80; 10, с. 44]. Этот пример свидетельствует, что в то время как Москва официально контролировала назначения первых лиц, региональные руководители оказывали прямое влияние на кадровую политику, вплоть до отмены распоряжений Центра [5, с. 48]. Однако в Центре организация этой дискуссии по инициативе Аммосова вызвала недовольство. Об этом 6 мая 1926 г. М.К. Аммосов, И.Н. Барахов и И.Н. Винокуров написали Сталину и Молотову. Они указывали, что: «Секретариат ЦК отказался признать за партийной дискуссией, имевшей место в Якутской организации, в связи с XIV съездом ВКП (б), принципиальное значение», несмотря на материалы и признания оппонентов [15, с. 149, 150, 155]. Аммосов и Васильев тогда оценивали позицию Каменева и Зиновьева как левацкую, направленную на возрождение «военно-коммунистической» власти в стране. Они скорее отстаивали интересы большинства якутов, нежели старались «угодить» Сталину, так как верили, что «нэп – это надолго и всерьез».

Левацкая политика в национальном вопросе укрепилась в Якутии после приезда комиссии ЦК ВКП(б) и ВЦИК во главе с Я.В. Полуяном после подавления антисоветского мятежа 1927–1928 гг. Васильев представил записку «О путях развития партийной организации в Якутии». В ней в качестве основной причины мятежа конфедералистов в 1927–1928 гг. назывался рост кулачества в Западно-Кангаласском улусе в период нэпа. Комиссия же Полуяна считала причиной повстанчества сотрудничество обкома с национальной интеллигенцией и амнистированными мятежниками. Степан Васильевич предполагал, что решительная борьба с мятежниками должна сочетаться с гуманным отношением к населению и интеллигенции. Полуян же открыто призвал к разгрому всей националистической интеллигенции и полной дискредитации руководства якутского обкома [10, с. 107–117].

При поддержке отбывших при царе в Якутии ссылку секретаря партколлегии ЦКК Ем. Ярославского и председателя ЦКК Г.К. Орджоникидзе Васильеву и его соратникам удалось добиться создания новой комиссии под руководством члена оргбюро ЦК ВКП(б) К.Я. Баумана. Последний переработал в корне «полуяновский» вариант резолюции ЦК ВКП (б) по якутско-

му вопросу [16, с. 20]. Так региональные руководители Васильев, Аммосов, Барахов смогли на личном уровне использовать организационный ресурс своих покровителей в лице Орджоникидзе и Ярославского [5, с. 49].

В новой трактовке постановления ЦК ВКП(б) Васильев и его сторонники нашли «полное оправдание» своей упорной борьбы «с выводами комиссии Полуяна». Они считали ошибкой игнорирование положительного вклада прежней властной структуры Якутии, а также передачу власти левацким руководителям во главе с А.Г. Габышевым, выходцем из зажиточной семьи, которые «абсолютно не способны на обеспечение руководства» и реализацию «поставленных ЦК задач». Это был частичный «успех». Постановление ЦК ВКП (б) «О положении в Якутской организации» от 9 августа 1928 г. положило начало репрессиям в отношении национальной интеллигенции и тем самым деформировало решение национального вопроса [16, с. 20].

В 1928 г. произошла смена партийно-советского руководства Якутии: Барахов, Аммосов, Васильев – наиболее авторитетные и известные народу руководители – были отозваны из республики в распоряжение ЦК ВКП (б) в Москву. [17, с. 57]. По рекомендации Г.К. Орджоникидзе, с сентября 1928 г. по июль 1930 г. Степан Васильевич работал в аппарате ЦКК, участвовал в рассмотрении апелляций якутских коммунистов, выезжал на места для решения спорных дел, боролся с бесхозяйственностью, расточительством и коррумпированностью советских чиновников. При этом он не допускал излишней торопливости, стремился докопаться до причин проступков виновных. Если партследователи были необъективны, то Васильев отправлял, как правило, дело на доследование. Он бережно относился к людям, не допуская вынесения поспешных решений, пользовался среди коллег авторитетом, его предложения часто принимались другими членами партколлегии [10, с. 152, 153, 413, 414].

В 1931 г. Политбюро назначило Васильева председателем ЦК профсоюза рабочих добычи и обработки цветных металлов и золота, где он проработал до 1934 г. Под его руководством этот профсоюз стал одним из ведущих в стране. Совершенствовалась организационно-массовая работа, укреплялись связи центрального аппарата ЦК с местными профсоюзами, улучшались производственные, социально-бытовые и жилищные условия ИТР и рабочих. Первичные организации стали активно заниматься производством [3, с. 196; 8, с. 160, 208, 430].

В 1934–1939 г. Васильев возглавил группу цветной промышленности в ЦКК–РКИ СССР и группу тяжелой промышленности, где занимался подготовкой аналитических записок о положении дел в производстве цветных металлов и редких элементов, необходимых для ускоренного развития тяжелой промышленности и укрепления обороноспособности страны. Он внес большой вклад в развитие тяжелой и золотодобывающей промышленности СССР, что способствовало победе нашей страны в Великой Отечественной войне [10, с. 339, 341, 429].

К примеру, когда в соревновании по золотодобыче трест «Якутзолото» в 1932 г. занял одно из последних мест, Васильев лично съездил и ознакомился с состоянием дел на Ларинской базе, затем представил его в обширных записках Сталину. В результате вышли постановления Политбюро и СНК СССР с включением всех предложений Степана Васильевича. Через три–четыре месяца рабочие Алдана отрапортовали о выполнении плана добычи золота за октябрь 1933 г. и стали победителями Всесоюзного социалистического соревнования. Решения, принятые на основе предложений Васильева, позволили заложить основы механизации работ по развитию дражного флота, строительству Лебединской фабрики по обработке рудного золота, развитию автотранспорта и речного флота, улучшению медицинского и культурного обслуживания рабочих и ИТР приисков. Именно тогда сложились регулярные поставки продукции сельского хозяйства в золотую промышленность. По инициативе Степана Васильевича происходило закрепление кадров из якутов в горнодобывающей отрасли [10, с. 430–431, 445, 446]. Поддержка покровителя из центра из числа уроженцев Якутии оказалась сильнее бюрократических механизмов Центра и помогла принять важные социальные решения по золотодобыче [5, с. 195].

Будучи членом правительственной комиссии, в сентябре 1932 г. Васильев совершил мужественный поступок, представив лично Сталину и Молотову записку о страшном голоде в Казахстане. В ней сообщалось о широком распространении попрошайничества и массовых попытках казахов откочевать за границу, гибели 9 тыс. чел., о многочисленных опухших трупах на вокзалах. В качестве одной из причин трагедии называлось сокращение до 10 % прежнего поголовья скота в результате перегибов коллективизации [10, с. 246–247]. Так Степан Васильевич внес свою лепту в спасение братского тюркского народа от голода.

Комиссия партийного контроля была одной из крупных структур ЦК ВКП (б): в 1939–1941 гг. в ней числилось до 15 % личного состава его аппарата. Первый состав КПК значительно уменьшился, когда «в 1937–1938 гг. почти половина (29 из 61) членов КПК была арестована и осуждена» [18, с. 31]. В 1939 г. Васильев был репрессирован как один из организаторов «центральной якутской буржуазно-националистической организации в Москве». Он скончался в лагере в 1943 г., реабилитирован в 1956 г. Репрессии были направлены на ликвидацию неформальных социальных связей (сети) между региональным партийным руководством и покровителями из Москвы [5, с. 190].

Стремление к знаниям, трудоспособность и организаторский опыт позволили Васильеву в короткий срок профессионально вырасти от комсомольского вожака до государственного деятеля союзного масштаба. Историческая его заслуга заключалась в экономической и социокультурной модернизации Якутии, когда началось ее экономическое, социальное и культурное выравнивание уровня развития с Центром. В этот пе-

риод осуществлялось развитие национальной государственности, экономическое и социально-культурное возрождение якутской нации, нарастал интеллектуальный потенциал республики. Степан Васильевич стоял у истоков золотодобывающей промышленности Якутии. Московские покровители Е.М. Ярославский и Г.К. Орджоникидзе оказали ему содействие в профессиональной деятельности. В 1930-е гг. Васильев занимался расследованием конфликтов, выезжал на места, но по архивным документам он не был причастен к репрессиям. Сталинские репрессии 1930-х гг. разрушили сложившуюся модель социальных связей между Центром и регионом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Казиев С.Ш. Основные направления национальной политики Советского государства в Казахстане (1920–1929 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. №5. С. 51–56.
2. Зайнутдинов Д.Р. Государственно-правовые аспекты социализма в национальном движении татарского народа // Юридический вестник ДГУ. 2014. №1. С. 26–32.
3. Данилов Э.Ф. Степан Васильевич Васильев // Руководители Якутии. Якутск, 2012, 448 р.
4. Рыбаков Р.В. Национальная мобилизация молодежи Сибири в 1920-е гг. // Историческая психология в XXI веке: теоретико-методологические проблемы и практика конкретных исследований. Материалы Всерос. науч. конф. Ишим, 2012. С. 105–113.
5. Истер Дж.М. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М., 2010. 255 с.
6. Макаров Г.Г. Северо-восток РСФСР в годы военной интервенции и Гражданской войны и переход к новой экономической политике (1918–1921 гг.). Якутск, 1988. 304 с.
7. Башарин Г.П. Общественно-политическая обстановка в Якутии в 1921–1925 гг. Якутск, 1996. 328 с.
8. Сушко А.В. К вопросу о роли националистически настроенной интеллигенции нерусских народов в революции и Гражданской войне на территории Сибири // Омский научный вестник. 2009. №6. С. 33–36.
9. Ергин Ю.В. Башкирский коммунистический университет (1931–1939) // Педагогический журнал Башкортостана. 2008. №5. С. 141–151.
10. Степан Васильев – государственный, общественно-политический, профсоюзный деятель / сост. Э.Ф. Данилов. Якутск, 2011. 464 с.
11. Четырнадцатый съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б): стеногр. отчет. М., 1926. 1040 с.
12. Аммосов М.К. С помощью русских рабочих и крестьян. Статьи, речи, воспоминания, письма. Якутск, 1987. 288 с.
13. Иванова А.А. Якутская областная партийная организация в годы социалистической индустриализации и подготовки сплошной коллективизации сельского хозяйства (1926–1929). Якутск, 1980. 280 с.
14. Клиорина И.С. Максим Аммосов. Десятилетие: 1917–1927 гг. Якутск: Бичик, 1997. 144 с.
15. Аммосов М.К. Неизвестные страницы жизни и деятельности: сб. док. и мат. Якутск, 1998. 368 с.
16. Антонов Е.П. Якутское постпредство в контексте взаимоотношений центра и республики в 20-е гг. XX в. // Вестник Бурят. науч. центра СО РАН. 2017. Т. 27, №3. С. 14–21.
17. История Якутии (1917–2003 гг.) / под ред. М.М. Хатылаева. М., 2005. 229 с.
18. Никонорова Т.Н. Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП (б) (1934–1952 гг.) // Российская история. 2015. №6. С. 26–40.

REFERENCES

1. *Kaziyeu S. S.* Main directions of the national policy of the Soviet state in Kazakhstan (1920–1929). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2014, no. 5, pp. 51–56. (In Russ.)
2. *Zainutdinov D. R.* State and legal aspects of socialism in the Tatar people national movement. *Yuridicheskiy vestnik DGU*, 2014, no. 1, pp. 26–32. (In Russ.)
3. *Danilov E. F.* Stepan Vasilyevich Vasilyev. *Rukovoditeli Yakutii*. Yakutsk, 2012, p. 448. (In Russ.)
4. *Rybakov R. V.* National mobilization of Siberian youth in the 1920s. *Istoricheskaya psikhologiya v XXI veke: teoretiko-metodologicheskie problemy i praktika konkretnykh issledovaniy: materialy Vseros. nauch. konf. Ishim*, 2012, pp. 105–113. (In Russ.)
5. *Easter J. M.* Soviet state construction. The system of the elite personal contacts and self-identification in the Soviet Russia. Moscow, 2010, 255 p. (In Russ.)
6. *Makarov G. G.* The northeast RSFSR during the military intervention and Civil War and transition to the new economic policy (1918–1921). Yakutsk, 1988, 304 p. (In Russ.)
7. *Basharin G. P.* A social and political situation in Yakutia in 1921–1925. Yakutsk, 1996, 328 p. (In Russ.)
8. *Sushko A. V.* On an issue of nationalistically oriented intellectuals' role of the non-Russian peoples in the Revolution and the Civil War in the territory of Siberia. *Omskiy nauchnyy vestnik*, 2009, no. 6, pp. 33–36. (In Russ.)
9. *Ergin Y. V.* Bashkir communist university (1931–1939). *Pedagogicheskiy zhurnal Bashkortostana*, 2008, no. 5, pp. 141–151. (In Russ.)
10. *Danilov E. F. (comp.)* Stepan Vasilyev – a state, social and political, trade-union figure. Yakutsk, 2011, 464 p. (In Russ.)
11. The Fourteenth Congress of the All-Union Communist Party. Verbatim. Moscow, 1926, 1040 p. (In Russ.)
12. *Ammosov M. K.* By the Russian workers and peasants. Articles, speeches, memoirs, letters. Yakutsk, 1987, 288 p. (In Russ.)
13. *Ivanova A. A.* The Yakut regional party organization during the socialist industrialization and preparing the total collectivization of agriculture (1926–1929). Yakutsk, 1980, 280 p. (In Russ.)
14. *Kliorina I. S.* Maxim Ammosov. A decade: 1917–1927. Yakutsk, Bichik, 1997, 144 p. (In Russ.)
15. *Ammosov M. K.* Unknown pages of life and activity: documents and materials. Yakutsk, 1998, 368 p. (In Russ.)
16. *Antonov E. P.* The Yakut permanent representative in the context of relationship of the center and the republic in the 1920s. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN*, 2017, vol. 27, no. 3, pp. 14–21. (In Russ.)
17. *Khatylayev M. M. (ed.)* History of Yakutia (1917–2003). Moscow, 2005, 229 p. (In Russ.)
18. *Nikonorova T. N.* The commission of party control at the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) (1934–1952). *Rossiiskaya istoriya*, 2015, no. 6, pp. 26–40. (In Russ.)

*Статья принята
редакцией 20.12.2018*

DOI: 10.15372/HSS20190112
УДК 94: 001 (571.1/.5)"1919/1920"

В.В. РАСКОЛЕЦ

ОРГАНИЗАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ОТДЕЛА ИНСТИТУТА ИССЛЕДОВАНИЯ СИБИРИ (1919–1920 гг.)

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

На основе широкого круга источников и литературы исследуется создание и деятельность естественно-исторического отдела Института исследования Сибири (ИИС). Анализируется состояние научных сил сибирского региона в области ботаники, зоологии и сельского хозяйства в дореволюционный период. Отмечается, что изначально отделы ботаники, зоологии, сельского хозяйства и лесоведения существовали как самостоятельные, но впоследствии были реорганизованы в единый отдел в ходе утверждения Положения об ИИС Российским правительством А.В. Колчака. Подчеркивается, что деятельность естественно-исторического отдела строилась на принципах комплексности и координированности исследований, заложенных в Положении об ИИС, была создана новая модель организации научных сил. Сделан вывод, что отделу в тяжелый политический и социально-экономический период сибирской истории удалось осуществить ряд мероприятий, важных в теоретическом, экспедиционном и научно-организационном отношениях.

Ключевые слова: Институт исследования Сибири, Томск, Байкал, Северный морской путь, П.Н. Крылов, В.В. Сапожников, Русское ботаническое общество, ихтиофауна.

V.V. RASKOLETS

ORGANIZATION AND ACTIVITIES OF THE NATURAL HISTORY DEPARTMENT OF THE INSTITUTE FOR THE STUDY OF SIBERIA (1919-1920)

National Research Tomsk State University,
36, Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation

This article explores the establishment and activity of the Natural History Department of the Institute for Siberian Studies (ISS) based on a wide range of sources and scientific literature. The study is of high relevance due to the need to analyze a new model of scientific structure established by the Siberian scientists during the crisis period of Russian history. The study objective is to reconstruct and interpret the history of creation and work of the Natural History Department of ISS. The natural history studies initially were supposed to be conducted in four separate departments: botany, zoology, agriculture, and forest science. However, during the approval of ISS Regulations by A.V. Kolchak's Russian government these departments were reorganized into sub-branches of the Natural History Department.

It is worth noting that some distinguished scientists from Siberia, European Russia and foreign countries worked at the department, such as P. N. Krylov, V. V. Sapozhnikov, M. D. Ruzsky, G. E. Ioganzen, A. G. Gennkel, I. I. Podpera, S. A. Teploukhov, et al.

The research has revealed the multidimensional activity of the Natural History Department. It arranged expeditions to study the Ob and Taz Bays' tundra terrain, investigate ichthyofauna of West Siberian rivers (Ob, Tom, Tobol, Polui, etc.), phytoplankton of Lake Baikal and others.

According to the expeditionary results, the members of the Department published a number of scientific works in "Izvestiya IIS". The Department put forward the idea of organizing courses to train researchers of Siberian wild life, as well as the sub-department of physical geography; supported the Baikal Hydrobiological Station activity; sponsored the activities of the South Usuriisk Branch of the Russian Geographical Society, etc.

The author concludes that the difficult political, social and economic conditions adversely affected the Department's activity, not allowing its members to realize many ideas. However, if ISS were not closed by the Soviet authorities, its work would have developed on an even larger scale.

Key words: Institute for Siberian Study, Northern Sea Route, Baikal, P. N. Krylov, V. V. Sapozhnikov, Russian Botanical Society, ichthyofauna.

Виктор Владимирович Расколец – аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет, e-mail: predator-101@mail.ru.

Victor V. Raskolets – postgraduate student, National Research Tomsk State University.

Сибирь – уникальный этнокультурный и географический регион, превосходящий по своим масштабам целые континенты, – всегда привлекала внимание исследователей. В дореволюционный период проблемы Сибири изучали Академия наук, научные общества (в особенности отделы РГО), высшие учебные заведения и частные лица [1, с. 15–33], однако исследования не имели системного характера. Первая мировая война обнажила культурную и экономическую бедность России и Сибири относительно ведущих мировых держав. В условиях Гражданской войны изолированное от европейской части России сибирское научное сообщество приняло решение о создании Института исследования Сибири (ИИС). Это была попытка поиска новой модели решения научных проблем в области ботаники, зоологии и сельского хозяйства.

В общих чертах работа естественно-исторического отдела освещалась в статьях коллектива томских исследователей во главе с С.Ф. Фоминых [2; 3]. Отдельные сюжеты, связанные с экспедиционной и организационной деятельностью отдела, рассмотрены в статьях В.В. Раскольца и И.А. Дунбинского [4; 5; 6]. Однако специального исследования, посвященного организации и деятельности естественно-исторического отдела, в отечественной историографии не проводилось.

Целью данной статьи является реконструкция и интерпретация организации и деятельности естественно-исторического отдела Института исследования Сибири (ИИС) не является предметом данного исследования, в связи с этим мы лишь кратко обозначим ее основные моменты. В конце октября 1917 г. в Иркутске на Первом сибирском метеорологическом съезде его участники пришли к выводу о желательности создания такого учреждения, которое бы занималось систематизацией уже добытых знаний и координацией исследований в масштабах всей Сибири. Юридически эта идея была оформлена Временным положением об ИИС¹.

Октябрьская революция и последовавшая за ней Гражданская война помешали претворению в жизнь намеченных планов. Лишь с установлением в ноябре 1918 г. диктатуры адмирала А.В. Колчака началась подготовка к созыву съезда по организации ИИС в Томске. Этот съезд должен был стать «смотром» научных сил Сибири, поскольку здесь ведущие ученые планировали обсудить ключевые проблемы в самых разных отраслях науки.

Съезд по организации ИИС открылся 15 января 1919 г. Несмотря на суровые зимние условия и сложности с железнодорожным транспортом, на съезде было представлено около 240 делегатов от 17 городов Сибири, Урала и Европейской России [7, с. 134]. Работа велась на общих и секционных заседаниях, где обсуждались соответственно проблемы ботаники, зоологии и сельского хозяйства.

Съезд по организации ИИС завершился 26 января 1919 г. и стал событием поистине всесибирского значения. По итогам его работы было принято Положение об Институте исследования Сибири. Целью института являлось «планомерное научно-практическое исследование природы и населения Сибири в целях наиболее рационального использования естественных богатств края и культурно-экономического развития»². На секциях ботаники, зоологии и сельского хозяйства были определены структуры отделов в будущем институте.

На первом этапе институт учреждался в качестве общественной организации «Общество ИИС» [8, с. 68]. Чтобы реализовать масштабные исследовательские задачи, требовалось его утверждение в качестве государственного учреждения со стороны правительства А.В. Колчака. Утверждение Положения об ИИС началось в мае и продлилось до конца июля 1919 г.

К этому времени ботанический, зоологический и сельскохозяйственный отделы установили тесные контакты с научными, общественными организациями и ведомствами, согласовав предстоящие работы и разграничив компетенции предстоящей деятельности. В соответствии с запиской Б.П. Вейнберга, поданной на рассмотрение Междуведомственного совещания, итоговая смета трех отделов (не считая отдела сельского хозяйства, смету которого еще предстояло определить) составляла 297 150 руб. В условиях процессов гиперинфляции в Сибири эту сумму вряд ли можно назвать крупной. Однако даже ее удовлетворение подразумевало благоприятное для института стечение обстоятельств.

Между тем Российское правительство А.В. Колчака, терпящее поражение в Гражданской войне, находилось в печальном финансовом положении. Все это привело к уменьшению финансирования ИИС и, как следствие, – сокращению его отделов (с 11 до 6). Отделы ботаники, сельского хозяйства и зоологии были реорганизованы в подотделы естественно-исторического отдела. Однако вплоть до ноября 1919 г. они по-прежнему работали самостоятельно. Безусловно, урезание финансирования и слияние отделов негативно повлияли на реализацию их исследовательских возможностей.

Состав естественно-исторического отдела в период второй половины 1919 г. – начала 1920 г. постоянно менялся. Обязанности заведующего до 22 января 1920 г. исполнял П.Н. Крылов, а после его ухода по сердечной болезни – С.С. Неуструев. Секретарем отдела до 27 января 1920 г. был Г.Э. Иогансен, но он ввиду сильной загруженности сложил свои полномочия в пользу С.А. Теплоухова – известного впоследствии советского археолога и этнографа [9, с. 106–107]. Членами отдела также значились В.В. Сапожников, М.Д. Рузский, Б.Н. Городков, В.Д. Кожанчиков. От Пермского общества естествоиспытателей были избраны профессор А.А. Рихтер и В.Н. Беклимишев,

¹ Труды Первого сибирского метеорологического съезда в г. Иркутске 26–30 октября 1917 года. Благовещенск, 1919. С. 294–296.

² Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-26 (Институт исследования Сибири). Оп. 1. Д. 15. Л. 176.

исполнявший до своего отъезда обязанности представителя отдела в библиографической комиссии института. От Томского отделения Русского ботанического общества была избрана Т.К. Триполитова-Рейхель, от Томского орнитологического общества им. Бутурлина – уже упомянутый С.А. Теплоухов. Специалистами отдела были избраны чешский ботаник, профессор из г. Брно И.И. Подпера (по споровым растениям), М.И. Рожанец (почвенный отдел) и В.Н. Варгин (сельскохозяйственный отдел). В отделе трудились также ассистенты П.В. Сюзев, В.И. Баранов (ботаники), М.И. Хлебникова и К.Л. Френкель (зоологи)³, практиканты Л.Ф. Ревердато и В.П. Пучков (ботаники), И.И. Смирнов, А.В. Дмитриев, Е.И. Серяков (почвоведы) [9, с. 121].

Работа отдела была многогранной, сотрудники писали научные работы, выступали с лекциями и докладами. 28 октября 1919 г. В.В. Сапожников выступил с инициативой «по устройству лекций и сообщений по исследованию Сибири», на которую откликнулось большинство сотрудников отдела. Сам В.В. Сапожников прочитал лекцию о севере Западной Сибири по материалам Обской экспедиции, И.И. Подпера – лекции под названием «Сибирские элементы во флоре Западной Евразии» и «Новейшие воззрения в систематике и морфологии бриофтов», С.С. Неуструев – «О задачах почвенных исследований Сибири», П.В. Сюзев – «О флоре Урала»⁴.

Важным направлением работы отдела стало составление карты естественных районов Сибири под руководством С.С. Неуструева, заказчиком которой выступило Переселенческое управление Министерства земледелия. На эти работы в 1919 г. было выделено 150 тыс. руб. [9, с. 82]. Работа проходила в два этапа. На первом этапе предполагался сбор картографических материалов, касающихся топографии, почв, растительности и геологии отдельных районов, а также опрос исследователей, знакомых с «естественно-историческим характером отдельных губерний и областей». Второй этап подразумевал составление на основе полученных данных 100-верстной карты естественных районов. Участники обсуждения проекта С.С. Неуструева высказали пожелания, чтобы этой работой занималось бюро, сформированное из членов отдела ботаники. Важно было проводить работы в строго определенном масштабе, по определенным специальностям и с привлечением статистических материалов, «позволяющих выразить процентное соотношение сельскохозяйственных угодий в отдельных районах» [4, с. 83]. К работам предполагалось привлечь большое количество сотрудников на временной основе.

Задача подготовки кадров наряду с проблемами исследовательского характера была прописана в Положении об организации ИИС и представлялась чрезвычайно злободневной⁵. В русле решения этой зада-

чи сотрудники отдела предложили организовать при ИИС курсы по подготовке исследователей природы. Поскольку И.А. Дунбинский достаточно подробно написал об этом в специальной статье [6], отметим лишь, что по итогам работы курсов было подготовлено около 150 исследователей [6, с. 55].

Важным направлением работы отдела являлась экспедиционная деятельность. Наиболее значимым было участие отдела в двух комплексных экспедициях, организуемых ИИС в Обскую и Тазовскую губу летом 1919 и летом 1920 г. (подробнее см.: [4–5]). Отметим лишь, что указанные экспедиции на практике продемонстрировали заложенные в основу ИИС принципы комплексности и координированности исследований. Об этом свидетельствует финансирование экспедиций со стороны ряда ведомственных органов, а также наличие в их составе разного рода научных партий.

Уже на начальном этапе своей деятельности отдел активно контактировал с научными организациями и частными лицами. Так, профессор ботаники, будущий академик АН Чехословакии И.И. Подпера, оказавшись в годы Гражданской войны в Красноярске, занялся исследованием мхов и печеночников. «Несколько экскурсий, – писал он В.В. Сапожникову в Томск, – которые я сделал в местностях г. Красноярска, главным образом в местности над с. Торгошиным, убедило меня, что в Сибири мхи до сих пор совсем не исследованы». Проявив интерес к совместной с институтом работе, И.И. Подпера просил В.В. Сапожникова ходатайствовать о своем командировании в Томск, предоставлении необходимой исследовательской литературы и небольшой денежной субсидии для приобретения бумаги. Взамен он обещал передать отделу весь собранный в ходе полевой работы материал⁶.

6 июня 1919 г. в письме В.В. Сапожникову И.И. Подпера дал согласие на избрание его специалистом по споровым растениям. Вскоре И.И. Подпера был командирован для изучения торфяников в Курганском и Ялуторовском уездах Тобольской губернии. Однако из-за приближавшихся военных действий командировка не состоялась, поэтому ему было поручено исследование торфяных болот в пределах Томской губернии.

В мае – августе 1919 г. в командировку по фаунистическому обследованию реки Оби отправилась ассистентка зоологического кабинета Томского университета Е.Ф. Киселева. Ее исследования затронули не только бассейн р. Оби, но и озера Царево, М. Арталы и Б. Арталы вблизи Тюмени, а также реки Туру, Тобол, Сосьву, Полуй, Парсым, Иртыш и др. Кроме исследования ихтиофауны, Е.Ф. Киселева собрала обширные данные, касающиеся явления «замора рыбы», выполнила гидрографическое описание указанных рек и озер, составила описание промыслов местных жителей и т.д.

В Томск Е.Ф. Киселева вернулась 7 августа 1919 г. Собранный ею коллекция включала 24 вида

³ ГАТО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 58. Л. 8; Д. 32. Л. 6.

⁴ Там же. Д. 57. Л. 2а.

⁵ Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск, 1919. Ч. 4. С. 1–2.

⁶ ГАТО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 37. Л. 91 об.

рыбы в количестве 70 спиртовых экземпляров (в том числе стерлядь, нельма, линь, щокур и др.). На основании данных, полученных в десяти местах на пути Томск – Самарово – Тобольск и трех местах на пути Самарово – Березово – Обдорск, она пришла к выводу, что «замор» в Оби географически начинается гораздо выше, чем считали другие исследователи – от д. Колпашево Томской губернии на юге до бухты Находка на севере. Отметив, что явление «замора» нуждается в дальнейшем экспедиционном изучении, Е.Ф. Киселева вместе с тем указала на его зависимость от скорости течения реки и температуры окружающей среды. Она установила, что чем сильнее морозы и медленнее течет река, тем явление «мора» сильнее⁷. Эти результаты Е.Ф. Киселевой были опубликованы во втором номере «Известий ИИС».

С приходом советской власти деятельность ИИС была практически парализована из-за отсутствия выделения необходимого финансирования. Поражает тот факт, что ученые института не только не прекратили работу, но и усилили ее – это проявилось и в экспедиционной, и в научно-организационной работе института.

Летом 1919 г., когда отдел только-только вставал на ноги, у него не было возможностей для организации большого числа экспедиций. Но к лету 1920 г. отдел запланировал организацию и участие в 10 экспедициях⁸. В составленной им смете на этот год предусматривалась организация почвенной разборочной, приобретение зоологических материалов и коллекций по фауне Сибири, а также пособия гидробиологической станции Академии наук на оз. Байкал. На эти цели планировалось истратить 240 тыс. руб. Основная часть сметы, установленная в размере 1 млн 625 тыс. руб., предназначалась для экспедиций. В целом же бюджет естественно-исторического отдела на 1920 г. стоял на втором месте – после отдела географии (3 млн 380 тыс. руб.)⁹.

Отдел наметил достаточно амбициозную программу своего расширения. В него помимо имеющихся подразделов ботаники и зоологии предполагалось включить подразделения почвоведения, антропологии, лесоведения (последний не был организован). Структуру отдела антропологии поручалось представить профессору С.И. Руденко, который, будучи сотрудником историко-этнологического отдела, занимался составлением карты народов Сибири [10, с. 37].

В конце января 1920 г. С.С. Неуструев представил проект об организации подразделения физического страноведения. Отметив, что задачи отдела географии отнюдь

не исчерпываются исследованиями в области геодезии, геофизики и гидрологии, он подчеркнул необходимость изучения естественного ландшафта в связи с составлением карты естественных районов Сибири. Для этого подраздел физического страноведения должен был начать работу по сбору и обработке картографического материала, снаряжению экспедиций, устройству лекций, докладов и курсов, поощрению исследований, установлению контактов с другими научными обществами (в частности, с Прусским географическим обществом) и т.д.¹⁰ Управление подразделом возлагалось на общее собрание, бюро и комиссии.

После окончательного согласования новой структуры естественно-исторического отдела предполагалось, что его подразделения должны будут обрести «самостоятельность», а до той поры они должны были работать как единое целое в виде групп специалистов в различных областях знания [9, с. 103, 105, 106].

Созыв съезда деятелей сельского хозяйства должен был определить структуру и задачи соответствующего подразделения института. К лету 1919 г. стало очевидно, что процесс организации съезда затягивается. 10 февраля 1920 г. на заседании отдела была зачитана записка профессора Пермского университета В.Н. Варгина об организации сельскохозяйственного подразделения. После обсуждения этого вопроса было решено просить представителей Союза агрономов совместно с В.Н. Варгиным обсудить проект сельскохозяйственного подразделения, согласовать его с проектом, изложенным на съезде по организации института и проектом самого В.Н. Варгина. Однако сельскохозяйственный подраздел организован не был.

После падения власти А.В. Колчака в Сибири и поражения белогвардейцев сотрудники Института исследования Сибири стали искать пути сотрудничества с советской властью. Поначалу взаимоотношения эти складывались достаточно благоприятно, однако ближе к лету 1920 г. поползли слухи о скором закрытии института. У большевиков не было желания тратить столь значительные суммы на учреждение, в котором, по их мнению, укрылись остатки белогвардейской интеллигенции. 5 июня 1920 г. постановлением Сибревкома институт был закрыт, а ведение его дел передано учреждаемым при Томском университете и Томском технологическом институте секциям. Фактически работа ИИС продолжалась до весны 1921 г. [2, с. 35].

Таким образом, деятельность естественно-исторического отдела Института исследования Сибири представляется многогранной, актуальной и новаторской. Однако в условиях экономической разрухи и политического кризиса Гражданской войны отделу не удалось осуществить намеченные исследования в полном объеме, а закрытие его советской властью прервало многие начинания сотрудников. Однако усилия ученых не были напрасными. В столь тяжелый период отделу удалось инициировать проведение

⁷ Киселева Е.Ф. Отчет о командировке для фаунистического обследования бассейна реки Оби // Известия Института исследования Сибири. № 2. Труды естественно-исторического отдела. № 1. Томск, 1920. С. 27.

⁸ Подробнее об этом см.: Журналы заседаний отделов, Средне-Сибирского отделения и комиссий Института исследования Сибири (1919–1920 гг.) / отв. ред. С.Ф. Фоминных. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 266–271.

⁹ ГАТО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 65. Л. 6.

¹⁰ ГАТО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 57. Л. 28.

чрезвычайно важных исследований, построенных на принципах комплексности и преемственности, в соответствующих областях науки. Не стоит забывать и о том, что в суровые годы Гражданской войны ученые в поисках заработка уходили из науки. Участие же в работе естественно-исторического отдела позволяло специалистам заниматься наукой, сохранять и приумножать ее наследие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российская академия наук. Сибирское отделение: Исторический очерк / Е.Г. Водичев, С.А. Красильников, В.А. Ламин и др. Новосибирск: Наука, 2007. 510 с.
2. Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Маркевич Н.Г. и др. Из истории Института исследования Сибири // Журналы заседаний совета Института исследования Сибири (13 ноября 1919 г.–16 сентября 1920 г.). Томск, 2008. С. 5–44.
3. Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Грибовский М.В. и др. Отделы, Средне-сибирское отделение и комиссии Института исследования Сибири (1919–1921 гг.) // Журналы заседаний отделов, Средне-Сибирского отделения и комиссий Института исследования Сибири (1919–1920 гг.) / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 5–41.
4. Расколец В.В. Экспедиции Д.Ф. Котельникова и В.В. Сапожникова в Обскую губу (1919 г.) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2016. № 408. С. 117–124.
5. Расколец В.В., Сорокин А.Н. Деятельность географического отдела Института исследования Сибири и его вклад в развитие геодезии, геофизики и гидрологии Сибирского края (июль 1919 – июнь 1920 гг.) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2017. № 425. С. 147–155.
6. Дунбинский И.А. Институт исследования Сибири и подготовка исследователей // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2012. № 4 (20). С. 54–56.
7. Молчанов Л.А. «Институт представляется в виде мощного... союза всех коллективов, причастных к делу изучения Сибири». Организация и деятельность Института исследования Сибири. 1919–1920 гг. // Вестник архивиста. М., 2009. № 6. С. 132–141.
8. Соскин В.Л. Сибирь, революция, наука. Новосибирск, 1989. 174 с.
9. Журналы заседаний отделов, Средне-Сибирского отделения и комиссий Института исследования Сибири (1919–1920 гг.) / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. 358 с.
10. Китова Л.Ю. Томский период деятельности С.И. Руденко и С.А. Теплоухова // Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег. Барнаул, 2004. С. 30–36.

REFERENCES

1. Vodichev E. G., Krasilnikov S. A., Lamin V. A. et al. The Russian Academy of Sciences. The Siberian Branch: a historical essay. Novosibirsk, 2007, 510 p. (In Russ.)
2. Nekrylov S. A., Fominykh S. F., Markevich N. G. et al. From the history of the Institute for Siberian studies. Zhurnaly zasedaniy soveta Instituta issledovaniya Sibiri (13 noyabrya 1919 g. – 16 sentyabrya 1920 g.). Tomsk, 2008, pp. 5–44. (In Russ.)
3. Nekrylov S. A., Fominykh S. F., Gribovskiy M. V., et al. Departments, Central Siberian Department and Commissions of the Institute for Siberian Studies (1919–1921). Zhurnaly zasedaniy otdelov, Sredne-Sibirskogo otdel-leniya i komissii Instituta issledovaniya Sibiri (1919–1920 gg.). Tomsk, 2014, pp. 5–41. (In Russ.)
4. Raskolets V. V. Expedition by D. F. Kotelnikov and V. V. Sapozhnikova to the Ob Bay (1919). Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2016, no. 408, pp. 117–124. (In Russ.)
5. Raskolets V. V., Sorokin A. N. Activities of the Geographical Department of the Institute of Siberian Studies and its contribution to the development of geodesy, geophysics and hydrology of Siberian region (July 1919 – June 1920). Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2017, no. 425, pp. 147–155. (In Russ.)
6. Dunbinskiy I. A. The Institute of Siberian Studies and training researchers. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya, 2012, no. 4, pp. 54–56. (In Russ.)
7. Molchanov L. A. “The Institute is represented in the form of a powerful... union of all groups involved in exploration of Siberia”. The Institute for Siberian Studies organization and activities. 1919–1920. Vestnik arkhivista, 2009, no. 6, pp. 132–141. (In Russ.)
8. Soskin V. L. Siberia, revolution, science. Novosibirsk, 1989, 174 p. (In Russ.)
9. Fominykh S. F. (ed.) Journals of meetings of departments, Central Siberian Branch, and Committees of the Institute for Siberian Studies (1919–1920). Tomsk, 2014, 358 p. (In Russ.)
10. Kitova L. Yu. Tomsk period of activity of S. I. Rudenko and S. A. Teploukhov. Zhiznennyy put', tvorchestvo, nauchnoe nasledie Sergeya Ivanovicha Rudenko i deyatel'nost' ego kolleg. Barnaul, 2004, pp. 30–36. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 10.12.2018

DOI: 10.15372/HSS20190113
УДК 94(47)“1937”

П. КАЙЗЕР

**«ЭТА ИДИОТСКАЯ БЕСПЕЧНОСТЬ ЕЩЕ ДАЛЕКО НЕ РАЗГРОМЛЕНА».
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК ВЛКСМ А.В. КОСАРЕВ
И НАЧАЛО МАССОВЫХ РЕПРЕССИЙ В КОМСОМОЛЕ В 1937 г.**

Университет им. Альберта-Людвига, ФРГ, г. Фрайбург,
Rempartstr. 15, Freiburg, 79098, Germany

Цель данной статьи состоит в том, чтобы на примере деятельности генерального секретаря ЦК комсомола А.В. Косарева на начальном этапе сталинских репрессий еще раз критически рассмотреть существующие нарративы, создающие упрощенное представление о механизмах террора в СССР в конце 1930-х гг. Оценивая заново уже известные источники и дополняя их малоизвестным архивными материалами, автор приходит к выводу, что Косарев не был пассивным исполнителем «мудрых указаний» сверху, а старался использовать репрессии в своих целях. А это неизбежно вело к конфликтам с высшим партийным руководством, и в первую очередь с И.В. Сталиным.

Ключевые слова: Советский Союз, комсомол, А.В. Косарев, 1937 г., репрессии, Сталин.

P. KAISER

**„THIS IDIOTIC CARELESSNESS HAS NOT YET BEEN DEFINITELY ERADICATED“.
A.V. KOSAREV, THE GENERAL SECRETARY
OF THE KOMSOMOL CENTRAL COMMITTEE, AND THE BEGINNING
OF THE MASS REPRESSIONS IN THE COMMUNIST YOUTH LEAGUE IN 1937**

University of Freiburg, Freiburg, Germany
Rempartstr. 15, Freiburg, 79098, Germany

The main objective of this article is to analyze the first phase of Stalin's mass repressions against the top-ranking officials of the Communist youth league (Komsomol) in 1937. The study focuses in particular on the role of the Komsomol General Secretary A.V. Kosarev regarding the implementation of Stalin's murderous policy against the functionaries of the Komsomol at the onset of the Great Terror. Based on the widespread viewpoint that Kosarev's intentions were to temper the terror impact on his organization upper ranks, the article scrutinizes the meeting of Stalin and Kosarev 21 July 1937, and proves that such allegations are most likely unfounded. The reassessment of the well-known sources as well as new archival material led to the assumption, that Kosarev's role in Stalin's repressive policy was not only of a "pawn" on the chessboard of power, who followed his master's wishes blindly. On the contrary, the author shows that Kosarev was a single-minded, powerful functionary, who was keen to protect his own interests and tried to use the Great Terror to pursue his own goals. Even if he was seeking to mitigate the effects of the purges, his primary goal was to cover himself and his close associates against the possible accusations by NKVD. All his attempts to protect his promotees from the persecution and detention failed. Finally, he was forced to bend to Stalin's will; this helped him to avoid being arrested, even if not for a too long time.

Key words: Soviet Union, Komsomol, A. V. Kosarev, Great Terror, Stalin.

История ВЛКСМ, как официально именовался коммунистический союз молодежи с 1926 г., состояла не только из позитивных страниц и достижений. Конечно же репрессии 1937–1938 гг. не могли обойти стороной комсомол, являвшийся одной из централь-

ных общественно-политических организаций СССР и объединявший на 1936 г. в своих рядах около 4 млн юношей и девушек [1, с. 490; 2, с. 180]. Цель данной статьи состоит в том, чтобы показать постепенную «раскрутку» маховика террора в рядах комсомола на

Петер Кайзер – д-р ист. наук, Университет им. Альберта-Людвига, г. Фрайбург, ФРГ, e-mail: peter.kaiser@geschichte.uni-freiburg.de.
Dr. Peter Kaiser – lecturer at University of Freiburg, Freiburg, Germany.

протяжении 1937 г., уделив при этом центральное внимание роли в этом процессе его генерального секретаря А.В. Косарева, являвшегося не только одной из ключевых фигур советской сталинской номенклатуры, но и бывшего в силу своих официальных должностей (на 1937 г., помимо генерального секретаря ЦК ВЛКСМ, член ЦК ВКП(б) и его Оргбюро) абсолютно доминантной фигурой внутри комсомола и, таким образом, ответственным за проведение репрессивной сталинской политики в его рядах.

Большинство авторов, описывая деятельность Косарева в период сталинских репрессий, либо изображали его трагической жертвой сталинизма, который напрасно пытался вырвать своих соратников и друзей из рук тирана и поплатился за свое «вольнодумие» жизнью [3; 4; 5], либо пускались в ненужное психологизирование, скатываясь временами в сентиментально-романтический дискурс (см., например: [6, с. 380]). Одним из немногих советских (российских) историков, попытавшихся на солидной источниковой базе разобраться в роли Косарева в сталинской «чистке», был В.К. Криворученко, посвятивший этой тематике несколько публикаций [7; 8; 9] и пришедший к обоснованному выводу, что «одним мазком портрет Александра Косарева набросать невозможно – слишком колоритна и противоречива его личность» [10, с. 60].

Но даже такой знаток «комсомольских дел», как В.К. Криворученко, склонен был видеть в Косареве лишь пассивного исполнителя «приказов сверху», указывая на то, что «при всех положительных качествах Косарев оказался послушным «винтиком» в сталинском механизме тотального управления обществом» [10, с. 60]. Автор данной статьи также не склонен усомниться в преданности Косарева «вождю». Но мысль о пассивности Косарева, его роли как простого исполнителя воли «хозяина» и функции «винтика» в сложном механизме сталинской системы власти заставляет задуматься. По нашему мнению, при рассмотрении деятельности представителей советского партийно-государственного аппарата в эпоху террора второй половины 1930-х гг. следует отказаться от упрощенных схем и манихейского разделения мира на черное и белое. Вместо этого необходимо попытаться объективно разобраться в мотивации действующих лиц, скрывавшейся за конкретными решениями и связанной с реальными обстоятельствами.

Как уже было указано, одним из наиболее распространенных нарративов советской и в определенной степени постсоветской историографии при описании проведения репрессий в комсомоле является утверждение, что Сталин якобы заставил комсомольское руководство «чистить свои ряды» вопреки сопротивлению Косарева и его коллег из Секретариата ЦК комсомола. В подтверждение этого тезиса приводится обычно рассказ о встрече секретарей ЦК ВЛКСМ А.В. Косарева, П.С. Горшенина и В.Ф. Пикиной со Сталиным в Кремле 21 июля 1937 г. По словам Валентины Пикиной, единственной из участниц этой встречи, оставившей о ней воспоминания, разговор с «вождем» получился

трудный. Сталин упрекал Косарева в том, что ЦК комсомола не помогает органам внутренних дел разоблачать «врагов народа» в союзе молодежи, что без помощи ЦК ВЛКСМ и помимо него арестовано много руководящих работников комсомола [11, с. 121]. Чтобы подтвердить «документально» свои нападки, Сталин приказал находившемуся в кабинете Н.И. Ежова зачитать «показания» бывшего секретаря Саратовского обкома комсомола М.В. Назарова о своем «участии в антисоветской организации», что вызвало в свою очередь отрицательную реакцию В. Пикиной. Ее попытки защитить Назарова оказались, как и следовало ожидать, безрезультатными. Ежов ответил «тусклым, еле слышным голосом», что таковы «факты, которыми мы располагаем». Это вызвало протесты А.В. Косарева, заявившего, что «данные неверны». Сталин отреагировал на его реакцию новыми упреками и, заканчивая встречу, заявил: «Косарев, я вижу, вы не желаете возглавить эту работу» [3, с. 272-273].

На первый взгляд, ситуация более чем ясна. Тиранин вызывает к себе «лучших» представителей советской молодежи, требует от них принести в жертву их соратников, а когда те мужественно отказываются, то сами попадают под град упреков диктатора, грозящего им соответствующими «мерами», если те не пожелают «возглавить эту работу», т.е. заняться «разоблачением врагов народа» в комсомоле. Но при более пристальном изучении и сопоставлении с другими, ныне известными фактами, рассказ Пикиной представляется, мягко говоря, не совсем достоверным.

Начнем с того, что само описание сюжета составлено таким образом, чтобы вызвать у читателя представление о встрече как решающем поединке между добром и злом в стиле классического вестерна. Глава НКВД Ежов сведен до роли пособника злодея с «тусклым, еле слышным голосом», зачитывающего показания по приказу, в остальном пассивно наблюдающего за схваткой со стороны, в то время как Пикина и Косарев бьются из последних сил, стараясь предотвратить несправедливость, и даже находят в себе гражданское мужество открыто перечесть вождю.

Насколько эта картина далека от истины, станет ясным, если мы обратимся к записям дежурных секретарей кремлевского кабинета Сталина. Вечером 21 июля там было довольно многолюдно: в 17:10 был зарегистрирован приход В.М. Молотова и К.Е. Ворошилова, в 17:30 к ним присоединился Ежов, в 18:30 прибыл Г.М. Маленков, в 19:15 в кабинет Сталина вошел А.А. Жданов и, наконец, в 19:35 – Л.М. Каганович. Приход Косарева, Пикиной и Горшенина зафиксирован в 19:25; они пробыли у «вождя» почти полтора часа – вышли в 20:50. Через десять минут за ними вышли и остальные [12, с. 215–216]. То есть фактически мы имеем дело с заседанием узкого состава Политбюро, дополненного участием наркома внутренних дел Ежовым и заведующего отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б) Маленковым. Неужели эти представители высшего партийного руководства, пришедшие в тот вечер к Сталину, судя по всему, специально

для обсуждения положения в комсомоле, за полтора часа не проронили ни слова? Зачем же Сталин собрал своих верных соратников, если не для того, чтобы на их глазах и при их поддержке устроить головоломку Косареву и его спутникам за нежелание «разоблачать врагов народа в комсомоле»? И тут возникает вполне естественный вопрос: а был ли вообще повод для подобных упреков?

Не имея возможности осветить в данной статье все перипетии участия комсомола в борьбе с «врагами народа» в 1937–1938 гг. (подробнее см.: [13]), остановимся лишь на тех фактах, которые могут помочь разобраться в далеко не простой политике комсомольского генсека в 1937 г. Косарев внимательно следил за общим ходом ударов, наносимых из Кремля, главной мишенью которых в конце 1936 г. – первой половине 1937 г. стали, наряду с «хозяйственными» наркоматами и профсоюзами, периферийные партийные организации [14; 15; 16; 17], и старался не отставать от шагов, предпринимаемых Сталиным.

Для иллюстрации сказанного достаточно обратиться к событиям, разыгравшимся в начале 1937 г. в Украинской ССР. 13 января 1937 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «о неудовлетворительном состоянии партийного руководства» в Киевском обкоме КП(б)У и связанных с этим «ошибках» КП(б) Украины. Цель постановления состояла в том, чтобы подорвать позиции кандидата в Политбюро ЦК ВКП(б), второго секретаря ЦК КП(б)У и первого секретаря Киевского обкома КП(б)У П.П. Постышева. Для «разъяснения постановления» в Киев был направлен Л.М. Каганович, добившийся «полного одобрения» действий Москвы со стороны Политбюро ЦК КП(б)У, снявшего на своем заседании 16 января Постышева с поста первого секретаря Киевского обкома партии [18, р. 183; 19, р. 252–254].

Эта жесткая атака на одного из наиболее влиятельных партийных функционеров поставила Косарева в довольно затруднительное положение. Дело в том, что комсомол Украины сыграл не последнюю роль в раздувании культа Постышева [20, с. 16], да и сам Косарев в начале 1930-х гг. работал довольно долго в тесном контакте с Постышевым, бывшим тогда секретарем ЦК ВКП(б) и курировавшим «комсомольские дела». С поручением «разобраться в ситуации» Косарев отправил в Украину секретаря ЦК ВЛКСМ П.А. Вершкова, совершившего две длительные поездки по республике (с 16 по 28 января и с 29 января по 14 февраля 1937 г.¹) и отчитавшегося о «достигнутых результатах» 22 февраля 1937 г. на заседании бюро ЦК ВЛКСМ.

Чтобы понять, как украинский комсомольский актив отреагировал на давление, оказываемое на него Вершковым, и почувствовать атмосферу, вызванную его приездом, следует процитировать анонимное письмо, полученное Косаревым 16 февраля 1937 г., т.е. че-

рез два дня после отъезда его эмиссара назад в Москву. «Сидишь на совещании и волосы встают дыбом, когда слушаешь, как все выступающие рисуют обстановку в таких красках, которые только на пользу врагу (мол, все бюро обкомов нужно распустить, ибо там все завотделы негодные и сомнительные люди), что стал вопрос о 6 членах (из 12) бюро ЦК, что они негодны и их надо убрать из ЦК», – жаловался безымянный секретарь райкома, которого явно беспокоила атмосфера всеобщей подозрительности. «Каждый активист ходит и думает, что его подозревают, в нем сомневаются. Товарищи между собой не разговаривают, из-за боязни не влипнуть в какую-нибудь историю. Этому задал тон приехавший на Украину секретарь ЦК т. Вершков, который сам стал в роли главного следователя, беря чуть ли не всех активистов под сомнение»². То, что Вершков при оказании жесткого «нажима» на руководство украинского комсомола, выполнял в первую очередь поручение Косарева и сам вряд ли решился бы «лить грязь на наш актив» (как писал возмущенный автор анонимки), подтверждает и раздраженная реакция Косарева, усмотревшего в «этом письме» руку «какого-нибудь члена бюро ЦК или секретаря обкома» и потребовавшего от присутствовавшего на заседании секретаря украинского комсомола С. Андреева посмотреть письмо, чтобы проверить, «не знаком ли ему почерк»³. К сожалению протокол заседания не упоминает, удалось ли Андрееву опознать автора письма. Интересно то, что главной мишенью атак Косарева на этом заседании стал не глава украинского комсомола, которому до поры до времени удалось вынуть шею из петли, и уж, конечно, не Вершков, а первый секретарь Ленинградского обкома комсомола И.С. Вайшла. Именно ему разгневанный генеральный секретарь вменял в вину безалаберность и «политическую слепоту»⁴. В то время как в Украине при активной поддержке присланного Косаревым Вершкова наступил «самый настоящий разгар борьбы с врагами», что явно удовлетворяло комсомольского генсека, в Ленинградской области, где Вайшла не торопился бороться с «троцкистскими влияниями», царила, употребляя выражение Косарева, «кислая сметана». Так что не случайно на заседании бюро было принято решение «помочь» ленинградскому комсомолу «преодолеть» этот «недостаток» с помощью опробованного на Украине метода – послать туда одного из секретарей ЦК ВЛКСМ (на этот раз – второго секретаря ЦК Д.Д. Лукьянова)⁵.

Всего, по данным на 19 апреля 1937 г., за прошедшее полугодие было снято «за связи с контрреволюционными троцкистскими элементами» 147 руководящих комсомольских работников⁶. Следует еще раз подчеркнуть, что речь шла не о рядовых комсомольцах, а о представителях высшего и среднего руково-

² Там же. Д. 173. Л. 39–40.

³ Там же. Л. 67.

⁴ Там же. Оп. 3. Д. 173. Л. 97.

⁵ Там же. Л. 2.

⁶ Там же. Оп. 2. Д. 131. Л. 200.

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 2. Д. 131. Л. 196–199.

дящего звена. Так, в Азово-Черноморском крае среди снятых ответственных работников было 17 секретарей райкомов и горкомов и 7 работников обкомов и крайкома ВЛКСМ⁷, в том числе первый секретарь крайкома Константин Ерофицкий [7, с. 362]. В связи с арестом Ерофицкого Косарев выехал лично в Ростов-на-Дону, где на совещании комсомольского актива он обвинил арестованных в проведении «скрытой подрывной работы против Советской власти и ВКП(б)» и призвал искать врага «не только за пределами нашей страны», но и внутри ее [10, с. 62]. Эти «поиски» в Азово-Черноморском крае повлекли за собой настоящий разгром комсомольской организации⁸. Сам Ерофицкий, обозванный Косаревым «фашистским наймитом» [10, с. 62], был расстрелян 27 февраля 1937 г.⁹

Имеется еще ряд примеров, доказывающих, что Косарев не стоял в стороне при проведении «чистки». 17 июля 1937 г., за несколько дней до встречи с «вождем» в Кремле, Косарев послал Сталину и Ежову докладную записку, в которой требовал разрешения на снятие с работы и арест 11 членов и кандидатов в члены ЦК ВЛКСМ «за связь с врагами народа». Среди названных имен были бывший секретарь ЦК комсомола Таджикистана В.Н. Герасимов, бывший секретарь Кировского крайкома комсомола Г.Е. Урин, бывший секретарь Донецкого обкома комсомола А.С. Татарников, секретарь Красноярского крайкома комсомола Г.М. Большаков, бывший секретарь ЦК комсомола Туркмении А.К. Курылев, бывший секретарь Днепропетровского обкома комсомола А.И. Викторов, бывший заведующий отделом пионеров ЦК ВЛКСМ В.А. Мускин и др.¹⁰ 20 июля 1937 г. Косарев доложил тем же адресатам результаты «тщательной проверки» редакции «Комсомольской правды», последовавшей за арестом ее главного редактора В.М. Бубекина, согласно которой из 78 сотрудников 42 были сняты с работы¹¹. Активность Косарева в «разоблачении врагов народа» очевидна.

Так зачем же Сталин пригласил комсомольских секретарей к себе в Кремль и с какой целью собирал членов Политбюро? Почему Косарев, если верить Пикиной, был так возбужден после встречи с диктатором, что он, вместо того, чтобы отправиться домой, пошел вместе со своими товарищами в Александровский сад, где, выкуривая папиросу за папиросой и «удрученно мотая головой», все повторял: «Никак не могу понять, откуда у нас взялось столько врагов?» [21, с. 27].

Скорее всего, Сталин был недоволен общей политикой «комсомольца № 1». Дело в том, что Косарев не торопился признавать свои «ошибки» и посыпать голову пеплом, как это делали другие представители правящей элиты. Да, он «чистил» комсомол, но старался проявлять инициативу и активность только

тогда, когда это было или абсолютно неизбежно (как в случае с Украиной и Азово-Черноморском краем, где массивные атаки на локальные партийные структуры со стороны центра, учитывая тесные связи между комсомольскими и партийными руководителями, почти неминуемо влекли за собой аналогичные действия по отношению к комсомольским организациям) или же выгодно ему лично, позволяя продемонстрировать «большевистскую бдительность» за чужой счет. Показательным в этом отношении является, например, донос ответственного инструктора ЦК ВЛКСМ Нелепина на партийную организацию Верхне-Иртышского пароходства и связанные с ним нападки на партийное руководство Восточно-Казахстанского обкома партии, немедленно направленные Косаревым 14 апреля 1937 г. на имя Ежова¹².

Еще в своем выступлении на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. Косарев заверял Сталина в абсолютной преданности комсомола партийному руководству. Говоря о промахах ЦК комсомола, выразившихся в слабой постановке политической работы в ВЛКСМ и неудовлетворительном развитии самокритики и «внутрисоюзной демократии», Косарев не упустил случая свалить вину за это на партийные структуры и обещал перестроить работу комсомола «в духе решений настоящего пленума, в духе доклада т. Сталина»: «Для этого у нас есть силы, для этого у нас есть кадры» [22, с. 3–4]. Таким образом, Косарев давал понять, что менять руководство комсомола не следует; он сам займется перестройкой работы комсомола в духе решений пленума, т.е. усилит борьбу с «врагами народа», «пробравшимися» в комсомол и его руководство.

Исполнять данное партии обещание он, однако, не торопился. В то время как, например, первый секретарь ЦК ВЦСПС Н.М. Шверник, находившийся с начала 1937 г. в центре настоящего урагана критики, на шестом пленуме ВЦСПС, состоявшемся в апреле 1937 г. и длившемся невероятные девятнадцать (!) дней, балансировал на грани пропасти, вынуждаемый яростными выступлениями «представителей с мест» раз за разом подчеркивать свою «политическую слепоту», каяться во всех смертных грехах и признаваться в «необычайной засоренности врагами» центральных органов профсоюзов [23, р. 136–141; 24, р. 71–73], ничего похожего в комсомольском руководстве не происходило. Более того, позиция Косарева как «верного ученика Сталина» была еще настолько крепка, что даже «разоблачения вражеских сил» в комсомоле Украины и в редакции «Комсомольской правды» приписывались бдительности и решительному образу действий комсомольского генсека. «События последнего времени показали, насколько правильны были [...] предупреждения тов. Косарева о борьбе с вражеской агентурой в комсомоле», – ликовала редакция журнала «Юный коммунист» в июле 1937 г., снова и снова подчеркивая, что «ставка врагов на молодежь и в этот

⁷ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 131. Л. 200.

⁸ Там же. Л. 251–252.

⁹ Сталинские расстрельные списки. URL: http://stalin.memo.ru/regions/rp18_1.htm (дата обращения: 31.01.2019).

¹⁰ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1211. Л. 70–71.

¹¹ Там же. Л. 72–82.

¹² РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1210.

раз оказалось битой, как она была бита раньше и как будет бита впредь» [25].

Такая постановка вопроса шла вразрез с планами Сталина, запустившего маховик массовых репрессий не в последнюю очередь с целью уничтожить авторитет представителей партийно-советской элиты и разрушить выстроенные ими властные пирамиды. Излюбленным сталинским методом для достижения этой цели было использование инструмента критики и самокритики, заставлявшего советских функционеров своими руками истреблять выдвинутые ими же кадры. Так вынужден был поступить уже упоминавшийся Н.М. Шверник; эту же неблагодарную обязанность перенял на себя на прошедшем с 1 по 4 июня 1937 г. Военном совете нарком обороны СССР К.Е. Ворошилов (см. стенограмму Военсовета [26]). Похожие процессы происходили и в других организациях по всей стране. И лишь генсек комсомола не спешил следовать примеру профсоюзов или высшего военного руководства.

Недаром член Политбюро и секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Андреев, выступая на VII внеочередном пленуме ЦК ВЛКСМ в ноябре 1938 г., на котором Косарев был снят с поста руководителя комсомола, особо выделял, что «когда партия уже начала разоблачение врагов на различных участках партийной, советской, хозяйственной работы, приходилось не раз слышать от тов. Косарева, что в комсомоле с врагами дело обстоит несколько иначе, чем в партии». Ссылаясь на «разоблачения» Щацкина, Ломинадзе и других, Косарев пытался доказать, что комсомол «значительно раньше освободился от врагов», чем партийные структуры. Такие заверения, подчеркивал Андреев, прекратились лишь после прямого вмешательства Сталина, который, «уцепившись за некоторые факты, подвел дело прямо к разоблачению целой банды врагов в руководстве ЦК ВЛКСМ. [...] Вот как, товарищи, обстояло дело до IV пленума, который происходил в августе прошлого года»¹³.

Прекрасно осознавая, что открыто противиться репрессиям было бы равносильно самоубийству, Косарев хитрил, отводя главный удар «органов» от своего непосредственного окружения, переключая их внимание на маловажные периферийные организации. Чтобы понять эту тактику, обратимся еще раз к упоминавшейся выше докладной записке Косарева от 17 июля 1937 г.¹⁴ Из 11 членов ЦК ВЛКСМ, чье снятие с работы и ареста он добивался у Сталина, всего лишь один, бывший заведующий отделом пионеров ЦК ВЛКСМ В.А. Мускин, работал в центральном аппарате. Остальные названные в записке комсомольские функционеры, такие как бывший секретарь Кировского крайкома ВЛКСМ Г.Е. Урин, бывший второй секретарь Горьковского крайкома ВЛКСМ Б.И. Ловен или бывший секретарь ЦК комсомола Туркмении А.К. Курылев, хотя и принадлежали к слою высокопоставленных комсомольских работников, но в то же

время не являлись представителями высшей номенклатуры комсомола, и их арест был для Косарева пусть и неприятным, но в личном плане не опасным фактом. Находясь на периферии страны и не будучи вхожи в «ближний круг» руководства, они, скорее всего, мало знали о своем «шефе» такого, что могло бы навредить ему, вряд ли они вообще удостоивались чести вести с ним разговоры, выходявшие за рамки чисто служебных отношений. Так что Косареву можно было не опасаться того, что НКВД выбьет из них сведения, которые могли бы подорвать его позиции внутри партии или поставить под угрозу его жизнь.

Чувствовал ли он, что его попытки обыграть Сталина, настоящего мастера закулисных интриг, были очень опасным занятием, начинавшим все сильнее раздражать вождя? Если и нет, то встреча 21 июля 1937 г. стала моментом прозрения. Сталин не мог допустить, чтобы кто-то в стране, кроме него самого, был безгрешным и всепонимающим. Косарев должен был своими руками разрушить выстроенную им легенду о своей «большевистской бдительности»; он должен был с открытой трибуны покаяться в своих «ошибках» и признать тот факт, что не только где-то на периферии, а в самом сердце комсомольского руководства, в непосредственной близости от него, существовало «разветвленное вражеское гнездо», им не замеченное, разоблачить которое помог ему только «гений» Сталина.

Аресты среди высшего комсомольского руководства, проведенные в начале июля 1937 г., коснулись впервые с начала террора близких Косареву людей. Среди арестованных были секретари ЦК ВЛКСМ Д.Д. Лукьянов и Е.Л. Файнберг, уже упоминавшийся главный редактор «Комсомолки» и протезе Косарева Владимир Бубекин (Косарев знал Бубекина с середины 1920-х гг., познакомился с ним в бытность свою секретарем Пензенского губкома комсомола, где Бубекин возглавлял политпросвет [27, с. 222]), а также С.А. Салтанов, второй секретарь ЦК ВЛКСМ с декабря 1929 по апрель 1936 г., т.е. фактически заместитель Косарева, ставший после своего ухода из комсомола руководителем группы Комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б). Скорее всего, 21 июля Ежов в Кремле зачитывал показания именно этих людей, а не бывшего секретаря Саратовского обкома комсомола Назарова, как утверждает в своих мемуарах Пикина. Учитывая то обстоятельство, что Назаров был снят со своего поста как не справившийся с руководством по решению ЦК ВЛКСМ еще в декабре 1936 г. (в статье под названием «Плоды негодного руководства», опубликованной в «Правде» 28 декабря 1936 г., особо подчеркивалось, что именно ЦК комсомола «распутал весь клубок безобразий» и убрал «прогнившее руководство» Саратовского обкома комсомола)¹⁵, сам факт возмущения Косарева и Пикиной по поводу снятия и ареста Назарова иначе, как выдумкой, назвать трудно. У руково-

¹³ РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 43. Л. 1–10.

¹⁴ Там же. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1211. Л. 70–71.

¹⁵ *Восходов И., Голиков В.* Плоды негодного руководства. О работе Саратовского обкома комсомола // Правда. 1936. 28 дек.

дителей комсомола не было никакой логической причины возмущаться в присутствии Сталина, беспокоясь о судьбе Назарова, которого они сами же «подвели под монастырь». Назаров был исключен из комсомола «за связь с врагами народа» 28 июня 1937 г. и в этот же день арестован [7, с. 362].

Трудно себе представить, чтобы Косарев или тем более стоявшая на иерархической лестнице на две ступени ниже его Пикина, позволили себе в присутствии высшего руководства страны не соглашаться со сталинской аргументацией или поставить под сомнение «правдивость» предъявленных Ежовым «показаний». «Вождь» требовал от комсомольского генсека прилюдно покаяться в своих грехах; его приказ «возглавить» борьбу с «врагами народа» в комсомоле заставлял Косарева уничтожать воспитанные им кадры, а присутствовавшие при этой встрече Пикина и Горшенин должны были «помочь» ему в этом. Прекрасно понимая сложившуюся ситуацию, подрывавшую его авторитет как «непоколебимого борца» за чистоту комсомольских рядов, Косарев был, наверняка, сильно взволнован. По свидетельству его вдовы – Марии Нанейшвили, он, придя домой, хмуρο сказал: «Что делать? Сталин требует людей, он требует голов... Кого я могу назвать? Где враги?» [21, с. 27].

Но сомнения и угрызения совести, если таковые и были, прошли довольно быстро, тем более что Косарев прекрасно понял, что он начал терять доверие Сталина. Доказательством этого, пока еще латентного, недоверия, может служить принятое незадолго до открытия IV пленума ЦК ВЛКСМ постановление Политбюро от 19 августа 1937 г., согласно которому Кагановичу, Жданову и Маленкову поручалось «иметь наблюдение за работой пленума ЦК комсомола и помочь пленуму своей руководящей работой»¹⁶. И хотя материалов IV пленума ЦК ВЛКСМ почти не сохранилось, нетрудно себе представить, в чем должна была заключаться «помощь» ближайших соратников «вождя», проявивших себя в похожих ситуациях агрессивными и безжалостными проводниками сталинской политики [24, р. 85]. Особый интерес вызывает пункт второй постановления от 19 августа, согласно которому Косарев был обязан «предоставить основные положения докладов на пленуме ЦК ВЛКСМ на предварительное рассмотрение» назначенной наблюдать за ним тройцы¹⁷. Более очевидной демонстрации недоверия Сталина к своему «ученику» трудно себе представить.

Косарев сделал все от него зависящее, чтобы больше не раздражать диктатора и постараться вернуть себе его расположение. Его речь на IV пленуме и его поведение после его окончания были очень жесткими и соответствовали тому, чего ожидал от него Сталин. И в то же время он начал еще осенью 1937 г. высказывать, пусть и очень осторожно, опасения, что размах репрессий, буквально парализовавший комсомол, грозил непредсказуемыми последствиями для дальней-

шего развития всего молодежного движения в СССР (см. к примеру доклад Косарева Сталину от 3 октября 1937 г. о результатах своей служебной поездки в Донецк и Харьков¹⁸). Вплоть до ареста в конце ноября 1938 г. позиция Косарева по поводу репрессий колебалась между беспощадными разоблачениями «врагов» и «самостраховщиков» и стремлением не допустить окончательного уничтожения властной вертикали в комсомоле, на выстраивание которой он потратил столько усилий.

В связи с этим интересно отметить следующее. Несмотря на то, что разговор у Сталина, состоявшийся 21 июля 1937 г., был не из самых приятных для вожака комсомола, его непосредственные результаты имели для него не только отрицательные последствия. Уже через десять дней, 31 июля 1937 г., Косарев был снова на приеме у «вождя», на этот раз без Пикиной, но в сопровождении Павла Горшенина, который также присутствовал на встрече 21 июля 1937 г., но странным образом, судя по воспоминаниям Пикиной, за все время «беседы» не произнес ни слова. На этот раз в кабинете Сталина находилось не только почти все Политбюро, но и представители военных ведомств – начальник Политуправления РККА и заместитель наркома обороны СССР П.А. Смирнов, заместитель наркома обороны СССР и командующий советской авиацией Я.И. Алкснис и др. [12, с. 216–217]. А еще через месяц, в сентябре 1937 г., Горшенин, курировавший в ЦК комсомола вопросы оборонно-массовой работы среди молодежи [28, с. 78], был произведен в комбриги и назначен председателем Центрального совета Осоавиахима [29, с. 47]. И хотя за неимением документальных материалов нельзя утверждать с абсолютной уверенностью, что встречи в Кремле и назначение Горшенина на столь высокую должность находились в прямой взаимосвязи, существует целый ряд косвенных доказательств, подтверждающих эту гипотезу.

Во-первых, Косарев уже давно «точил зуб» на «старое» руководство Осоавиахима во главе с комкором Р.П. Эйдманом. Еще 19 января 1937 г. он направил Сталину и секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву (копию Н.И. Ежову) докладную записку о «неудовлетворительном состоянии» кадров Осоавиахима, в которой выдвигалось предложение «просить» ЦК ВКП(б) назначить «комиссию по проверке всех кадров Осоавиахима»¹⁹.

Во-вторых, Горшенин был для Косарева больше чем подчиненный. Уже после снятия последнего с поста комсомольского генсека в конце ноября 1938 г. в сообщениях «бдительных» комсомольских работников не раз подчеркивалось, что отношения Косарева с Горшениным, арестованным незадолго до этого, в конце октября 1938 г., выходили за рамки чисто служебных²⁰. Да и на самом VII пленуме ЦК ВЛКСМ от-

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1161. Л. 119.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1212. Л. 1-6.

¹⁹ Там же. Д. 1210. Л. 44–46.

²⁰ Там же. Д. 1287. Л. 123.

крыто говорилось о дружбе между двумя секретарями, выражавшейся, в частности, в совместных поездках на рыбалку²¹.

В-третьих, Косарев прилагал немало усилий для протектирования «своих» людей. В объяснительном письме Т. Николаевой от 26 ноября 1938 г. руководителем Особого отдела ЦК ВЛКСМ сообщалось, что ее бывший шеф (Косарев) «шупальцы своей, по меньшей мере непартийной, работы протягивал и в Наркомпрос, и в физкультуру, и в ОСО (Осоавиахим. – П.К.), а может быть и еще куда – я не знаю»²². И хотя все письмом буквально пропитано стремлением Николаевой как можно быстрее открититься от своего впавшего в немилость начальника, в фундированности процитированного выше высказывания сомневаться не приходится. Так, Косареву удалось провести на пост председателя Высшего совета по физкультуре и спорту в 1936 г. члена ЦК ВЛКСМ И.И. Харченко, устроить бывшего сотрудника аппарата ЦК ВЛКСМ И.М. Визгалова на должность помощника начальника 12 отделения 3 отдела НКВД СССР²³, а уже упоминавшийся выше Салтанов был, скорее всего, не без участия Косарева назначен руководителем группы Комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б). Так что само по себе назначение Горшенина по протекции Косарева представляется вполне логичным и в какой-то степени обыденным явлением.

И, наконец, то, что между посещением сталинского кремлевского кабинета и назначением Горшенина на пост председателя Центрального совета Осоавиахима прошло чуть больше месяца, можно легко объяснить, если учесть, что в конце августа 1937 г. прошел уже упоминавшийся IV пленум ЦК ВЛКСМ, на котором Косарев подверг и себя, и всю деятельность комсомола под своим руководством жесткой критике. Назначение Горшенина на высокий пост было «ложкой меда», призванной подсластить бочку дегтя под названием «самокритика», в которую Косарев был вынужден окунуться по воле «лучшего друга советской молодежи». Интересно, что выступление Горшенина на IV пленуме с требованием снять Косарева с поста генерального секретаря ЦК ВЛКСМ, не поддержанное другими участниками пленума [28, с. 78], серьезно не было воспринято ни самим Косаревым, ни присутствовавшими при этом членами Политбюро. На VII пленуме в ноябре 1938 г. Маленков заявил по данному поводу, обращаясь напрямую к Косареву и намекая на критику, высказанную Горшениным в его адрес на IV пленуме, что «с человеком, который в одну кучу с врагами свалить хотел, вы дружили, как-то не вяжется это»²⁴. Вероятно, критические высказывания Горшенина в августе 1937 г. по поводу Косарева должны были продемонстрировать Политбюро и лично Сталину преданность уже бывшего секретаря ЦК ВЛКСМ (Горшенин выбыл

официально из состава секретариата ЦК ВЛКСМ как раз в августе 1937 г.) руководству партии, а не шефу комсомола. Спасти от репрессий этот шаг Горшенину не помог. Примерно за месяц до ареста Косарева он сам был арестован, а расстрелян 25 февраля 1939 г. – через два дня после расстрела своего бывшего патрона и друга.

А.В. Косарев был далек от роли послушного «винтика» в сложной машине под названием «сталинизм». Верный сторонник и ученик вождя, он в то же время старался проводить собственную политику, которая далеко не всегда совпадала с желаниями Сталина. И, скорее всего, именно эта относительная самостоятельность привела в конечном счете к тому, что Косарев погиб от рук системы, в правильности которой он, по крайней мере в открытую, никогда не сомневался.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Hildermeier M.* Geschichte der Sowjetunion 1917–1991. Entstehung und Niedergang des ersten sozialistischen Staates. 2. Aufl. München, 2017. 1348 p.
2. *Fisher R. T.* Pattern for Soviet Youth. A Study of the Congresses of the Komsomol, 1918–1954. New York, 1959. 452 p.
3. *Полякова Д., Хорунжий В.* «Отклонялся от генеральной линии» // Возвращенные имена. М., 1989. Т. 1. С. 265–295.
4. *Полякова Д., Хорунжий В.* Александр Косарев. «Совесть моя чиста» // Реабилитирован посмертно. М., 1988. Т. 1. С. 369–390.
5. *Сидорский Л.* Слово о Косареве // Аврора. 1988.
6. *Трущенко Н.В.* Косарев. М., 1988. 399 с.
7. *Криворученко В.К.* В тисках сталинщины: трагедия комсомола. М., 1991. 398 с.
8. *Криворученко В.К., Пеньковский Д.Д.* Комсомолу девяносто. В поисках истины его истории. М., 2008. 470 с.
9. *Криворученко В.К.* Молодежь, комсомол и общество 30-х годов XX столетия: к проблеме репрессий в молодежной среде. Электронное издание. М., 2011. 166 с.
10. *Криворученко В.К.* Александр Косарев: трагедия судьбы // Молодой коммунист. 1990. № 6. С. 60–68.
11. *Ликина В.* Годы совместной работы / Александр Косарев: сб. воспоминаний. М., 2003. С. 113–125.
12. На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.) / под ред. А.А. Чернобаева. М., 2008. 783 с.
13. *Kaiser P.* Das Schachbrett der Macht. Die Handlungsspielräume eines sowjetischen Funktionärs unter Stalin am Beispiel des Generalsekretärs des Komsomol Aleksandr Kosarev (1929–1938). Stuttgart, 2017. 1172 p.
14. *Хаустов В., Самуэльсон Л.* Сталин, НКВД и репрессии. 1936–1938 гг. М., 2010. 430 с.
15. *Weber H., Mählert U.* (Hrsg.). Verbrechen im Namen der Idee: Terror im Kommunismus 1936–1938. Berlin, 2007. 342 p.
16. *Hedeler W.* Chronik der Moskauer Schauprozesse 1936, 1937 und 1938. Planung, Inszenierung, Wirkung. Berlin, 2003. 695 p.
17. *Getty J. A., Naumov O. V.* The Road to Terror. Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932–1939. New Haven; London, 1999. 635 p.
18. *Vasil'ev V.* The Ukrainian Politburo, 1934–1937 // The Nature of Stalin's Dictatorship: the Politburo, 1924–1953 / ed. by E.A. Rees. Basingstoke, 2004. P. 168–199.
19. *Rogovin W.S.* 1937. Jahr des Terrors. Essen, 1998. 591 p.
20. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1995. № 10. С. 3–28.
21. *Головков А.* Не отрекаясь от себя // Огонек. 1988. № 7. С. 26–29.

²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 351. Л. 153–154.

²² Там же. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1298. Л. 2–13.

²³ Там же. Д. 1297. Л. 116.

²⁴ Там же. Ф. 17. Оп. 120. Д. 351. Л. 153–154.

22. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1995. № 11–12. С. 3–23.

23. *Goldman W. Z.* Terror and Democracy in the Age of Stalin. The Social Dynamics of Repression. Cambridge, 2007. 274 p.

24. *Jo J.* Soviet Trade Unions and the Great Terror // Stalin's Terror Revisited / ed. by M. Ilič. Basingstoke, 2006. P. 68–89.

25. Разгромить без остатка вражескую агентуру в комсомоле // Юный коммунист. 1937. № 7. С. 1–5.

26. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1–4 июня 1937 г. Документы и материалы / под ред. Н.С. Тарховой. М., 2008. 622 с.

27. *Рябов В.В., Артемов А.А.* Александр Косарев – секретарь Пензенского губкома комсомола // Позывные истории. М., 1982. Вып. 7. С. 220–228.

28. *Зенькович Н.А.* Самые румяные вожди. Энциклопедия комсомольских карьер. М., 2008. 508 с.

29. Строка в биографии. Секретари и члены Бюро Центрального комитета комсомола, вожаки пионерии, председатели КМО СССР, первые секретари ЦК ЛКСМ союзных республик. М., 2003. 175 с.

REFERENCES

1. *Hildermeier M.* The History of the Soviet Union 1917–1991. Creation and decline of the first socialist state. 2nd ed. Munich, 2017, 1348 p. (In Germ.)

2. *Fisher R.T.* Pattern for Soviet Youth. A Study of the Congresses of the Komsomol, 1918–1954. New York, 1959, 452 p.

3. *Poljakova D., Khorunzhij V.* „He deviated from the general line“. *Vozvrashchennye imena*. Ed. by A. Proskurin. Moscow, 1989, vol. 1, pp. 265–295. (In Russ.)

4. *Poljakova D., Khorunzhij V.* Aleksandr Kosarev. „My conscience is clear“. *Reabilitirovan posmertno*, ed. by F.A. Karmanov. Moscow, 1988, vol. 1, pp. 369–390. (In Russ.)

5. *Sidorskiy L.* A word about Kosarev. *Avrora*, 1988, no. 10, pp. 21–30. (In Russ.)

6. *Trushchenko N.V.* Kosarev. Moscow, 1988, 399 p. (In Russ.)

7. *Krivoruchenko V.K.* In the vice-like grip of the Stalinism: Komsomol tragedy. Moscow, 1991, 398 p. (In Russ.)

8. *Krivoruchenko V.K., Penkovskiy D.D.* The Komsomol turns ninety. In searching for the truth of his History. Moscow, 2008, 470 p. (In Russ.)

9. *Krivoruchenko V.K.* The youth, the Komsomol and the society of the 1930s. On the problems of repressions among the youth. Moscow, 2011, 166 p. (In Russ.)

10. *Krivoruchenko V.K.* Aleksandr Kosarev: a cruel fate. *Molodoy kommunist*. 1990, no. 6, pp. 60–68. (In Russ.)

11. *Pikina V.* The years we worked together. *Aleksandr Kosarev. Sbornik vospominanij*. Moscow, 2003, pp. 113–125. (In Russ.)

12. *Chernobaev A.A. (ed.)* In Stalin's office. The lists of persons visiting Stalin in his Kremlin office (1924–1953). Moscow, 2008, 783 p. (In Russ.)

13. *Kaiser P.* The chessboard of power. The scope of action of a Soviet functionary in the time of Stalin as exemplified by the life and career of Aleksandr Kosarev, Komsomol General Secretary (1929–1938). Stuttgart, 2017, 1172 p. (In Germ.)

14. *Khaustov V., Samuelson L.* Stalin, NKVD and the mass terror, 1936–1938. Moscow, 2010, 430 p. (In Russ.)

15. *Weber H., Mählert U. (eds.)* The crimes in the name of an idea: the terror in the Communism 1936–1938. Berlin, 2007, 342 p. (In Germ.)

16. *Hedeler W.* The chronicle of the Moscow show trials 1936–1938. Planning, stage-managing and repercussions. Berlin, 2003, 695 p. (In Germ.)

17. *Getty J. A., Naumov O. V.* The Road to Terror. Stalin and the Bolsheviks self-destruction, 1932–1939. New Haven, London, 1999, 635 p.

18. *Vasil'ev V.* The Ukrainian Politburo, 1934–1937. *The Nature of Stalin's Dictatorship: the Politburo, 1924–1953*. Ed. by E.A. Rees. Basingstoke, 2004, pp. 168–199.

19. *Rogovin W. S.* 1937. The year of the terror. Essen, 1998, 591 p. (In Germ.)

20. The records of the February–March plenum of the CPSU Central Committee. *Voprosy istorii*. 1995, no. 10, pp. 3–28. (In Russ.)

21. *Golovkov A.* Without repudiating oneself. *Ogonek*, 1988, no. 7, pp. 26–29. (In Russ.)

22. The records of the February–March plenum of the Central Committee of the CPSU. *Voprosy istorii*. 1995, no. 11–12, pp. 3–23. (In Russ.)

23. *Goldman W. Z.* Terror and Democracy in the Age of Stalin. The Social Dynamics of Repression. Cambridge, 2007, 274 p.

24. *Jo J.* Soviet trade unions and the great terror. *Stalin's Terror Revisited*. Ed. by M. Ilič. Basingstoke, 2006, pp. 68–89.

25. The enemy agents in the Komsomol must be exterminated completely. *Yunnyy kommunist*. 1937, no. 7, pp. 1–5. (In Russ.)

26. *Tarchova N.S. (ed.)* The military council of the people's Commissar of defense of the USSR on 1–4 June 1937 and other documents. Moscow, 2008, 622 p. (In Russ.)

27. *Ryabov V. V., Artemov A. A.* Aleksandr Kosarev as secretary of the Penza Komsomol provincial committee. *Pozyvnye istorii*. Moscow, 1982, vol. 7, pp. 220–228. (In Russ.)

28. *Zen'kovich N. A.* The youngest leaders of the Soviet country. Encyclopaedia of the Komsomol functionaries. Moscow, 2008, 508 p. (In Russ.)

29. Only a line in a biography. Secretaries and members of the Bureau of the Central Committee of the Communist Youth League, leaders of the Young Pioneers, and the First Secretaries of the Central Committees of the Communist Youth Leagues of the Soviet Union's republics. Moscow, 2003, 175 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 14.01.2019

DOI: 10.15372/HSS20190114
УДК 94(47)“1945/1949”

М.А. КЛИНОВА, А.В. ТРОФИМОВ

**«УСТАНОВИТЬ СТРОЖАЙШИЙ КОНТРОЛЬ ЗА СОХРАННОСТЬЮ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ»: КАМПАНИЯ ПО БОРЬБЕ
С ХИЩЕНИЯМИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х гг.**

Уральский государственный экономический университет,
РФ, 620144 г. Екатеринбург,
ул. 8 Марта/Народной воли, д. 62/45, к. 107

Целью работы является анализ политико-правовой и социально-экономической составляющих послевоенной кампании по борьбе с хищениями социалистической собственности. Изучение социальной специфики кампании по борьбе с хищениями социалистической собственности позволило прийти к выводу о неравноценности санкций по отношению к разным группам советского социума. Более жесткие (уголовные) наказания за хищения применялись в отношении простых граждан, в то время как представители советской партийно-хозяйственной элиты подвергались административным санкциям. Снижение интенсивности проводимой кампании произошло в 1948 г., о чем свидетельствует сужение количества осужденных за хищения и сокращении полномочий организаций, контролирующих финансово-хозяйственную деятельность министерств и ведомств. Специфика реализации данной кампании позволяет рассматривать ее в качестве одного из инструментов реализации мобилизационной экономической модели, направленной на послевоенное восстановление СССР.

Ключевые слова: хищения социалистической собственности, 1940-е гг., политическая кампания, социальная дифференциация, мобилизационная модель экономики.

M. A. KLIMOVA, A. V. TROFIMOV

**«ESTABLISH STRICT CONTROL OVER THE SAFETY OF SOCIALIST PROPERTY»:
CAMPAIGN AGAINST THEFT IN THE SECOND HALF OF THE 1940-s.**

Ural State University of Economics
107, 62/45 8 Marta/Narodnoy voli St.,
Ekaterinburg, 620144, Russian Federation

The study objective is to identify political, legal and socio-economic components of the post-war campaign aimed by the state at combating embezzlements of socialist property, as well as to assess the specifics of its implementation in the context of the mobilization economic model. The post-war period was marked by the growing number of thefts of socialist property, which were fixed in different social strata and professional groups of the Soviet society differing in the volume of the stolen and motivation of the committed act. The analysis of the social specificity of the campaign against embezzlements of the socialist property allows us to conclude on the inequality of sanctions against the Soviet society's different groups. The campaign was aimed against the country's ordinary people and led to strengthening control and introducing criminal sanctions against citizens. The task of eradicating thefts in the higher echelons of power was not set in the post-war years (although bodies focused on this task were created). The activities of the Ministry of State Control of the USSR to identify thefts in the ranks of the Soviet party and economic elite had a purpose to scare the nomenclature who wanted to live for their own pleasure after the war. The campaign's intensity decreased in 1948, which manifested in lower number of people convicted for thefts and reducing the powers of organizations that controlled the financial and economic activities of ministries and departments. Taking into account the campaign socio-political specifics, it should be considered as a tool of mobilization economic model aimed at the post-war reconstruction of the Soviet national economy ravaged by the war.

Key words: socialist property's embezzlements, 1940s, political campaign, social differentiation, mobilization economic model.

Марина Александровна Клинова – канд. ист. наук, доцент, Уральский государственный экономический университет, e-mail: klinowa.m@yandex.ru.

Трофимов Андрей Владимирович, д-р ист. наук, профессор, Уральский государственный экономический университет, e-mail: 2519612@rambler.ru.

Marina A. Klinova – Candidate of historical Sciences, Docent, Ural State University of Economics.

Andrey V. Trofimov – Doctor of historical Sciences, Professor, Ural State University of Economics.

В современной историографии активно обсуждаются вопросы природы и сущности «формальных» и «неформальных» институтов советского социума в позднесталинский период (партийно-государственная номенклатура, правоохранительная система, коррупция, теневая экономика и т. д.) Позиции авторов являются производными от их отношения к сталинской социально-экономической модели и находятся в диапазоне от признания эффективности мобилизационной системы в военные и послевоенные годы [1; 2; 3] до констатации ее ущербности и исторической бесперспективности [4; 5; 6; 7].

Цель данного исследования – выявление политико-правовой и социально-экономической составляющих послевоенной кампании, направленной на борьбу государства с хищениями социалистической собственности, оценка ее реализации в контексте задач мобилизационной экономической модели.

В первые послевоенные годы наблюдался рост экономической преступности. Количество зафиксированных в 1946 г. хищений превысило на 23 % показатели 1945 г. [7, с. 371], а в 1947 г. возросло на 43,7 % по отношению к уровню 1946 г. [8, с. 18]. К 1947 г. хищения составляли практически половину (49,2 %) всех зарегистрированных уголовных преступлений, совершаемых в СССР¹. Криминализация советского социума была обусловлена как товарным дефицитом и голодом, так и наличием диспропорций между военным и гражданским секторами экономики и т. п. Расширению пространства девиантных экономических практик населения способствовало произошедшее во время войны ослабление внимания властей к повседневным заботам граждан.

Во второй половине 1940-х гг. важнейшим инструментом для преодоления последствий войны стала мобилизационная модель экономики. Вследствие необходимости восстановления промышленного производства в условиях имевшихся в стране ограниченных ресурсов важными направлениями законодательного регулирования становятся укрепление защиты социалистической собственности и усиление контроля над каналами распределения ресурсов.

В нормативных документах первых послевоенных лет категория «контроль» получает широкое распространение. В правительственных постановлениях фиксируются требования, адресованные организациям: «ликвидировать бесконтрольность в финансово-хозяйственной деятельности», «установить строгий контроль за сохранностью и порядком», «обеспечить систематический контроль» и т. п.² 15 марта 1946 г. было образовано Министерство госконтроля СССР, которое возглавил Л.З. Мехлис. Министерство получило широкие полномочия в проведении ревизий на предприятиях, в министерствах и главках (могло налагать штрафы, дисциплинарные

взыскания, привлекать виновных к судебной ответственности и т. п.).

В результате проверок, проведенных Министерством государственного контроля в 1946–1947 гг., были вскрыты злоупотребления со стороны ряда руководителей министерств. Выявленные факты хищений легли в основу правительственных постановлений. В Постановлении Совета министров СССР от 13 августа 1946 г. был отмечен факт растраты государственных средств в Министерстве строительства топливных предприятий. Средства, предназначенные для набора рабочей силы, оказались израсходованы на приобретение дорогостоящей мебели. Распоряжение по поводу данной незаконной сделки дал заместитель министра Т.Т. Литвинов, а сам министр А.Н. Задемидко разрешил совершить эту покупку³.

В Постановлении Совета министров от 9 июля 1946 г. отмечался факт незаконной растраты угольными комбинатами Донбасса 353 тыс. руб. на банкеты, проводимые в период пребывания в Донбассе министра угольной промышленности западных районов СССР Д. Г. Оника, причем с его ведома⁴.

В Постановлении Совета министров СССР от 25 октября 1946 г. были отмечены факты незаконного расходования сотен тонн продовольствия в Министерстве пищевой промышленности, к которым имели непосредственное отношение министр В.П. Зотов и его заместитель Е.Н. Невский. За девять месяцев 1946 г. сверх норм снабжения было израсходовано: макарон – 830 т, крупяных концентратов – 40, муки – 25, кондитерских изделий – 320, сахара – 262, растительного масла – 100, разных консервов – 1150 тыс. условных банок, табака – 74, чая – 11 и хозяйственно-го мыла – 83 т⁵.

В начале 1947 г. были вскрыты хищения заместителей министра трудовых ресурсов СССР П.Г. Москатова и Г.И. Зеленко, которые потратили на возведение собственных дач по 80 тыс. руб. государственных средств [9], привлекая на эти строительные работы учащихся школ ФЗО и других подчиненных им работников⁶.

В Постановлении Совета министров СССР от 28 августа 1947 г. были отмечены факты злоупотреблений начальника Главгидроэнергостроя Министерства электростанций Д.М. Юринова и его заместителя Л.Н. Мнацаканова, имевших отношение к хищению из отдела снабжения главка 71 420 руб. Помимо этого Л.Н. Мнацаканов за счет средств подведомственной организации отремонтировал личную квартиру и построил себе дачу⁷.

Вследствие проверок, предпринятых Министерством госконтроля СССР, были вскрыты факты злоупотреблений не только в союзных министерствах,

³ Там же. Д. 282. Л. 240.

⁴ Там же. Д. 280. Л. 353.

⁵ Там же. Д. 286. Л. 243.

⁶ Там же. Д. 291. Л. 265–267.

⁷ Там же. Д. 310. Л. 44–47.

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 497. Л. 344–347.

² Там же. Ф. Р 5446. Оп. 1. Д. 280. Л. 518; Д. 286. Л. 243.

но и в республиках СССР. В мае 1948 г. в Постановлении Совета министров СССР № 1615 были отмечены факты злоупотреблений заместителя председателя Совета министров Азербайджанской ССР А.М. Азизбекова, который, используя служебное положение, получил в 1943 г. от дачного треста земельный участок площадью 3,5 га, где имелось 7417 плодоносящих кустов винограда и 1217 различных плодовых деревьев и овощных культур на площади 1 га, построил там дачу за счет государственных средств, привлекая в качестве рабочей силы солдат, а также систематически используя наемную рабочую силу – 20 чел. Доходы от продажи овощей и фруктов А.М. Азизбеков присваивал себе. С 1945 по 1947 г. им было продано овощей и фруктов на 668 900 руб.⁸

В результате начавшейся кампании по борьбе с хищениями были выявлены крупные нарушения на предприятиях и в организациях различного уровня. Согласно справке о хищениях в организациях и предприятиях Минторга СССР за 1946 г. и взятых на контроль Центральной бухгалтерией Минторга СССР было выявлено 1313 растрат на сумму 38 870 тыс. руб. [10, с. 172]. В 1946 г. на текстильных фабриках Ивановской области было задержано 9600 рабочих и служащих, у которых было отобрано 180 тыс. м ткани на 753 тыс. руб., среди арестованных за воровство на фабриках оказалось 408 коммунистов и 200 комсомольцев, а к уголовной ответственности за хищения на производстве было привлечено 65 членов партии⁹.

Декларируемое усиление контроля за деятельностью предприятий и организаций сопровождалось ужесточением уголовных санкций за хищения государственной и общественной собственности. Кульминацией послевоенной кампании по борьбе с хищениями стало принятие 4 июня 1947 г. Президиумом Верховного Совета СССР указа «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества»¹⁰. В нем понятие «хищение социалистической собственности» распространялось на государственное, колхозное и кооперативное имущество. Хищение государственного имущества каралось лишением свободы на срок от 7 до 10 лет (с конфискацией или без нее); хищение колхозной и кооперативной собственности – от 5 до 8 лет лишения свободы. В случае квалифицированных хищений сроки могли быть увеличены до двадцати пяти и двадцати лет соответственно. В указе не приводилось дифференциации наказаний по объемам хищений, в результате даже мелкие кражи квалифицировались по этому закону.

В исторических исследованиях, изданных за последние четверть века, приводится множество фактов, иллюстрирующих применение данной законодатель-

ной нормы в отношении советских граждан, осужденных за хищение нескольких килограммов яблок, мерзлой картошки или муки на срок от 5 до 8 лет [7, с. 38–386; 11, с. 78]. К концу 1947 г. в тюрьмах и лагерях страны было примерно 80 тыс. чел., осужденных по ранее действовавшему закону от 7 августа 1932 г. и 300 тыс. чел. отбывало наказание за хищение «общественного имущества» по указу от 4 июня 1947 г.¹¹ С лета 1947 г. приговоры, выносимые за хищение государственной собственности, стали более суровыми, чем за убийство. Отмечался резкий скачок количества осужденных на длительные сроки. Средний срок лишения свободы достигал 8,7 года [7, с. 365]. Значительную часть осужденных за хищения в 1947 г. составили сельские жители, чьи действия были мотивированы голодом, в 1948 г. возросло число рабочих и служащих. В оценке данного указа историки и правоведы сходятся во мнении, определяя введенные карательные санкции как излишне репрессивные [7; 8; 12; 13].

Факты злоупотреблений служебным положением со стороны местной партийно-государственной номенклатуры стали поводом для кадровых чисток в регионах страны. Многие руководители были сняты с работы со значительным понижением по номенклатурной лестнице, переведены в другие регионы, исключены из партии [3; 9; 14]. Что касается руководителей союзных министерств и главков, чьи злоупотребления были вскрыты Министерством государственного контроля, то уголовные санкции в отношении них применены не были, большинство из них даже не потеряли своих должностей. С занимаемых постов были сняты: А.М. Азизбеков и Т.Т. Литвинов. В.П. Зотову было поставлено на вид, Л.Н. Мнацаканов, П.Г. Москатов, Г.И. Зеленко получили строгий выговор, А.Н. Задемидко, Д.М. Юринов, Д.Г. Оника, Е.Н. Невский – выговор.

Как и большинство политических кампаний «сталинского» периода, данная кампания продолжалась недолго и пошла на спад уже в 1948 г. Н. Верт, анализируя статистику осужденных по указу 4 июня 1947 г., отмечает ослабление репрессивного рвения с 1948 г., характеризующееся стабилизацией и снижением количества выносимых приговоров [7, с. 374]. Е.Д. Твердюкова в подтверждение этой тенденции приводит статистику условно осужденных за хищения, количество которых в 1948 г. возросло более чем в 2 раза (относительно общего количества привлеченных к ответственности): в 1947 г. – 2,4 %; в 1948 г. – 5,2; 1949 г. – 5,9; в 1950 г. – 6,8 % [10, с. 175].

Снижение интенсивности кампании проявилось и в сужении полномочий Министерства госконтроля СССР. Постановлением Совета Министров СССР от 26 августа 1948 г. «Об уточнении прав Министерства Государственного Контроля СССР и его представителей на местах» права государственных контролеров были существенно урезаны. Впредь отстранение от должности и привлечение виновных к судебной ответственности могли проводиться только с разрешения Со-

⁸ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 334. Л. 156–158.

⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 122. Д. 289. Л. 6–7.

¹⁰ Указ Президиума Верховного Совета СССР 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества» // Ведомости Верховного Совета СССР 1947 г. № 19

¹¹ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 3890. Л. 150.

вета министров СССР, а наложение дисциплинарных взысканий – с согласия одного из членов Бюро Совета министров СССР, контролерам запрещалось проводить ревизии в министерствах, главных управлениях и комитетах при правительствах СССР и союзных республик, при проверках изымать подлинные документы¹².

В результате такого сокращения полномочий контролеры госконтроля потеряли свою независимость от местных властей и центральных ведомств¹³. В последующие годы объектами проверок Министерства госконтроля СССР стали заводы, колхозы, элеваторы, железнодорожные участки, а не министерства, главки и органы республиканского управления. Вскрытые в результате проверок и ревизий факты в большей степени имели отношение к нарушению правил хранения сырья, технологии изготовления продукции и т.п. Начиная с 1949 г. в текстах постановлений, принятых по результатам проверок Министерства государственного контроля, руководители предприятий значительно чаще обвинялись в «бесхозяйственности» и «безответственном отношении к делу», нежели в растратах и хищениях государственных средств.

Оценивая репрессии послевоенного периода, Д. Фильцер отмечает их «демократичность», так как жертвами в подавляющем большинстве оказались рабочие и крестьяне [13, с. 46–47]. Несмотря на то, что вывод Д. Фильцера основывается на данных об осужденных по различным статьям (политическим, за самовольный уход с работы и пр.), он справедлив и в отношении социальной направленности проводимой в послевоенный период кампании по борьбе с хищениями социалистической собственности. Как и указ от 7 августа 1932 г. (прозванный «законом о трех колосках»), указ от 4 июня 1947 г. был принят в период, связанный, с одной стороны, с голодом и товарным дефицитом, а с другой – с необходимостью интенсификации индустриального развития страны. Увеличение в 1947 г. сроков наказания за хищения при отсутствии дифференциации санкций от объемов похищенного привело на скамью подсудимых значительное количество ранее не судимых граждан, для которых хищение было продиктовано стремлением сохранить свою жизнь и жизнь членов семьи. Увеличение численности попавших в ИТЛ не нарушало планов властей по восстановлению государства, обеспечивая стройки и предприятия страны трудовыми ресурсами.

Задача искоренения хищений в высших эшелонах власти не ставилась в послевоенные годы (хотя органы, ориентированные на ее решение, были созданы). Активная деятельность в 1946–1948 гг. Министерства государственного контроля СССР была призвана, скорее, припугнуть номенклатуру, желающую после войны жить в свое удовольствие. Данная задача

была в значительной мере выполнена. В послевоенные годы стабильно высоким оставался показатель исключенных из партии за экономические преступления, например, в Томской парторганизации – около трети от всех исключенных. Вместе с тем сложившаяся система «самоочищения» элиты не приводила к качественным изменениям, поскольку негативные явления были имманентно включены в бюрократизированную систему управления и принципы номенклатурного отбора [15, с. 307, 311].

Таким образом, предпринятый анализ стадильности и социальной специфики проводимой в послевоенный период кампании по борьбе с хищениями социалистической собственности позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, неравноценность санкций по отношению к различным социальным группам дает возможность говорить о неоднородности советского социума. Во-вторых, данная кампания являлась инструментом, направленным на решение задач мобилизационной экономики. Основной задачей этой экономической модели было восстановление разрушенного войной народного хозяйства (понимаемого как приоритетное развитие промышленности), а население страны выступало ресурсом для ее решения. Аккумуляция средств реализовывалась как за счет отмены карточной системы, проведения денежной реформы, увеличения размера налогов с крестьянства, борьбы с «частником», повышения тарифов на коммунально-бытовые услуги, так и посредством проведения кампании по борьбе с хищениями социалистической собственности. «Острые» кампании были направлены на простое население страны, что проявлялось в усилении контроля и введении жестких уголовных санкций в отношении граждан. В-третьих, задача смены советской элиты не ставилась в рамках данной экономической модели (что можно рассматривать также в качестве одной из причин достаточно «мягкого» проведения кампании в верхах советского социума).

В целом проводимую в послевоенный период кампанию по борьбе с хищениями социалистической собственности следует рассматривать не как автономную социально-экономическую акцию, а как один из инструментов реализации задач мобилизационной экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Катасонов В.Ю. Экономика Сталина. М.: Ин-т русской цивилизации, 2014. 416 с.
2. Киран Р., Кенни Т. Продавшие социализм. Теневая экономика в СССР. М.: Алгоритм, 2009. 304 с.
3. Сушков А.В. Дело «танкового короля» Исаака Зальцмана. Екатеринбург: УрО РАН, 2016. 300 с.
4. Кимерлинг А.С. Особенности провинциальной советской коррупции в 1946–1953 годах на материале Молотовской области // Вестник Перм. гос. ун-та. Сер. История. 2012. Вып. 3. С. 101–108.
5. Нисневич Ю.А. Коррупция в исторической ретроспективе с уточнениями и дополнениями // Общественные науки и современность. 2015. № 3. С. 90–100.
6. Попов В.П. Экономическая политика советского государства. 1946–1953 гг. Тамбов, 2000. 192 с.

¹² ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 343. Л. 337.

¹³ Соколов Б. Был порядок, говорят... Штрихи к портрету коррупции в сталинскую эпоху // Отечественные записки. 2012. № 2. URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/2/byl-poryadok-govoryat> (дата обращения: 28.12.2018).

7. *Верт Н.* Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М.: РОССПЭН, 2010. 447 с.

8. *Богданов С.В., Орлов В.Н.* Тоталитарная государственность и экономическая преступность в СССР в первые послевоенные годы // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 6–2. С. 15–20.

9. *Сушков А.В.* Власть и коррупция: руководство Красноярского края и дело о хищениях продукции на Красноярском заводе плодоягодных вин (1949 г.) // Уральский исторический вестник. 2011. № 3. С. 89–95.

10. *Твердюкова Е.Д.* Государственное регулирование торговли в СССР (конец 1920-х – середина 1950-х гг.): историко-правовой анализ. СПб., 2011. 328 с.

11. *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 1999. 229 с.

12. *Зима В.Ф.* Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М.: Ин-т российской истории, 1996. 265 с.

13. *Фильцер Д.* Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2011. 359 с.

14. *Жирнов Е.* Члены Верховного суда брали взятки // Коммерсантъ. Власть. № 31. С. 54.

15. *Калинина О.Н.* Советская номенклатура и система внутрикорпоративной охранительности в позднесталинский период (1946–1953 гг.) // Советское общество в период позднего сталинизма. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 2015. С. 304–313.

REFERENCES

1. *Katasonov V. Yu.* Stalin's economy. Moscow, Institut russkoy tsivilizatsii, 2014, 416 p. (In Russ.)

2. *Kiran R., Kenny T.* These who sold socialism. The USSR shadow economy. Moscow, 2009, 304 p. (In Russ.)

3. *Sushkov A. V.* The case of Isaac Salzman, a "tank king". Ekaterinburg, 2016, 300 p. (In Russ.)

4. *Kimerling A. S.* Features of the provincial Soviet corruption in 1946–1953 based on Molotov region data. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Istoriya*, 2012, no. 3, pp. 101–108. (In Russ.)

5. *Nisnevich Yu. A.* Corruption from historical perspective with updates and additions. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2015, no. 3, pp. 90–100. (In Russ.)

6. *Popov V. P.* The Soviet state economic policy. 1946–1953. Tambov, 2000, 192 p. (In Russ.)

7. *Vert N.* Terror and confusion. Stalinism as a system. Moscow, 2010, 447 p. (In Russ.)

8. *Bogdanov S. V., Orlov V. N.* Totalitarian statehood and economic crime in the USSR in the early postwar years. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy*, 2009, no 6–2, pp. 15–20. (In Russ.)

9. *Sushkov A. V.* The power and corruption: Krasnoyarsk Region leadership and a case of product thefts at Krasnoyarsk plant of fruit berry wines (1949). *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, 2011, no. 3, pp. 89–95. (In Russ.)

10. *Tverdyukova E. D.* The trade state regulation in the USSR (late 1920s–mid 1950s): historical and legal analysis. Saint Petersburg, 2011, 328 p. (In Russ.)

11. *Zubkova E. Yu.* The post-war Soviet society: politics and everyday life. 1945–1953. Moscow, 1999, 229 p. (In Russ.)

12. *Zima V. F.* The Famine of 1946–1947 in the USSR: origin and consequences. Moscow, 1996, 265 p. (In Russ.)

13. *Filtzer D.* Soviet workers and late Stalinism. The working class and Stalinist system restoration after World War II. Moscow, ROSSPEN, 2011, 359 p. (In Russ.)

14. *Zhirnov E.* The Supreme Court members took bribes. *Kommersant Vlast'*, 2008, no. 31, p. 54. (In Russ.)

15. *Kalinina O. N.* The Soviet nomenclature and system of internal corporate security in the late Stalin period (1946–1953). *Sovetskoe obshchestvo v period stalinizma. 1945–1953*. Moscow, 2015, pp. 304–313. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 24.12.2018

DOI: 10.15372/HSS20190115
УДК 94(571.51)“1950/1990”: 314-4

Л.Н. СЛАВИНА

СМЕРТНОСТЬ ОТ ВНЕШНИХ ВОЗДЕЙСТВИЙ В ВОСТОЧНОСИБИРСКОЙ ДЕРЕВНЕ (КОНЕЦ 1950-х – НАЧАЛО 1990-х гг.)

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,
РФ, 660049, Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89

В статье представлены итоги впервые проведенного анализа смертности от внешних причин в селах Восточной Сибири. Рассмотрены динамика ее уровня и структуры за тридцать лет, ее состояние в конце советского периода, региональные особенности. Показано, что смертность сибиряков соответствовала общероссийским трендам, но имела необычный характер. Ее уровень был выше, рос быстрее, чем в городах региона и российских селах в среднем, а к концу рассматриваемого периода увеличился более чем вдвое. Внешние воздействия занимали второе место в структуре причин общей смертности сибиряков в течение всего периода. Показано, что сибиряки лидировали в России по всем видам травматической смертности, а ее вклад в общий кризис смертности, который сибирская деревня переживала вместе со страной в эти десятилетия, был выше, чем в других регионах России.

Ключевые слова: смертность от внешних воздействий, убийства, самоубийства, витальное поведение, Восточная Сибирь, сельское население, кризис смертности.

L. N. SLAVINA

MORTALITY DUE EXTERNAL CAUSES IN EASTERN SIBERIA COUNTRY SIDE (LATE 1950s – EARLY 1990s)

V.P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University
89, Ada Lebedeva str., Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation

The article subject is problems of mortality due external causes in Russia. The author presents results of reconstruction of its dynamics and structural characteristics in the Soviet era's last decades. The paper objective is to examine the mortality due external causes in the villages of East Siberia as an indicator of the rural society life quality. It shows the mortality dynamics level and structure over thirty years at the end of the Soviet period; reveals features of this process in Siberia. The author explains specifics of mortality among Siberians taking into account the complex impact of natural and climatic, economic, socio-cultural factors; compares mortality processes in Siberian villages with similar ones in regional cities and villages of Russia as a whole. Based on official statistics, the article shows that the mortality from injuries in East Siberian villages developed following the all-Russian pattern. It grew throughout the whole country, but in the region's countryside its level, dynamics and structure were of extraordinary nature. The death rate grew in the villages of the region faster than in the cities and in Russian villages in general and more than doubled in three decades. External influences ranked second in the structure of the overall mortality causes of Siberians throughout the period. The regional villages forged ahead in Russia in all types of traumatic mortality. The article provides statistics on the main classes of the most common death causes. It proves that the mortality crisis in East Siberia was more acute than anywhere in the country, and that the high mortality of Siberians was determined by both behavioral, environmental and economic factors.

Key words: mortality due external causes, homicides, suicides, vital behavior, East Siberia, rural population, mortality crisis.

Обращение к данной теме вызвано, прежде всего, кризисной демографической ситуацией в России в настоящее время, которая после нескольких лет заметного смягчения вновь осложнилась. Пути ее улучшения из-

вестны. Это подъем рождаемости и снижение смертности, которая требует к себе особого внимания. Она протекает в режиме, далеком от оптимального, и создает много проблем, трактуемых как вызовы, на которые нужно на-

Славина Людмила Николаевна – д-р ист. наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, e-mail: 200146@mail.ru.

Lyudmila N. Slavina – Doctor of Historical Sciences, Professor, V.P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University.

ходить ответы. Российскую смертность трудно назвать малоизученной. Но ее многоликость в половозрастном, социальном, национальном и территориальном разрезах требует дифференцированных исследований. Лишь их совокупность позволит точнее представить причины высокого уровня современной смертности, пути ее снижения и создания условий для роста продолжительности жизни россиян. Такие знания углубят представление о характере демографической модернизации России и о ее социальной истории в целом.

В настоящей статье впервые анализируется смертность от внешних воздействий в селах Восточной Сибири: она вызывалась не болезнями, а повреждениями – умышленными (убийства и самоубийства) и неумышленными (несчастные случаи, травмы) (*синоним*: смертность от внешних причин, поврежденных, травматическая смертность). Цель анализа – рассмотреть ее как индикатор качества жизни в деревне, а для этого необходимо реконструировать процесс ее эволюции в последнем тридцатилетии советской эпохи, выявить в ней общие и специфические – сельские, сибирские – черты, оценить ее состояние к концу советского периода.

Хронологические рамки работы – рубежи 1950–1960 и 1980–1990-х гг. Нижняя граница отмечена поворотом динамики общей смертности в России в сторону подъема, верхняя – всплеском ее после окончания советской эпохи. В этот период уходят «корнями» проблемы смертности в современной России.

Смертность от внешних воздействий в указанное время в Сибири совершенно не изучена [1, с. 389–395], в России в целом до недавнего времени эта тема также специально не рассматривалась [2, с. 313–382; 3, с. 29–40; 4, 60–69]¹. Лишь в 2017 г. демографы издали первую монографию, где данный феномен проанализирован системно [5]. Историки до сих пор игнорируют этот процесс, хотя он является одним из важнейших в социальной истории России, поскольку выступает продуктом и в то же время показателем качества жизни общества.

Настоящее исследование базируется на текущей статистике смертности, извлеченной из сборников для служебного пользования (ДСП) и архивов – федерального и местных органов госстатистики. Такие сведения не публиковались до 1988 г. Хотя засекреченность не способствовала хорошей сохранности данных, все же удалось найти нужные сведения. Однако по ним невозможно восстановить динамические ряды основных показателей смертности за весь изучаемый период по Восточной Сибири. К тому же не все данные сопоставимы по годам из-за изменений в учете, кроме того, велика вероятность умышленного их искажения. Тем не менее выявленная информация пригодна для решения поставленной задачи – через анализ смертности

яснее представить качество жизни региона в сельской местности.

Итак, многонациональное и неоднородное в демографическом плане сельское население Восточной Сибири, составлявшее в 1960–1980-х гг. от 2,6 до 3,0 млн чел.², переживало, как и все россияне, очередной этап демографической модернизации. Смертность сибиряков эволюционировала в рамках общероссийских трендов, но имела много специфических черт. Самой яркой была сверхсмертность от внешних воздействий. Этот вид смертности рос по всей стране. Но в восточносибирских деревнях процесс приобрел чрезвычайный характер.

Внешние воздействия вышли на второе место в структуре причин смерти уже в 1950-х гг. в красноярских и иркутских деревнях, чуть позднее – на остальной территории, а в Туве заняли первое место. В сельской местности РСФСР они занимали третье место. Эта иерархия не менялась до 1990-х гг.

Удельный вес умиравшего от внешних воздействий сельского населения (в % ко всем умершим) в регионе рос быстрее, чем в РСФСР в целом, и за три десятилетия повысился почти вдвое: 13,9 % в 1960 г. и 21,8 % в 1990 г., в РСФСР – 10,4 % в 1960 г. и 13,2 % в 1990 г. Разница между сибиряками и среднестатистическими россиянами по количеству умерших от повреждений увеличилась почти втрое – с 16,5 чел. в расчете на 100 тыс. жителей в 1960 г. до 48,7 чел. в 1990 г. (табл. 1).

Смертность от повреждений в селах региона росла быстрее, чем от других причин. Поэтому доля ее жертв в общей массе умерших увеличивалась. В 1960 г. она составляла 13,9 %, а в 1990 г. – 21,8 %. Этот показатель вдвое различался по территории региона – от 19,5 % в Красноярском крае до 35,5 % в Туве в 1990 г.³

Характер динамики смертности сибиряков от повреждений подробнее можно проследить на примере Красноярского края. Из табл. 2 видно, что в начале 1960-х гг. уровень этой смертности в деревнях был ниже, чем в городах, в 1,3 раза. Но уже к 1965 г. он стал выше и продолжал расти более быстрыми темпами, чем в городах, в течение всего тридцатилетия. В 1980-х гг. разница между ними составляла 1,5–1,7 раза.

Динамика смертности от внешних причин до середины 1980-х гг. была «отрицательно устойчивой». Ее непрерывный рост свидетельствовал, прежде всего, о неблагоприятии в деревне. Опыт перестройки ярко показал, как чутко смертность реагирует на внешние импульсы. В связи с начатой в 1985 г. антиалкогольной кампанией ее уровень сократился в красноярских деревнях за неполных три года (1985–1987) на 32,5 %, но из-за последовавшего провала кампании вырос за 1988–1990 гг. на 23,5 %⁴. На остальной тер-

¹ Смертность от внешних причин. Часть I // Демоскоп Weekly, № 29–30, 13–26 авг. 2001. URL.: <http://www.demoscop.ru/weekly/029/tema01.pht>. Часть II // Демоскоп Weekly, № 31–32, 27 авг.– 9 сент. 2001. URL.: <http://www.demoscop.ru/weekly/031/tema06.pht> (дата обращения: 31.03.2018).

² Численность населения РСФСР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 23.

³ Численность, состав и движение населения в Российской Федерации: стат. сб. М., 1992. С. 250–251.

⁴ Рассчитано по данным текущего архива (ТА) Красноярскстата.

Т а б л и ц а 1

Смертность сельского населения Восточной Сибири и РСФСР от внешних причин в 1960 и 1990 гг.

Показатель	Восточная Сибирь	Красноярский край	Иркутская обл.	Читинская обл.	Бурятская АССР	Тувинская АССР	РСФСР
<i>1960 г.</i>							
Чел. на 100 тыс. жителей	99,9	95,4	115,1	82,4	104,8	118,1	83,4
% ко всем умершим	13,9	13,7	16,5	12,6	13,1	8,2	10,4
<i>1990 г.</i>							
Чел. на 100 тыс. жителей	212,8	210,4	225,0	193,7	197,5	271,9	164,1
% ко всем умершим	21,8	19,5	21,6	23,4	21,9	35,5	13,2

Подсчитано по: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-374. Оп. 31. Д. 7854. Л. 13 об., 97 об. Д. 7856. Л. 1 об., 25 об., 49 об.; Численность, состав и движение населения... С. 245–251.

Т а б л и ц а 2

Динамика уровня смертности от внешних причин в Красноярском крае и в РСФСР в 1960–1990 гг., чел. на 100 тыс. жителей

Территория	1960	1965	1970	1975	1980	1985	1987	1990
Красноярский край, село	95,4	135,2	177,6	214,5	264,0	252,5	170,4	211,7
город	124,4	128,7	150,6	156,1	176,2	146,9	108,4	136,2
РСФСР, село	83,4	98,5	137,4	171,7	204,5	184,3	173,8	164,1

Подсчитано по: Данные по Красноярскому краю за 1960–1987 гг. – ТА Красноярскстата; Некоторые показатели демографических процессов и социального развития в РСФСР: стат. сб. М., 1981. С. 72; Численность, состав и движение населения... С. 245, 251.

ритории он развивался по той же траектории: сначала повсюду снизился, а потом увеличился: в читинских деревнях – на 24,0 %, в иркутских – на 45,0 %, в селах Бурятии – на 35,4 %, Тувы – в 3,4 раза, а в целом по сельской местности региона поднялся на 37,9 %⁵.

Смерть от повреждений не была «привилегией» отдельных возрастов. Например, из 2074 погибших в 1990 г. в красноярских селах более трети (36,9 %) являлись пожилыми или детьми, в том числе 39 чел. – младенцами. Но большинство (63,1 %) все же составляли лица трудоспособных возрастов⁶. В их группе смертность имела специфику и потому заслуживает особого внимания.

Смертность трудоспособного населения в рассматриваемый период являлась проблемой для всей страны. Но в селах Восточной Сибири она стояла еще острее, поскольку ее уровень был выше среднероссийского и у мужчин, и особенно у женщин. Причем у женщин он стал к началу 1990-х гг. выше, чем в любом другом районе России. В целом повышенная смертность представителей рабочих возрастов в восточносибирских деревнях как раз и вызывалась са-

мыми большими, чем где бы то ни было, потерями от внешних воздействий. У мужчин в конце советского периода они перекрывали все вместе взятые потери от рака, болезней системы кровообращения, органов дыхания и пищеварения.

Среди погибавших от внешних воздействий сибиряков рабочих возрастов всегда и везде абсолютно преобладали мужчины, как и в целом по РСФСР. Причем разрыв между полами увеличивался (табл. 3). Сверхсмертность мужчин отчасти определялась характером их занятости, больше подверженной травматизму. Но решающую роль все же играло их саморазрушительное поведение. Низкая ценность здоровья, характерная для россиян в целом, проявлялась у них в рискованных поступках, в том числе в нарушении ПДД и норм безопасности на производстве и в быту, в злоупотреблении алкоголем и т. п.

Вклад «алкогольного» фактора в рост смертности в Восточной Сибири был особенно высоким. По данным Росстата, в 1980 г. здесь было продано, кроме других напитков, по 19,0 л водки на душу населения против 13,9 л в РСФСР, в том числе по 21 л в Бурятии и Красноярском крае⁷. Люди гибли от отравлений алкоголем, от связанных с его употреблением заболева-

⁵ Подсчитано по данным ТА Госкомстата РФ.

⁶ Естественное и механическое движение населения в Красноярском крае в 1990 году: стат. ежегодник. Красноярск, 1991. Т. 1. С. 25, 27, 43, 45.

⁷ Показатели социального развития Российской Федерации и ее регионов: стат. сб. М., 1991. С. 256–257.

Т а б л и ц а 3

Коэффициенты смертности от внешних причин сельского населения рабочего возраста Восточной Сибири и РСФСР в 1990 г. (чел. на 100 тыс. населения соответствующего пола)*

Восточная Сибирь	Красноярский край**	Иркутская обл.	Читинская обл.	Бурятская АССР	Тувинская АССР	Хакасская АО	РСФСР
<i>Мужчины</i>							
481,1	439,8	519,1	467,0	471,6	664,7	474,4	373,8
<i>Женщины</i>							
107,2	98,2	112,4	88,7	95,2	191,5	129,3	66,3

*Численность, состав и движение населения... С. 320, 328, 337, 342–344, 349, 350.

**Красноярский край без Хакасии.

Т а б л и ц а 4

Насильственная смертность в сельской местности Восточной Сибири в 1960 и 1990 гг., чел. на 100 тыс. жителей*

Год	Восточная Сибирь	Красноярский край	Иркутская обл.	Читинская обл.	Бурятская АССР	Тувинская АССР
<i>Убийства</i>						
1960	7,12	5,94	10,72	4,15	8,18	4,86
1990	32,4	27,1	39,0	27,1	25,7	79,8
<i>Самоубийства</i>						
1960	16,8	15,4	18,0	14,0	22,4	15,4
1990	39,3	37,3	45,2	37,8	42,2	30,7

*Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1646, 1649, 1656–1658; ГАРФ. Ф. А-364. Оп. 31. Д. 7854. Л. 1 об., 13 об., 25 об., 49 об., 97 об.; Численность, состав и движение населения... С. 260.

ний и несчастных случаев, от самоубийств и убийств, часто в пьяном виде. Так, из числа убитых в 1990 г. 260 красноярцев 60,4 % находились, по официальным данным, в алкогольном опьянении⁸.

Долговременная статистика «алкогольных» смертей в Восточной Сибири отсутствует. Но отдельные цифры свидетельствуют о всеобщей алкоголизации деревни. Особо тревожным было то, что контингент пьющих критически помолодел. По статистике, из умерших в 1990 г. в красноярских селах от алкогольного отравления («скоропостижная смерть от пьянства») 56,6 % лиц находились в рабочих возрастах, а остальные были старше или моложе, начиная с 8 лет⁹. Причем сельчане умирали вдвое-втрое чаще горожан от отравлений алкоголем (11,2 чел. против 4,5 чел. на 100 тыс. жителей) и в состоянии алкогольного опьянения (соответственно 16,0 против 7,4 чел.)¹⁰.

Восстановить динамику конкретных причин травматической смертности невозможно, поскольку при

разработке статистики в общий класс причин смерти включались все случаи от этих причин. В дифференцированном виде опубликованы лишь показатели рубежа 1980–1990-х гг. Благодаря им известно, что в 1990 г. в красноярских селах 23,3 % жертв внешних воздействий погибли в автодорожных авариях и при контакте с другими видами техники, 23,7 % умерли от отравлений, 8,1 % сгорели на пожаре, 9,0 % скончались от травм и ожогов, 5,2 % утонули. Еще 17,6 % случаев составили самоубийства и 12,5 % – убийства¹¹. Таким образом, влияние издержек индустриализации на смертность сельчан было второстепенным. Ее основные причины коренились в быту и усугублялись алкоголизмом.

Чрезвычайной проблемой в восточносибирских деревнях являлась насильственная смертность – убийства и самоубийства (табл. 4). Ее тоже невозможно подробно проанализировать из-за недостатка информации, строго секретной в советские годы. Но по имеющимся данным видно, что убийства в селах региона уже в 1950-х гг. не были редкими. В 1959 г. там было учтено 170 убийств, в 1960 г. – 216 и еще 70 насиль-

⁸ Подсчитано по: Естественное и механическое движение... С. 25, 27, 43, 45.

⁹ Подсчитано по: Там же. С. 25, 27, 43, 45.

¹⁰ Там же. С. 25, 27, 43, 45.

¹¹ Подсчитано по: Там же. С. 25, 27, 43, 45.

ственных смертей неуставленного характера¹². Самый высокий уровень убийств отмечался в иркутских деревнях (10,7 чел. на 100 тыс. жителей в 1960 г.), самый низкий – в читинских (4,15 чел.). На остальной территории он колебался в пределах 5–8 чел.¹³. Большинство убитых составляли мужчины. В 1960 г. их было больше, чем женщин, в 8 раз у читинцев, в 5 раз – у иркутян и красноярцев, в 2,4 раза – в селах Бурятии. Свыше 90 % жертв убийств составляли взрослые, в основном 20–30-летние¹⁴.

В 1960–1980-х гг. число убийств в Восточной Сибири быстро росло, и не случайно. Восточная Сибирь – «край каторги и ссылки» – в XX в. не теряла этой «функции» и оставалась территорией с повышенной преступностью. Так, в 1985 г. в целом по РСФСР было учтено в среднем по 989 преступлений на 10 тыс. жителей, а в регионе – от 1027 в Читинской обл. до 1405 в Иркутской и 1881 – в Туве. К 1990 г. показатель повсюду увеличился и составил от 1403 до 3163 преступлений в регионе против 1240 в РСФСР¹⁵.

Рост убийств прервался в начале перестройки, но вскоре возобновился. В 1988 г. в селах региона убили 600 чел., в 1989 г. – 695, в 1990 г. – 836, в 1991 г. – 811 чел.¹⁶ С 1960 по 1990 г. уровень убийств здесь вырос в 4,6 раза – до 32,4 чел. на 100 тыс. жителей и вдвое превысил средний показатель по селам РСФСР (15,4 чел.)¹⁷. По убийствам сельская местность Восточной Сибири была «рекордсменом» в России, а в ней – Тува, в деревнях которой их уровень за 1988–1991 гг. поднялся с 50,7 до 94,3 чел. на 100 тыс.¹⁸, что было в 6 раз выше среднего по российским селам и в несколько раз выше, чем в любом административном образовании РСФСР. На остальной территории региона он также намного превышал среднероссийский показатель и колебался в 1990–1991 гг. от 25–27 чел. на 100 тыс. жителей в Бурятии до 39,0 чел. в Иркутской обл. В Восточной Сибири убийств было больше в деревнях, чем в городах (26,3 чел. на 100 тыс. жителей в 1990 г.)¹⁹.

Характеристики убитых по возрасту и полу существенно не изменились за 30 лет. В начале 1990-х гг. жертвами убийств по-прежнему являлись в основном лица рабочих возрастов, преимущественно мужчины. Так, 78,5% убитых в 1990 г. красноярцев находились в трудоспособном возрасте, и среди них на четырех мужчин приходилась одна женщина²⁰.

Самоубийства в деревнях Восточной Сибири встречались намного чаще убийств, и они быстро рас-

пространялись. В 1959 г. здесь было учтено 466 случаев, а за следующие 30 лет их число более чем удвоилось и составило 1012 случаев в 1990 г. и 943 – в 1991 г.²¹.

Если количество убийств отражает уровень преступности в обществе, то самоубийств – социально-психологический климат в нем, в том числе масштабы психических заболеваний. О них имеются лишь отрывочные сведения. Так, состоявшие на учете психические больные составляли, по данным Красноярскстата, 1,9 % населения красноярских деревень в 1985 г. и 2,2 % – в 1987 г., т.е. по 2222,6 чел. из 100 тыс. жителей в селах края против 2211,6 чел. в городах²².

Самоубийцами намного чаще были мужчины, но пропорции между полами различались по территории. В 1959 г. соотношение числа мужчин и женщин составляло в деревнях Читинской и Иркутской областей как 2,5–2,6 к 1, Красноярского края и Бурятии – 4,0–4,2 к 1, Тувы – 5,0 к 1²³. Уровень суицидов у женщин и мужчин рос в 1960–1980-х гг. одинаковыми темпами. Поэтому и соотношение между их показателями почти не менялось.

Возрастные характеристики самоубийц тоже принципиально не изменились со временем. Среди них встречались лица всех возрастов. Самые ранние случаи отмечены в группе 10–14 лет, самые поздние – среди лиц старше 80 лет²⁴. У мужчин суициды концентрировались в более узком возрастном интервале. В 1990 г. в красноярских деревнях 82,8 % мужчин-самоубийц находились в рабочих возрастах, в том числе 51,8 % – в интервале от 20 до 40 лет. А пик самоубийств (34,0 % случаев) пришелся на группу 30–39 лет. У женщин случаи ухода из жизни распределялись равномерно по возрастам. Чуть выделялись лишь группы 25–29- и 55–59-летних²⁵.

ВОЗ считает средним уровнем самоубийств 10–19 случаев на 100 тыс. чел., высоким (критическим) – 20 и более. По этим критериям, их уровень в 1959 г. был уже высоким в иркутских деревнях (19,2 чел. на 100 тыс. жителей), на остальной территории – средним (15,2 чел.)²⁶. За 1960–1980-е гг. он поднялся в целом по селам региона в 2,5 раза – до 39,3 чел. в 1990 г. Заметный прирост дали 1988–1990 гг., когда вместе с обострением кризиса в обществе уровень самоубийств вырос на 10,1 %, в том числе на 26,0 % в читинской деревне и на 29,0 % в селах Тувы²⁷.

На рубеже 1980–1990-х гг. в деревнях Восточной Сибири самоубийцы составляли пятую часть всех по-

¹² Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 27. Д. 834. Л. 81, 145.

¹³ Подсчитано по тем же данным.

¹⁴ ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 31. Д. 765. Л. 1 об., 13 об., 25 об, 49 об., 97 об.

¹⁵ Показатели социального развития... С. 609–616.

¹⁶ Подсчитано по данным ТА Госкомстата РФ.

¹⁷ Численность, состав и движение населения... С. 257–260.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 257–260.

²⁰ Подсчитано по: Демографический ежегодник Красноярского края. 1997. Красноярск, 1998. С. 102–104, 111–113.

²¹ Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1646, 1649, 1656–1658; ГА РФ. Ф. А-364. Оп. 31. Д. 785. Л. 1 об.; Численность, состав и движение населения... С. 260.

²² Данные ТА Красноярскстата.

²³ Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1646, 1649, 1656–1658.

²⁴ ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 31. Д. 765. Л. 1 об., 13 об., 25 об., 49 об., 97 об.

²⁵ Подсчитано по данным ТА Красноярскстата.

²⁶ Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1646, 1649, 1656–1658; ГА РФ. Ф. А-364. Оп. 31. Д. 785. Л. 1 об.

²⁷ Подсчитано по данным ТА Госкомстата РФ.

гибших от внешних причин. Уровень суицидов там был на четверть выше, чем в городах региона (31,4 чел. в 1990 г.), и в селах республики (32,8 чел.)²⁸. Наибольший уровень самоубийств в течение всего срока отмечен у иркутян, наименьший – у сельских жителей Тувы (соответственно по 45,2 и 30,7 чел. в 1990 г.)²⁹. Эти показатели значительно превышали среднероссийские, а Россия уже с 1970-х гг. занимала первые места по этому показателю среди стран мира. К 1995 г. число самоубийств в ней выросло до 41 случая на 100 тыс. жителей, и ВОЗ признала ее страной, находящейся в «вылотекущей чрезвычайной ситуации». А села Восточной Сибири такого «состояния» достигли еще в конце советского периода.

«Упрямый» рост смертности от внешних воздействий был одним из главных «виновников» низкой продолжительности жизни в восточносибирской деревне. За три десятилетия она мало выросла у женской части населения, а у мужской даже сократилась. В 1958–1959 гг. мужчинам предстояло прожить 62,4 года, женщинам – 70,0 лет, в 1990–1991 гг. – соответственно 60,4 и 71,6 года. Славившимся «легендарным» здоровьем сибирякам так и не удалось достичь среднего по российским деревням показателя. Более того, в конце 1950-х гг. у мужчин жизнь была короче на 0,5, а через 30 лет – на 1,3 года, у сибирячек – соответственно на 1,3 и 2,3 года³⁰.

В постсоветский период сельские жители региона вступили с тяжелым социодемографическим наследием – самой высокой в России смертностью от повреждений. По мнению демографов, «место России на мировой шкале травматической смертности – из ряда вон выходящее. Как правило, такая смертность... в странах с низким уровнем развития или там, где часты войны и гражданское насилие» [2, с. 339].

В селах Восточной Сибири был выше, чем в селах других российских регионов, уровень большинства видов травматической смертности – суицидов, убийств, случаев употребления алкоголя и т.д. Главной составляющей в ее структуре в течение тридцатилетия была неумышленная смертность, но резко увеличилась доля умышленной – убийств и самоубийств.

Огромный разброс показателей смертности от одинаковых причин по территории Восточной Сибири свидетельствует, что она являлась слабоуправляемым процессом. Например, в 1991 г. от внешних воздействий погибли от 397,2 чел. из 100 тыс. мужчин рабочего возраста в красноярских деревнях до 753,0 чел. в Туве³¹.

Приведенные выше цифры красноречивы и не требуют комментариев. За ними не просматривается бурный рост благосостояния сельчан. Напротив, цифры

свидетельствуют о глубоком кризисе, который пережило сельское общество в последние десятилетия советской эпохи. Этот вид смертности, будучи продуктом действия сложного комплекса факторов, очень зависел от витального поведения людей. Оно же у сельчан-сибиряков не заслуживало высокой оценки, а, напротив, их социальное здоровье в изучаемый период достигло критической отметки.

Качество жизнесохранительного поведения сибиряков определялось общими и специфическими причинами. Прежде всего, низким уровнем жизни, который не удовлетворял их базовых потребностей. Известно, что в плохих жизненных условиях здоровье не воспринимается как высшая цель, а используется для достижения насущных целей (заработков и т.п.). Свою лепту в формирование витального поведения людей вносили советские общественные ценности, в системе которых здоровье и жизнь индивидов часто приносились в жертву общественным ценностям. Кроме того, сибиряки имели особый менталитет. В регионе – традиционном месте отбывания наказаний – цена жизни не была высокой. Негативную роль играл и очень высокий удельный вес в деревне «неместных уроженцев», вызвавший маргинализацию сельского общества, постоянное присутствие в нем разного рода «покорителей Сибири», шабашников и т. д.

Пренебрежение жизнью – своей и чужой – стало у сибиряков обыденной повседневной практикой, настолько прочно вошло в их поведенческие стереотипы, что они продолжали воспроизводить саморазрушительное поведение с нарастающей быстротой и в постсоветское время. Так, к 2005 г. уровень смертности от повреждений достиг в иркутских деревнях 346,2 чел. на 100 тыс. жителей, в красноярских – 363,4 чел., в читинских – 401,9, в сельской местности Бурятии – 416,6, Хакасии – 472,2, Тувы – 486,0, Эвенкии – 507,9 чел. против 256,1 чел. по селам РФ³². Структура причин этой смертности почти не изменилась. Только число смертей выросло – практически от каждой из причин. Например, в красноярских деревнях в 2000 г. умерли от повреждений 310,6 чел. из 100 тыс. жителей, в том числе от самоубийств – 61,5 чел., от убийств – 46,8, отравлений алкоголем – 44,1, от всех транспортных травм – 30,8 чел.³³.

Приведенные в работе цифры отражают, на первый взгляд, давно пройденный этап жизни в советской деревне. Но они приобретают новый смысл при сравнении со статистикой 2000-х гг., которая показывает, что проблема борьбы со смертностью от внешних причин стала еще актуальнее в сибирском регионе. Все ее характеристики свидетельствуют об остроте ситуации и о важности изучения ее, в том числе в советском прошлом. А цифры конкретизируют масштаб унаследованных проблем, требующих решения.

²⁸ Подсчитано по: Численность, состав и движение населения... С. 257–260.

²⁹ Там же. С. 260.

³⁰ Подсчитано по: ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 32а. Т. 2. Д. 4926. Л. 232; Численность, состав и движение населения... С. 393, 398.

³¹ Численность, состав и движение населения... С. 343.

³² Демографический ежегодник России – 2006. URL: http://www.buch.ru/buch/demograficheskij_ezhegodnik_rossii_2006.php (дата обращения: 23.03.2018)

³³ Подсчитано по тем же данным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Славина Л.Н. Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.). Красноярск, 2007. 471 с.
2. Демографическая модернизация России. 1900–2000 / под ред. А.Г. Вишневого. М., 2006. 608 с.
3. Население России в XX веке: Исторические очерки: в 3 т. М., 2005. Т. 3, кн. 1: 1960–1979. 304 с.
4. Население России в XX веке: Исторические очерки: в 3 т. М., 2011. Т. 3, кн. 2: 1980–1990. 295 с.
5. Смертность от внешних причин в России с середины XX века / науч. ред. А.Г. Вишневы. М., 2017. 448 с.

REFERENCES

1. Slavina L. N. The rural population of East Siberia (1960s–1980s). Krasnoyarsk, 2007, 472 p. (In Russ.)
2. Vishnevskii A. G. (ed.) Demographic modernization of Russia. 1900–2000. Moscow, 2006, 608 p. (In Russ.)
3. The population of Russia in the XX century: historical essays. Moscow, 2005, vol. 3, bk. 1: 1960–1979, 304 p. (In Russ.)
4. The population of Russia in the XX century: historical essays. Moscow, 2011, vol. 3, bk. 2: 1980–1990, 295 p. (In Russ.)
5. Vishnevskii A. G. (ed.) Mortality due external causes in Russia since the mid-XX century. Moscow, 2017, 448 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 14.01.2019

DOI: 10.15372/HSS20180216
УДК. 323.11 (574)

С.К. ЖЕТПЫСБАЕВ

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В КАЗАХСТАНЕ: ФАКТОР СТАБИЛЬНОСТИ И ЕДИНСТВА НАРОДА КАЗАХСТАНА

Ассамблея народа Казахстана Павлодарской области Республики Казахстан.
Республика Казахстан, 146000,
Павлодарская область, г. Павлодар, ул. 1 Мая 35/1

В статье дается анализ демографической ситуации в Казахстане конца XX – начала XXI в., обзор трудов демографов, историков, социологов, политологов, а также представителей других научных направлений, связанных с проблемами демографической истории страны. Показана полиэтничность казахстанского общества, динамика состояния и развития численности составляющих его этносов, миграционных процессов, особенно интенсивно протекающих у оралманов. Показано значение программ модернизации экономики республики, реализация которых способствовала увеличению рождаемости в стране, улучшению демографической ситуации.

Ключевые слова: демография, этнос, миграция, оралманы, иммиграция, межэтнические отношения, Республика Казахстан, репатрианты, национальность, диаспора, независимость.

S.K. ZHETPYSBAYEV

DEMOGRAPHIC SITUATION IN KAZAKHSTAN: THE FACTOR OF STABILITY AND UNITY OF THE PEOPLE OF KAZAKHST

Assembly of People of Kazakhstan in Pavlodar region, Republic Kazakhstan,
35/1, the 1st May str., Pavlodar, Pavlodar region, 146000, Republic of Kazakhstan

The author has consistently and comprehensively studied the indicators and reasons of cardinal population changes in the country in the 1990s, analyzing the current demographic development of Kazakhstan during the period of independence. The article defines the “terms” encountered in the process of studying the demographic situation in the republic. It shows the main stages of Kazakhstan demographic development during the transition period based on statistical indicators synthesis. In theoretical and methodological regard, the study considers the role of an individual as the main participant in the migration process.

The author carries out analysis of problems of the history of the Kazakh diaspora and issues of its repatriation to the historical homeland; considers the reasons of migratory processes, adaptation and integration of “oralmans” in the Kazakhstan society in a context of its growing human capital and intellectual potential. It shows their contribution and role in developing language, traditions, customs and culture of the Kazakh people. Nowadays migration is a factor in restoring the demographic balance in the republic.

The article investigates and represents factors influencing the population abundance change and growth, the birth rate increase, the economic processes role in the transition period and their effect on socio-demographic processes. It examines the ethnic history in the Kazakh context. The study objective is to trace the history of ethnic groups settlement in the country, to characterize the modern demographic condition of Kazakhstan people taking into account its specifics. The article is of interest as an experience of studying the ethnos migration process (including “oralmans”), which has been formed and transformed during the XX–XXI centuries in Kazakhstan. In the article the interethnic relations viewed through the prism of profound changes in the ethnic composition of Kazakhstan population.

Key words: ethnos, nation, demography, migration, oralman, immigration, national composition, population, interethnic relations, language, culture, people unity.

Сейсембай Калижанович Жетпысбаев – канд. экон. наук, заместитель председателя, заведующий секретариатом, Ассамблея народа Казахстана Павлодарской области Республики Казахстан, e-mail: sank-pavlodar2012@mail.ru.

Seisenbai K. Zhetpysbayev – Candidate of Economic Science, Deputy Chairman, Head of the Secretariat, Assembly of People of Kazakhstan in Pavlodar region, Republic Kazakhstan.

Динамика демографических процессов, особенно миграционная активность этносов, в период становления и развития независимости Казахстана в условиях рыночной экономики стала предметом исследования многих специалистов. Одна из первых обобщающих работ по демографическим процессам в Казахстане принадлежит Н.Е. Бекмахановой [1]. Ею введены в научный оборот новые архивные источники, показана динамика численности, расселение, сословный, национальный и гендерный состав населения на изучаемой территории. В трудах Н.В. Алексеенко [2] исследованы данные всеобщей переписи населения, изучена система статистического учета, определены ее проблемные зоны, дан анализ миграционной подвижности населения.

Однако большинство существующих научных трудов тематически и хронологически ограничиваются исследованием демографических вопросов, относящихся ко второй половине XIX и XX вв. Сложность выявления достоверных данных по численности казахского народа в более ранний период заключается в практическом отсутствии статистических сведений и весьма ограниченном круге письменных источников, содержащих демографические данные. Все это сужает поле исследования данного вопроса [3, с. 34].

В полиэтнических государствах исследование динамики численности населения и других демографических процессов представляется более перспективным не только по административно-территориальному делению, но и по этническому составу. Следует отметить, что термин «демография» появился в середине XIX в. во Франции, а его активное использование в советской научной литературе начинается только с середины XX в. [4, с. 8].

Особый интерес вызывают миграционные процессы. Миграция этническая в латинском (*migratio* – переселение, в казахском – этностық көші-қон, в английском – *ethnic migration*) – это территориальное перемещение представителей различных этнических общностей, покидающих по различным причинам территорию своего государства с целью временного трудоустройства на территории принимающего государства [5, с. 279]. Оралман в русском языке – возвращенец, в английском – иностранец или лицо без гражданства казахской национальности, постоянно проживающее на момент приобретения суверенитета Республики Казахстан за ее пределами и прибывшее в Казахстан с целью постоянного проживания [5, с. 292]. Важнейшим источником для изучения миграционных процессов являются переписи населения. На территории Казахстана всеобщие переписи населения проводились в 1897, 1926, 1937, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989, 1999 гг. [6, с. 7]. Перепись 1999 г. была первой национальной переписью, которую проводил Казахстан как суверенное государство. В Послании Президента страны к народу Казахстана «Казахстан – 2030» особо отмечено: «... в ранг ведущих приоритетов национальной безопасности должна быть выдвинута сильная демографическая и миграционная политика» [7].

Следует рассмотреть причины активизации эмиграционных настроений. Так, стимулом для первой «волны» эмиграции начала 1990-х гг. послужили политический и психологический факторы, вызванные распадом единой советской державы, крушением прежних идеалов, отсутствием уверенности в завтрашнем дне. Генератором второй «волны» 1997 г. представляется затяжной социально-экономический кризис, преодоление которого намечалось лишь в 1998–1999 гг. [8, с. 167]. Миграция представляет собой один из наиболее динамичных способов массового реагирования населения на быстро меняющуюся социально-экономическую и социально-политическую ситуацию.

Миграционный поток в Казахстан был инициирован уже к концу существования Советского Союза. В качестве примера можно привести письмо исполнительного комитета Семипалатинского областного совета народных депутатов в Кабинет министров Казахской ССР о приглашении на постоянное место жительства граждан казахской национальности из Монголии от 25 марта 1991 г. [9, с. 56]. Народные депутаты аргументировали свою позицию не стремлением к исторической справедливости, а дефицитом трудовых ресурсов в животноводческих районах области и слабым притоком работников в животноводство. По состоянию на июль 1991 г. прибыло 893 семьи, из них: 572 семьи – в Талды-Курганскую область, 221 – в Семипалатинскую область, 47 – в Кустанайскую область и 53 семьи – в Алма-Атинскую область [9, с. 56]. Основной миграционный обмен Казахстана происходит со странами СНГ, составляя 80 % внешнего миграционного оборота. Но в отличие от некоторых других стран бывшего Советского Союза, где нашли проявления антирусские настроения, Казахстан проводит политику, направленную на единство и дружбу народов, населяющих республику.

Миграционным процессам уделяется постоянное внимание государства [10, с. 64]. Первое государственное решение, положившее начало процессу переселения этнических казахов из-за рубежа на историческую родину было принято 18 ноября 1991 г. За эти годы численность населения страны пополнил 1 млн этнических казахов – оралманов (репатриантов). Благодаря инициативам Президента страны открылся широкий путь для возвращения этнических казахов из-за рубежа – «Қазақ көші». Казахстан стал одной из трех стран в мире, принявших государственную программу по возвращению соотечественников. Для осуществления намеченных целей в ноябре 2005 г. Президент страны Н. Назарбаев подписал указ «О Государственной программе поддержки соотечественников, проживающих за рубежом, на 2005–2007 годы». Кроме того, был принят ряд законодательных актов, обеспечивающих регулирование миграционных процессов: Закон Республики Казахстан (далее – РК) «О миграции населения» 1997 года¹; указ

¹ Закон Республики Казахстан «О миграции населения 1997 года» // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 1997, № 24 (2265). 25 дек. С. 228–247.

Президента РК «О квоте иммиграции оралманов на 2005–2007 годы», Отраслевая программа миграционной политики Казахстана на 2001–2010 годы; Инструкция «О порядке определения статуса репатрианта (оралмана), реэмигранта, переселенца, а также вынужденного переселенца» [11, с. 35]. В 2015 г. были приняты изменения и дополнения к программе «Қазақ көші» благодаря которым за девять месяцев 2016 г. на историческую родину вернулись 24 тыс. чел., тогда как в 2015 г. только 5 тыс. оралманов¹. Государственная программа по переселению этнических казахов на родную землю продолжается.

Такая политика дала свои плоды: сегодня репатрианты являются полноправными гражданами республики. Они успешно развивают экономику и культуру, поднимают статус казахского языка и обогащают народные традиции, укрепляя независимость страны. На январь 2008 г., по данным Министерства труда и социальной защиты РК, за период независимости в республику прибыло из иностранных государств 169 681 семей² с численностью 664 949 чел. [12, с. 23]. Причем наибольшее их количество размещено в Южно-Казахстанской, Алматинской, Жамбылской областях. Наименьшая плотность отмечена в Атырауской, Западно-Казахстанской, Актюбинской областях. По неофициальным данным, вне квоты за тот же период прибыло до 1 млн этнических казахов. Таким образом, к 2008 г. в Казахстане проживало около 1,5 млн оралманов.

Объективно оценивать миграционную ситуацию в Казахстане позволяет Концепция миграционной политики Республики Казахстан. Согласно данной концепции, «в эмиграции превалирует отъезд представителей русскоязычного населения, ранее сосланных в Казахстан при царизме, депортированных в годы сталинского режима, направленных на освоение целинных и залежных земель. В иммиграции преобладает приток этнических казахов, который вызван следующими обстоятельствами: желанием сохранить свою национальную идентичность, следствиями военных конфликтов, желанием вернуться на историческую родину». Очевидно, что оба эти фактора являются взаимовлияющими.

Поскольку страна была не совсем готова к приему прибывающих оралманов, миграция сопровождалась большими трудностями: проблемы были с жильем, трудоустройством, пенсионным обеспечением, принятием гражданства и т.п. Стремясь облегчить адаптацию соотечественников-репатриантов, государство создавало центры по адаптации, организовывало курсы подготовки, обучения, занималось трудоустройством, оказывало психологическую и социальную помощь и т.д.

Сегодня Республика Казахстан – девятая по площади страна мира, однако по численности населения она занимает в мире только 63-е место [13, с. 14]. Казах-

стан граничит с пятью государствами и является многонациональным государством. В соседних государствах сложились многочисленные казахские диаспоры: в Китайской Народной Республике – 1 млн 980 тыс.; Узбекистане – 1 млн 660 тыс.; Российской Федерации – 1 млн 310 тыс.; Туркменистане – 86 987 казахов; Кыргызстане – около 45 тыс. казахов [14, с. 71]. Многие из них возвратились на историческую родину. Например, с 1991 по декабрь 2003 г. из ближнего зарубежья прибыли в Казахстан: из Узбекистана – 43 091 семей, 160 499 чел., из Туркменистана и других государств соответственно 9437 и 34 095; Российской Федерации – 4676 и 12 787; Китайской Народной Республики – 2200 и 7250; Кыргызстана – 344 и 1363 [14, с. 71].

Среди стран СНГ после Российской Федерации, Украины и Узбекистана Казахстан занимает по числу жителей 4-е место, а по территории – 2-е место [15, с. 24]. По итогам переписи населения 2009 г., численность населения республики составила 16 млн чел., а доля казахов в общей численности населения страны увеличилась на 63,1% (достигнув 10 млн 096 тыс. чел.). Численность русских уменьшилась на 15,3 % (составив 3 млн 793 тыс. чел.) [16, с. 13]. Так, по данным Комитета статистики Министерства национальной экономики Республики Казахстан, в 2012 г. за пределы республики выехало 22 047 граждан Казахстана русской национальности; в 2013 г. – 17 072 чел.; в 2014 г. – 20 287 чел. За первый квартал 2015 г. выехало 3138 русских, т.е. объем внешней миграции русских остается на уровне предыдущих лет [13, с. 14]. При этом наибольшее снижение численности населения произошло в промышленно развитых регионах страны за счет оттока за рубеж населения из Карагандинской, Восточно-Казахстанской, Акмолинской, Костанайской, Северо-Казахстанской и Павлодарской областей.

Внешняя миграция коснулась в основном русских, немцев и украинцев. Так, среди выбывших из Казахстана в 1994 г. 400 тыс. чел. более половины составляли русские, 26 % – немцы [17, с. 183]. По результатам выборочного социологического обследования, проведенного республиканским центром изучения общественного мнения Министерства труда РК, в Алматинской, Карагандинской, Кустанайской, Павлодарской и Южно-Казахстанской областях, в 1994 г. было опрошено 1300 респондентов и выявлено, что главными мотивами, побуждающими отток населения из Казахстана, являются факторы экономического и этнического характера. Углубление кризисных явлений в экономической сфере, социальная незащищенность населения в условиях перехода к рынку, дальнейшее снижение уровня жизни, а также этнический фактор влияли на интенсивность миграционных процессов. Так, в планы 64,6 % респондентов немецкой национальности входили намерения уехать из Казахстана, белорусской – 34,6 %, русской – 20,2 % и украинской национальности – 18,7 %. Подавляющее большинство респондентов (93,6 %), собиравшихся покинуть Казах-

² Шулембаева П.С. С любовью к Родине // Казахстанская правда. 2016. 19 нояб. С. 12.

стан, имели родственников за пределами Казахстана. При этом только две страны назывались в качестве желаемых для уезжающих из Казахстана: Россия (49,7 %) и Германия (36,7 %).

Необходимо отметить, что 2/3 рускоязычных респондентов ощущают себя полноправными гражданами Республики Казахстан, а в качестве основных причин эмиграции выступают не политические, а экономические (рост цен, экономический кризис, снижение уровня жизни). Одной из важных по значимости причин отмечается желание обеспечить перспективы для своих детей. При этом межнациональные отношения как напряженные оценивали только 11,2 % опрошенных, как хорошие и стабильные – 59,7 % [18, с. 231]. В основном уезжали люди трудоспособного возраста и квалифицированные специалисты, особенно из промышленных и энергетических регионов республики; их отъезд причинил ощутимый экономический ущерб ведущим отраслям народного хозяйства, потребовались безотлагательные меры по регулированию масштабов миграции. К ним можно отнести: быстрое оздоровление экономики, стабилизация роста цен и повышение уровня жизни населения; установление взаимовыгодных и взаимоприемлемых отношений с Россией с целью выработки совместных решений по проблемам миграции и др.

Вместе с тем миграция для Казахстана становится существенным источником пополнения как общей численности населения городов, так и трудовых ресурсов. Большинство национальностей остались жить в Казахстане, приняли гражданство. Они обрели здесь настоящее Отечество. Прекратившийся в последние два–три года отток русских и других этносов на историческую родину свидетельствует о том, что за указанный период в Казахстане не произошло событий, резко изменивших настроение людей и повлиявших на формирование их миграционных намерений.

По статистическим данным, численность населения республики на 1 октября 2012 г. составила 16,9 млн чел. [16, с. 11]; а на апрель 2014 г. – 17 млн 221 тыс. чел., в том числе городского – 9 млн 476 тыс. (55 %), сельского – 7 млн 744 тыс. чел. (45 %). Увеличение численности населения произошло в основном за счет естественного прироста, а также благодаря миграционному притоку оралманов. Казахстан сегодня – типичное полиэтничное государство, в котором вторым по численности этносом являются русские.

В составе населения республики наиболее многочисленными являются семь национальностей – казахи, русские, украинцы, узбеки, немцы, татары, уйгуры, на их долю приходится 95,6 % населения страны. Доля других национальностей составляет соответственно 4,4 % [16, с. 11]. В стране представлены все этносы Евразийского континента. Полиэтничность казахстанского общества является исторической реальностью и конкурентным преимуществом в современных условиях.

В заключение следует отметить, что анализ демографической ситуации, изменений, произошед-

ших в стране за переходный период, свидетельствует о том, что новые экономические условия повлияли на рост показателей естественного прироста населения, увеличение рождаемости в республике. К 25-летию независимости Казахстана общая численность населения превысила 17-миллионный рубеж. Миграция как важный механизм пополнения человеческих ресурсов способствовала увеличению численности народонаселения страны.

Целенаправленная демографическая политика в Казахстане в 1991–2016 гг. была признана одним из ведущих приоритетов национальной безопасности республики. Главное богатство в каждом государстве – его население. Модернизация и быстрое развитие экономики, создание новых рабочих мест могут стать надежным фундаментом Казахстана в реализации демографической политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху империализма (60-е годы XIX в. – 1917 г.). М.: Наука, 1986. 244 с.
2. Алексеенко Н.В. Население дореволюционного Казахстана: численность, размещение, состав [1870–1914 г.]. Алма-Ата: Наука, 1981. 112 с.
3. Лапин Н.С. К вопросу об исторической демографии казахов в новое время (численность, способы подсчета) // Ылкетану [Краеведение]. 2014. № 1–2. С. 34–41.
4. Абдилдабекова А.М. Основные векторы изучения демографической истории Казахстана на современном этапе // Вестник КазНУ. 2012. № 4 (67). Серия историческая. С. 8–11.
5. Этнополитический словарь. Астана, 2014. 400 с.
6. Такижбаева Н.З. Статистика населения как историко-демографический источник // САЯСАТ–POLICY. 2000. № 12. С. 6–11.
7. Назарбаев Н.А. Казахстан – 2030. Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев. Послание президента страны народу Казахстана. Алматы: Білім, 1998. 96 с.
8. Айтказина З.Н. Миграция городского населения Казахстана в конце XX – начало XXI в. (1990–2005 г.) // Вестник КазНУ. 2007. № 2. Серия историческая. С. 162–168.
9. Харченко С.В. Межэтнические отношения в Казахстане: историческое наследие и современное состояние // СОЦИС. 2014. № 2. С. 55–58.
10. Жангуттина Г.О. Теоретические и практические аспекты миграционных вопросов в условиях глобализации // Аль Пари. 2011. № 1. С. 64–66.
11. Елмурзаева Р. Демографические и миграционные проблемы Казахстана // Мысль. 2008. № 1. С. 34–39.
12. Ракишева Б. Сладкий дым Отечества // Мысль. 2008. № 1. С. 23–28.
13. Настроения русских, живущих в Казахстане // Единство в многообразии. 2015. № 4. С. 14–17.
14. Шаймерденова Г. Миграция и развитие межнациональных отношений // Мысль. 2008. № 11. С. 71–76.
15. Демографическая характеристика населения Республики Казахстан: 5 лет спустя после переписи населения 1999 г. // Труд в Казахстане. 2004. № 5. С. 24–27.
16. Этности Казахстана. Алматы, 2012. 320 с.
17. Баймагамбетов С.З. Демография как важный фактор социальной политики государства // Вестник ПГУ. 2001. № 2. С. 182–185.
18. Архив Президента Республики Казахстан. История Казахстана. Документы и материалы (1917–2012). Астана: Регис-СТ Полиграф, 2017. 320 с. № 87.

REFERENCES

1. *Bekmakhanova N.E.* The multinational population of Kazakhstan and Kyrgyzstan in the age of imperialism (60s of the XIX century – 1917). Moscow: Nauka, 1986, 244 p. (In Russ.)
2. *Alekseenko N.V.* Population of pre-revolutionary Kazakhstan: number, location, composition [1870–1914]. Alma-Ata: Nauka, 1981, 112 p. (In Russ.)
3. *Lapin N.S.* On the issue of the historical demography of Kazakhs in modern times (numbers, ways of counting). *Ølketanu. Kraevedenie*, 2014, no. 1–2, pp. 34–41. (In Russ.)
4. *Abdildabekova A.M.* The main vectors of studying the demographic history of Kazakhstan at the present stage. *Vestnik KazNU*, 2012, no. 4, pp. 8–11. (In Russ.)
5. Ethnopolitical dictionary. Astana, 2014, 400 p. (In Russ.)
6. *Takizhbaeva N.Z.* Population statistics as a historical-demographic source. *SAYASAT-POLICY*, 2000, no. 12, pp. 6–11. (In Russ.)
7. *Nazarbayev N.A.* Kazakhstan – 2030. Prosperity, security and improvement of well-being of all Kazakhstan people. The message of the President to the people of Kazakhstan. Almaty: Bilim, 1998, 96 p. (In Russ.)
8. *Aytkazina Z.N.* Migration of the urban population of Kazakhstan in the late XX – early XXI centuries (1990–2005). *Vestnik KazNU*, 2007, no. 2, pp. 162–168. (In Russ.)
9. *Kharchenko S.V.* Interethnic relations in Kazakhstan: historical heritage and current state. *SOTSIS*, 2014, no. 2, pp. 55–58. (In Russ.)
10. *Zhanguttina G.O.* Theoretical and practical aspects of migration issues in the globalization context. *Al Pari*, 2011, no. 1, pp. 64–66. (In Russ.)
11. *Elmurzaeva R.* Demographic and migration problems of Kazakhstan. *Mysl'*, 2008, no. 1, pp. 34–39. (In Russ.)
12. *Rakisheva B.* Sweet home of the Fatherland. *Mysl'*, 2008, no. 1, pp. 23–28. (In Russ.)
13. The mood of Russians living in Kazakhstan. *Edinstvo v mnogoobrazii*, 2015, no. 4, pp. 14–17. (In Russ.)
14. *Shaimerdenova G.* Migration and development of interethnic relations. *Mysl'*, 2008, no. 11, pp. 71–76. (In Russ.)
15. Demographic characteristics of the Republic of Kazakhstan population: 5 years after the 1999 census. *Trud v Kazakhstane*, 2004, no. 5, pp. 24–27. (In Russ.)
16. Ethnic groups of Kazakhstan. Almaty, 2012, 320 p. (In Russ.)
17. *Baimagambetov S.Z.* Demography as an important factor in the state social policy. *Vestnik PSU*, 2001, no. 2, pp. 182–185. (In Russ.)
18. Archive of the President of the Republic of Kazakhstan. History of Kazakhstan. Documents and materials (1917–2012). Astana: Regis-ST Polygraph, 2017, no. 87, 320 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 10.12.2018

DOI: 10.15372/HSS20190117
УДК 001.83(571+476)“1990/2009”

Н.А. КУПЕРШТОХ

СОТРУДНИЧЕСТВО УЧЕНЫХ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН И НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ В 1990–2000-е гг.

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. ак. Николаева, 8

В статье исследуются история и современное состояние сотрудничества ученых Сибирского отделения Российской академии наук (СО РАН) и Национальной академии наук (НАН) Беларуси, истоки которого следует искать в середине XX в. С созданием в Сибири в 1957 г. крупнейшего в СССР комплексного научного центра в его новые институты приехали работать многие представители европейских научных школ, в том числе из Белорусской ССР. Установившиеся в советский период интеграционные связи между сибирскими и белорусскими институтами с начала 1990-х гг. претерпели существенные изменения и наполнились новым содержанием. В статье анализируются основные направления международного сотрудничества в 1990–2000-е гг., самой значимой частью которого является реализация совместных исследовательских проектов. Источниками для исследования послужили опубликованные отчеты о научно-исследовательской и научно-организационной деятельности СО РАН, материалы президиума СО РАН, материалы периодической печати. Опыт, накопленный учеными СО РАН и НАН Беларуси в этой сфере, является уникальным и нуждается в изучении и обобщении.

Ключевые слова: международное сотрудничество, исследовательские проекты, Сибирское отделение РАН, Национальная академия наук Беларуси, академик В.А. Коптюг, академик Н.Л. Добрецов, академик А.Л. Асеев, академик В.Н. Пармон.

N.A. KUPERSHTOKH

RESEARCH COOPERATION OF SCIENTISTS OF THE SIBERIAN BRANCH OF RAS AND THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS IN 1990–2000s

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 6300090, Russian Federation

The history of scientists' cooperation between the Siberian region of Russia and the Republic of Belarus has not been covered in historiography yet. The article objective is to reconstruct the history, study the current state of international research cooperation between the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences and the National Academy of Sciences of Belarus in the 1990–2000s identifying its main areas. The roots of scientific collaboration of the Siberian Branch of RAS and the National Academy of Sciences of Belarus can be traced back to the mid XX century. In 1957, when the largest integrated scientific center in the USSR started to be created in Siberia, the representatives from European scientific schools, including those from the Belorussian SSR, came to work in its new institutes. Siberian scientists of the Belarusian origin working in scientific institutions of Siberia are well known to the world scientific community for their contribution to the relevant fields of knowledge, among them are geologist A.A. Trofimuk, chemist V.A. Koptug, physical chemist V.N. Parmon. In the post-Soviet period, it was the “Belarusian vector”, that played the decisive role in restoring international cooperation with scientists from neighboring countries. The integration ties established between the Siberian and Belarusian institutions in the Soviet period since the early 1990s underwent significant changes and took on new meaning. The article analyzes the key areas of international collaboration of which the most significant part was implementing joint research projects. The author concludes that the experience gained by scientists of SB RAS and the National Academy of Sciences of Belarus in this sphere is unique and needs further study and synthesis. The study sources include published reports on research and organizational activities of SB RAS, materials of the SB RAS' Presidium and press.

Key words: international cooperation, research projects, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, National Academy of Sciences of Belarus, Academician V.A. Koptug, Academician N.L. Dobretsov, Academician A.L. Aseev, Academician V.N. Parmon.

Наталья Александровна Куперштох – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: nataly.kuper@gmail.com.

Natalia A. Kupershtokh – Candidate of Historical Sciences, senior researcher, Institute of History SB RAS.

Международное сотрудничество Сибирского отделения АН СССР/РАН является неотъемлемой частью его многогранной деятельности. Так, Новосибирский научный центр (ННЦ) с самого начала его организации позиционировался как центр, органично интегрированный в мировую науку. Проблема развития международного сотрудничества сибирских ученых нашла отражение в ряде работ [1; 2; 3]. Однако история научной кооперации ученых Сибирского отделения РАН и Национальной академии наук Республики Беларусь пока не получила освещения в историографии. Актуальность данной проблемы была подчеркнута участниками круглого стола «Россия и Беларусь: международные связи сибирских ученых», организованного в феврале 2018 г. в Институте истории СО РАН гуманитарными институтами ННЦ и отделением посольства Республики Беларусь в г. Новосибирске. В выступлениях участников круглого стола отмечалось, что одним из перспективных направлений изучения международного сотрудничества СО РАН является история развития научных связей и кооперации сибирских и белорусских ученых, которая складывалась на протяжении более чем шести десятилетий – с момента организации СО АН СССР в 1957 г. [4].

Цель данной статьи – реконструкция истории и изучение современного состояния сотрудничества ученых Сибирского отделения РАН и Национальной академии наук Беларуси в 1990–2000-х гг., выявление основных направлений этого сотрудничества. Источниковой базой исследования послужили опубликованные отчеты о научно-исследовательской и научно-организационной деятельности СО РАН, материалы Президиума СО РАН, материалы периодической печати.

Истоки современного сотрудничества ученых Сибирского отделения РАН следует искать в середине XX в. Когда в 1957 г. в Сибири начал формироваться крупнейший в СССР комплексный научный центр, в его новые институты приехали работать представители европейских научных школ, в том числе из Белорусской ССР. Сибирские ученые с белорусскими корнями, работавшие и работающие в научных учреждениях Сибири, известны мировому научному сообществу благодаря их вкладу в соответствующие области научного знания. Назовем наиболее известные имена.

Андрей Алексеевич Трофимук (1911–1999) был основателем и в течение 30 лет директором Института геологии и геофизики СО АН СССР/РАН в Новосибирске – самом крупном академическом центре страны в данной области исследований. Учеными института под руководством академика А.А. Трофимука предсказаны и открыты крупные месторождения нефти и газа в Западно-Сибирской и Восточно-Сибирской провинциях [5].

Валентин Афанасьевич Коптюг (1931–1997) вместе с другими учениками академика Н.Н. Ворожцова участвовал в становлении научных направлений Новосибирского института органической химии СО АН

СССР/РАН. Научный и организаторский талант академика В.А. Коптюга раскрылся на посту директора НИОХ, ректора Новосибирского государственного университета, председателя Сибирского отделения АН СССР/РАН. Современникам академик В.А. Коптюг запомнился как последовательный защитник интересов академического научного сообщества в постсоветский период [6].

Валентин Николаевич Пармон (род. в 1948 г.), ученик академика К.И. Замараева, стал выдающимся ученым и организатором науки. Как директор Института катализа в 1995–2015 гг., он сумел превратить институт в современный инновационный центр, в котором успешно сочетаются фундаментальные исследования с прикладными разработками [7]. В 2017 г. академик В.Н. Пармон избран председателем СО РАН. Важнейшей составляющей его деятельности является дальнейшее развитие сотрудничества Сибирского отделения РАН с Национальной академией наук Республики Беларусь.

Деятельность выдающихся ученых-белорусов стала своеобразной скрепой для развития сотрудничества ученых Сибири и Беларуси в постсоветский период, когда сформировавшиеся ранее интеграционные связи оказались под угрозой разрушения. Академик В.А. Коптюг, председатель СО АН СССР/РАН, после преобразования Академии наук СССР в Российскую академию наук (1992 г.) поставил перед сибирскими учеными задачу более интенсивного развития международных связей, создания международных исследовательских центров, интеграции в международное научное сообщество. Он подчеркивал важность координации деятельности ученых не только на национальном, но и на международном уровнях, «поскольку глобальный характер и сложность проблем, которые предстоит решить, выдвигают новые требования к организационной стороне научных исследований и экспертизы» [8, с. 338].

В 1990-е гг. институты Сибирского отделения РАН в поисках устойчивых источников финансирования развивали международные связи преимущественно с научными центрами Великобритании, Германии, Франции, Южной Кореи, Китая, Японии. Основными формами сотрудничества являлись участие в работе крупных научных ассоциаций, научные командировки, стажировки, обмен делегациями, научные мероприятия (симпозиумы, конференции, совещания, коллоквиумы), реализация крупных научных программ и проектов. Однако по мере укрепления научного потенциала Российской Федерации и бывших советских республик – стран ближнего зарубежья, становилась все более очевидной необходимость возобновления давнего сотрудничества на новой основе. Восстановлению научных связей после распада Советского Союза в значительной мере способствовал «белорусский вектор». В 1995 г. в Академии наук Беларуси впервые состоялись выборы иностранных членов, и первым химиком, удостоенным этого звания, стал ученый из Сибири – академик В.А. Коптюг.

В 1997 г., после безвременной кончины академика В.А. Коптюга, Сибирское отделение РАН возглавил академик Н.Л. Добрецов. Он провозгласил курс на развитие научной кооперации не только со странами дальнего зарубежья, но и странами СНГ. По итогам визитов делегаций СО РАН были подписаны договоры о сотрудничестве с НАН Беларуси, Украины, академиями наук Казахстана, Киргизии и Таджикистана¹. Интеграцию СО РАН и НАН Беларуси регулирует Договор о научном сотрудничестве. В постсоветский период впервые такой договор был подписан в 1998 г., когда состоялся двусторонний обмен представительными делегациями ученых и организаторов науки. С тех пор договор между сторонами регулярно обновляется. В том же 1998 г. была учреждена премия имени академика В.А. Коптюга – в память о выдающемся ученом, которую присуждают поочередно СО РАН и НАН Беларуси за достижение выдающихся результатов при выполнении совместных научных исследований в рамках межгосударственных программ, а также за научные открытия и изобретения, имеющие важное значение для науки и практики.

В 1999 г. первыми лауреатами премии им. академика В.А. Коптюга стали академик С.Н. Багаев (Институт лазерной физики СО РАН) и академик А.П. Войтович (НАН Беларуси), награда присуждена за цикл работ «Лазерная спектроскопия высокого разрешения и ее фундаментальное приложение» и значительный вклад в развитие научно-технического сотрудничества ученых Беларуси и Сибирского отделения РАН². С тех пор за результаты, полученные в рамках реализации совместных проектов, престижной премии удостоены десятки ученых Сибири и Беларуси. Список лауреатов премии им. академика В.А. Коптюга представлен на сайте Отделения ГПНТБ СО РАН³.

В 2000-е гг. направления сотрудничества ученых СО РАН и НАН Беларуси значительно расширились. Этому способствовало создание Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации (договор ратифицирован в 2000 г.) В рамках Союзного государства началась реализация межгосударственной программы «Формирование единого научно-технологического пространства», создана комиссия, отвечающая за реализацию этой программы.

В рамках программы научно-технического сотрудничества НАН Беларуси и СО РАН в 2001–2005 гг. выполнялся 51 научно-технический проект по приоритетным направлениям научных исследований, реализовано восемь интеграционных проектов в области химических и энергетических технологий⁴. Решение

о финансировании интеграционных проектов СО РАН с участием ученых стран СНГ, в частности Беларуси, было принято в 2002 г. Организован двусторонний семинар с участием основных исполнителей интеграционных проектов. Целью семинара являлось обсуждение планов совместных работ сибирских и белорусских ученых. В новосибирском Академгородке побывали представители НАН Беларуси: из Института тепло- и массообмена, Института физики твердого тела и полупроводников, Института порошковой металлургии. Их принимали институты СО РАН: Институт теплофизики им. С.С. Кутателадзе, Институт катализа им. Г.К. Борескова, Институт химической кинетики и горения. Итогом встречи делегации НАН Беларуси с руководством СО РАН стало подписание протокола о возможностях расширения программ международного сотрудничества⁵.

С 2006 г. ученые СО РАН и НАН Беларуси приступили к реализации пяти междисциплинарных интеграционных и восьми комплексных проектов по актуальным научным направлениям в области микробиологии и биоинженерии, машиностроения, геохимии, нанотехнологий (реализация проектов была рассчитана на три года). Премией им. академика В.А. Коптюга отмечены лучшие из этих проектов. Соглашение о сотрудничестве между СО РАН и НАН Беларуси предусматривало реализацию крупных инновационных программ, в том числе по созданию совместных научно-производственных центров и предприятий в рамках формируемых технопарковых зон. Одним из удачных примеров интеграции стала деятельность Центра нефте- и лесохимических технологий (соорганизаторы: Институт катализа им. Г.К. Борескова СО РАН, директор – академик В.Н. Пармон; Институт химии новых материалов НАН Беларуси, директор – академик В.Е. Агабеков). Сотрудникам Центра удалось решить ряд важных задач по каталитическим превращениям целлюлозы и лигнина в ценные химические продукты и углеводороды для моторных топлив⁶.

В 2008 г. председателем СО РАН был избран академик А.Л. Асеев. Сотрудничество между СО РАН и НАН Беларуси осуществлялось на основе обновленного Договора от 22 января 2009 г. Спустя полгода, 29 июня 2009 г., в Новосибирске состоялось первое совместное заседание президиумов СО РАН и НАН Беларуси, на котором предложены механизмы развития взаимовыгодного сотрудничества. Одним из значимых направлений были признаны интеграционные проекты. При подведении итогов их реализации в числе успешных названы проекты: «Структурные и электронные свойства трехмерных упорядоченных ансамблей квантовых точек

¹ Сибирское отделение Российской академии наук. 1997–2001 гг. Новосибирск, 2001. С. 131.

² О деятельности Сибирского отделения Российской академии наук в 1999 году. Новосибирск, 1999. С. 4.

³ Премии имени академика Валентина Афанасьевича Коптюга. URL: <http://www.prometeus.nsc.ru/koptyug/prizes.ssi> (дата обращения: 20.08.2018).

⁴ О сотрудничестве РАН и НАН Беларуси и проведении совместных научных исследований // Наука в Сибири. 2007. 23 авг.

(№ 32–33). URL: <http://www.sbras.nsc.ru/HBC/hbc.phtml?2+428+1> (дата обращения: 22.08.2018).

⁵ Сибирское отделение Российской академии наук. 2002–2006 гг. Новосибирск, 2007. С. 203.

⁶ Сибирское отделение Российской академии наук в 2017 году. Международное сотрудничество. URL: <https://www.sbras.ru/files/files/rep-2017-07.pdf> (дата обращения: 12.10.2018).

Ge/Si» (Институт физики полупроводников (ИФП) им. А.В. Ржанова СО РАН, Институт физики (ИФ) им. Б.И. Степанова НАН Беларуси, Институт физики полупроводников НАН Украины, 2009 г.)⁷; «Разработка и исследование наноструктур на основе нитрида галлия для телекоммуникаций» (ИФП СО РАН, ИФ НАН Беларуси, 2011 г.)⁸.

В мае 2012 г. в Минске состоялся форум «Перспективы развития сотрудничества регионов Республики Беларусь и Сибири». Для участия в форуме прибыла делегация Новосибирской области, в составе которой находилась группа ученых СО РАН во главе с академиком С.Н. Багаевым. Намеченные варианты сотрудничества более детально решено было обсудить во время визита в Новосибирск делегации ученых НАН Беларуси. В июне 2012 г. председатель Президиума НАН Беларуси А.М. Русецкий и председатель СО РАН А.Л. Асеев подписали документ – «Памятную записку по итогам визита официальной делегации Национальной академии наук Беларуси в СО РАН», где определили приоритетность проектов для сотрудничества на ближайшую перспективу⁹.

30 декабря 2013 г. подписано Соглашение о создании Совместного центра науки и инновационной деятельности НАН Беларуси и СО РАН. Утверждено Положение об этом центре, в рамках которого намечены: деятельность научно-исследовательского центра нефте- и лесохимических технологий (Институт химии новых материалов НАН Беларуси, Институт катализа им. Г.К. Борескова СО РАН); организация совместной лаборатории инновационных биоинженерных технологий (Институт экспериментальной ботаники им. В.Ф. Купревича НАН Беларуси, Институт биофизики СО РАН); организация российско-белорусской лаборатории системной биологии (Институт генетики и цитологии НАН Беларуси, ФИЦ «Институт цитологии и генетики СО РАН»).

26 ноября 2015 г. принято совместное постановление президиумов СО РАН и НАН Беларуси «О сотрудничестве между Национальной академией наук Беларуси и Сибирским отделением РАН», в котором отмечалось наличие устойчивых, долгосрочных связей между учеными на основе созданных механизмов взаимовыгодного научно-технического сотрудничества. Особо подчеркивалось, что научные контакты направлены на решение конкретных задач развития различных отраслей народного хозяйства Беларуси и Сибири. В качестве приоритетных направлений для совместных научных исследований и разработок определены: создание новых материалов для ма-

шиностроения и химической промышленности; сотрудничество в сфере биотехнологий; реализация научно-технических программ Союзного государства – разработка новых лазерных и аддитивных технологий, технологий механической обработки в машиностроении и др.¹⁰

Разработка научных проблем в интересах двух стран осуществляется в основном в ходе реализации совместных проектов. Динамика количества реализуемых проектов СО РАН и НАН Беларуси в последние годы показывает устойчивый рост. В 2010 г. ученые участвовали в 16 совместных проектах, в 2012–2014 гг. – в 34, в 2015–2017 гг. выполнялись 58 проектов с общим объемом финансирования более 22 млн руб.¹¹ Среди проектов – разработки в области биотехнологий и технологий для медицины; работа над новыми материалами и перспективами их применения; исследования в области химии и химических технологий; лазерных и информационных технологий; устойчивого энергоснабжения и энергосбережения.

Успешными примерами интеграции ученых двух стран являются результаты, которые находят применение в промышленности, сельском хозяйстве и медицине. Сотрудниками ФИЦ «Институт цитологии и генетики СО РАН» и Института генетики и цитологии НАН Беларуси изучено более 40 гибридных сортов пшеницы, из них выделены формы, устойчивые к грибковым заболеваниям. Новосибирский институт органической химии СО РАН и Институт биоорганической химии НАН Беларуси разрабатывают препарат для лечения воспалительных и аутоиммунных заболеваний. Институт физики прочности и материаловедения СО РАН и Физико-технический институт НАН Беларуси провели исследования, позволяющие повысить ресурс работы металлокерамических сплавов в экстремальных условиях эксплуатации за счет усовершенствования методов их обработки¹².

«Белорусский вектор» международного сотрудничества стал заметным явлением в развитии аграрной науки Сибири. В марте 2015 г. подписан договор о научно-техническом сотрудничестве между Отделением аграрных наук НАН Беларуси и группой институтов, входивших до реформы РАН 2013 г. в состав СО РАСХН. Председатель президиума НАН Беларуси академик В.Г. Гусаков подчеркнул, что «ученые – аграрии двух стран должны наладить более тесное взаимодействие и перейти к конкретным совместным проектам

⁷ Сибирское отделение Российской академии наук в 2009 году. Новосибирск, 2010. Т. II: Научно-организационная деятельность. С. 138.

⁸ Сибирское отделение Российской академии наук в 2011 году. Новосибирск, 2012. Т. II: Научно-организационная деятельность. С. 118.

⁹ Сибирское отделение Российской академии наук. 2008–2012 гг. Международное сотрудничество. URL: http://www.nsc.ru/win/sbras/rep/rep08-12/2_4.pdf (дата обращения: 25.08.2018)

¹⁰ О сотрудничестве между Национальной академией наук Беларуси и Сибирским отделением РАН. Совместное постановление Президиума НАН Беларуси и Президиума СО РАН. 26 ноября 2015 г. URL: http://www-sbras.nsc.ru/win/anons/1689/15/pso-54_26-11-15.pdf (дата обращения: 01.09.2018).

¹¹ Сибирское отделение Российской академии наук в 2016 году. Международное сотрудничество. URL: <https://www.sbras.ru/files/files/rep-2016-07.pdf> (дата обращения: 05.10.2018).

¹² Асеев А.Л. СО РАН и НАН Беларуси совместно работают над проектами / Интервью записала Ю. Чичерина // Новости сибирской науки. 2016. 8 нояб. URL: <http://www.sib-science.info/ru/news/belorusii-sovmestno-07112016> (дата обращения: 22.08.2018).

и программам»¹³. В настоящее время сотрудничество по проблемам агропромышленного комплекса Сибири и Беларуси осуществляется путем реализации проектов, обмена генетическими ресурсами растений и животных, участия в конкурсах на получение грантов, обмена научными делегациями, организации международных конференций.

Среди научных направлений сотрудничества ученых СО РАН и НАН Беларуси последовательно развивался гуманитарный блок. Так, в 2003 г. премии им. академика В.А. Коптюга удостоен авторский коллектив за монографию «Очерки истории белорусов в Сибири в XIX–XX вв.»; лауреаты премии: В.А. Ламин, Г.А. Бочанова, Т.С. Мамсик, Д.Я. Резун, М.В. Шиловский (Институт истории СО РАН); М.П. Костюк, Л.М. Лыч, В.И. Новицкий, В.Е. Снапковский, Н.С. Сташкевич (Институт истории НАН Беларуси). На церемонии вручения премии академик НАН Беларуси М.П. Костюк подчеркнул, что изучение истории белорусской диаспоры в Сибири представляется перспективным направлением исторической науки, и выразил надежду на дальнейшую кооперацию сибирских и белорусских историков по изучению этой сложнейшей проблемы¹⁴. В 2010 г. премии им. академика В.А. Коптюга удостоена работа «Трансформации белорусской фольклорно-этнографической традиции в Беларуси и в Сибири»; лауреаты премии: Е.Ф. Фурсова, А.А. Люцидарская (Институт археологии и этнографии СО РАН); А.И. Голомянов (Новосибирский государственный аграрный университет); Р.Ю. Федоров (Тюменский научный центр СО РАН); А.В. Титовец, Т.К. Тяпкина (Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы НАН Беларуси)¹⁵.

Продолжением гуманитарного сотрудничества двух стран является реализация различных форм социокультурного взаимодействия: участие в конференциях, подготовка и реализация новых проектов и т.п. В частности, исследователи из Беларуси приняли активное участие в работе Международной научной конференции «Этнокультурная идентичность Сибири и сопредельных территорий» (Новосибирск, октябрь 2018 г.). По итогам уже упомянутого круглого стола 2018 г. начата подготовка междисциплинарного проекта «Социогуманитарный потенциал сибирской науки» с целью популяризации научных достижений СО РАН и развития научного сотрудничества.

В последние несколько лет делегация ученых НАН Беларуси – неперенный участник Международного форума технологического развития «Технопром»,

¹³ Сибирское отделение Российской академии наук в 2015 году. Международное сотрудничество. URL: <https://www.sbras.ru/files/page/18-03-2016-09.pdf> (дата обращения: 05.10.2018).

¹⁴ История белорусов в Сибири – книга, отмеченная премией // Наука в Сибири. 2003. Декабрь. № 49. URL: http://www.sbras.info/system/files/archive/archive1961-2009/2003_49.pdf (дата обращения: 22.08.2018).

¹⁵ Премия имени академика В.А. Коптюга // Наука в Сибири. 2010. 10 июня. № 23. URL: <http://www.nsc.ru/HBC/article.phtml?nid=550&id=3> (дата обращения: 24.08.2018).

ежегодно проходящего в Новосибирске. Результаты исследований и разработок ученых СО РАН, с которыми можно ознакомиться на этом форуме, служат побудительным стимулом для развития сотрудничества различных стран, включая Республику Беларусь, с институтами СО РАН. К примеру, в 2016 г. возникла идея о создании совместного центра лазерных технологий. На Международной конференции по когерентной и нелинейной оптике, лазерам, их приложениям и технологиям (ICONO/LAT–2016) академик С.Н. Багаев сообщил, что лазерный центр откроется в Минске и «будет заниматься самыми важными и новыми практическими технологиями в области лазеров и их применения»¹⁶.

В октябре–ноябре 2016 г. состоялось интересное мероприятие, организованное Постоянным Комитетом Союзного государства и МИА «Россия сегодня» – пресс-тур ««Новосибирский Академгородок – территория опережающего развития», в ходе которого белорусские и российские журналисты познакомились с научными достижениями и инновационным опытом институтов СО РАН. Выступая перед участниками пресс-тура, председатель СО РАН, академик А.Л. Асеев отметил, что «сотрудничество с Беларусью является приоритетным направлением для сибирских ученых»¹⁷. Заслуги академика А.Л. Асеева в области микро- и нанoeлектроники, а также в области развития международного сотрудничества СО РАН и НАН Беларуси стали основанием для его избрания иностранным членом НАН Беларуси в 2014 г.

26 мая 2017 г. в Минске состоялось совместное заседание президиумов НАНБ и РАН, в котором принял участие академик РАН А.Л. Асеев. В ходе совместного заседания рассматривался ряд важных вопросов, касающихся участия институтов РАН и НАН Беларуси в программах Союзного государства. Особое внимание уделялось российско-белорусскому сотрудничеству в исследовании Земли из космоса для решения фундаментальных и прикладных задач, работе Меакадемического совета по проблемам развития Союзного государства (МАС), актуализации плана совместных мероприятий РАН и НАН Беларуси на 2017–2020 гг.¹⁸

В 2017 г. председателем Сибирского отделения РАН избран академик В.Н. Пармон, который подтвердил необходимость дальнейшего развития взаимоотношений с научным сообществом бывших союзных республик. При этом В.Н. Пармон подчеркнул, что «самый высокий наш приоритет – Беларусь; мы с ней состоим в одном Союзном государстве, при этом у Союзного государства есть собственный бюджет на

¹⁶ Россия и Беларусь планируют создать совместный центр лазерных технологий // Новости сибирской науки. 2016. 27 сент. URL: <http://www.sib-science.info/ru/institutes/belarus-i-rossiya-planiruyut-sozdat-sovmestnyy-26092016> (дата обращения: 02.09.2018).

¹⁷ Сибирское отделение Российской академии наук в 2016 году...

¹⁸ Сибирское отделение Российской академии наук в 2017 году...

науку»¹⁹. В декабре 2017 г. делегация СО РАН во главе с академиком В.Н. Пармоном приняла участие во II съезде ученых Республики Беларусь, где проводилось обсуждение Проекта стратегии НАН Беларуси «Наука и технологии: 2018–2040». Ученые СО РАН намерены и дальше поддерживать высокий уровень интеграции с НАН Беларуси: в 2018 г. выполнялось около 40 совместных проектов в сфере агро- и биотехнологий (включая биоинформатику), переработки природных ресурсов, создания новых материалов, катализа, малотоннажной химии, нефте- и лесохимических технологий.

Как сопредседатель МАС, академик В.Н. Пармон видит новые перспективы научного сотрудничества НАН Беларуси, РАН и Сибирского отделения РАН в том, чтобы развивать комплексные научные программы Союзного государства, чтобы «в них были бы задействованы силы и фундаментальной, и прикладной науки»²⁰. 11 сентября 2018 г. на расширенном заседании бюро МАС в Минске обсуждалась необходимость придания этому совету функций подкомиссии по фундаментальным и поисковым исследованиям при Комиссии по формированию единого научно-технологического пространства Союзного государства. Отмечалось, что решение этой задачи позволит создать действенный механизм экспертизы приоритетных программ Союзного государства, нахождения внебюджетных источников финансирования новых программ и заинтересованных в конечном результате заказчиков²¹. Это означает, что сотрудничество двух стран выходит на новый уровень координации деятельности ученых по наиболее значимым научным проблемам современности.

Опыт сотрудничества СО РАН и НАН Беларуси еще не получил исчерпывающего освещения в историографии. Между тем изучение основных трендов этого сотрудничества, эффективности кооперации при выполнении различных проектов, нарабатанного потенциала в различных отраслях фундаментальных исследований и прикладных разработок может послужить определению дальнейших шагов по интеграции ученых двух стран на различных уровнях – государственном, межакадемическом, региональном.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ляхов Н.З., Заковряшин С.П., Проскуряков В.А. Международная деятельность СО РАН // Сибирское отделение РАН в XXI

¹⁹ Пармон В.Н. Наука для России и для региона // Наука в Сибири. 2018. 11 янв. URL: <http://www.sbras.info/articles/opinion/akademik-parmon-nauka-dlya-rossii-i-dlya-regiona> (дата обращения: 20.09.2018).

²⁰ Сибирское отделение Российской академии наук в 2017 году...

²¹ О расширенном заседании бюро Межакадемического совета по проблемам развития Союзного государства. 2018. 14 сент. // Союзное государство. Официальный сайт Постоянного комитета Союзного государства. URL: <https://www.postkomsg.com/science/219231/> (дата обращения: 10.10.2018).

веке / отв. за выпуск Н.Г. Никулин. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. С. 254–274.

2. Куперштох Н.А. Научные центры Сибирского отделения РАН. Новосибирск: Акад. изд-во «Гео», 2006. 441 с.

3. Российская академия наук. Сибирское отделение: ист. очерк / отв. ред.: Н.Л. Добрецов, В.А. Ламин. Новосибирск: Наука, 2007. 510 с.

4. Шелегина О.Н., Запорожченко Г.М. Россия и Беларусь: международные связи сибирских ученых (по материалам Круглого стола в Институте истории СО РАН) // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. Т. 25, № 2. С. 115–117.

5. Куперштох Н.А. Роль академика А.А. Трофимука в формировании геологических школ и развитии геологических исследований Сибири // История науки и техники. 2008. № 2. С. 27–33.

6. Куперштох Н.А. Роль академика В.А. Коптюга в приумножении и сохранении научного потенциала России и Сибири в 80–90-е годы XX века // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 1. С. 42–45.

7. Куперштох Н.А. Академик Валентин Николаевич Пармон: биографический очерк // Белорусы в Сибири: сб. науч. тр. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2000. Вып. 2 / отв. ред.: В.А. Ламин, Н.С. Сташкевич. С. 115–123.

8. Российская академия наук. Сибирское отделение. Стратегия лидеров / отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: Наука, 2007. 544 с.

REFERENCES

1. Lyakhov N. Z., Zakovryashin S. P., Proskuryakov V. A. International activities of the SB RAS. *Sibirskoe otdelenie RAN v XXI veke*. Novosibirsk, 2012, pp. 254–274. (In Russ.)

2. Kupershtokh N. A. Scientific centers of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Novosibirsk, Acad. Geo Publ. House, 2006, 441 p. (In Russ.)

3. Dobretsov N. L., Lamin V. A. (eds.) The Russian Academy of Sciences. Siberian Branch. A historical essay. Novosibirsk, Nauka, 2007, 510 p. (In Russ.)

4. Shelegina O. N., Zaporozhchenko G. M. Russia and Belarus: international relations of Siberian scientists (on the Round Table materials at the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2018, vol. 25, no. 2, pp. 115–117. (In Russ.)

5. Kupershtokh N. A. The role of Academician A. A. Trofimuk in the formation of geological schools and development of geological research in Siberia. *Istoriya nauki i tekhniki*, 2008, no. 2, pp. 27–33. (In Russ.)

6. Kupershtokh N. A. The role of Academician V. A. Koptuyug in increasing and preserving the scientific potential of Russia and Siberia in the 80–90s of the XX century. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2014, no. 1, pp. 42–45. (In Russ.)

7. Kupershtokh N. A. Academician Valentin Nikolaevich Parmon: a biographical sketch. *Belorusy v Sibiri*. Novosibirsk, 2000, iss. 2, pp. 115–123. (In Russ.)

8. Molodin V. I. (ed.) Russian Academy of Sciences. Siberian Branch. Leadership strategy. Novosibirsk, Nauka, 2007, 544 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 24.12.2018

DOI: 10.15372/HSS20190118
УДК 069.02.6 (571.14)“1997/2019”

Г.М. ЗАПОРОЖЧЕНКО, Н.Н. ПОКРОВСКИЙ

МУЗЕЙ НАУКИ И ТЕХНИКИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ НОВОСИБИРСКОГО АКАДЕМГОРОДКА

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

Впервые на основе широкого круга источников осуществлено комплексное исследование 25-летнего процесса создания и функционирования «Музея науки и техники Сибирского отделения Российской академии наук» – важной составной части музейной сети Сибирского отделения, состоящей из 37 структур музейного типа, выросших в недрах научно-исследовательских учреждений. Анализируется обширное профильное мультидисциплинарное музейное собрание, включающее уникальные раритеты. Значительная часть представлена в экспозиции, построенной на принципах комплексности, аттрактивности, интерактивности. Освещена фондовая, экспозиционная, научно-исследовательская и культурно-просветительская деятельность музея. Особое внимание уделено инновационным формам освоения материального и нематериального наследия, представлена оценка экскурсионных программ (практики счисления, программирования, пользования техникой, имеющие высокий обучающий и рекреационный эффект). Показана роль музея как исторической достопримечательности регионального значения. Исследование выполнено с привлечением актуального историографического ресурса, делопроизводственной документации Президиума СО РАН, интервью с ведущими учеными Новосибирского научного центра, методической документации.

Ключевые слова: Музей науки и техники, Сибирское отделение Российской академии наук, вычислительная техника, приборы и техника научного эксперимента, наследие, музейная экспозиция.

G.M. ZAPOROZHCHENKO, N.N. POKROVSKY

MUSEUM OF SCIENCE AND TECHNOLOGY OF SIBERIAN BRANCH OF RAS IN SOCIO-CULTURAL SPACE OF NOVOSIBIRSK AKADEMGORODOK

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The authors carry out a comprehensive study of the 25-year process of forming and functioning of “The Museum of Science and Technology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences” based on a wide range of sources for the first time in historiography. The Museum is an important part of the diversified museum network of the Siberian Branch of RAS consisting of 37 museum-type structures within the research institutions. The paper presents funds, exposition, research and cultural and educational activities. The Museum has an extensive field-specific multidisciplinary collection including unique rare items. A significant part of the Museum collection has found its place in the exhibition built on principles of complexity, attraction, interactivity. Subjects are classified in six areas: computer science, instruments and equipment of scientific experiment, radio and communication, transport, film photography, microscopy.

The main direction is “Computing” reflecting its development «from abacus to the computer» and containing seven sections: means of instrumental accounts, computers for collective use, mini-machines, microprocessor technology, analog computers, original designs of the Siberian Branch of USSR Academy of Sciences, educational and game complex “Igroteka”.

The Museum develops actual innovative forms – introduces IT-technologies, interdisciplinary projects, systemic partnership, training (“Igroteka”) and recreational (“Museum night”) practices and communications representing intangible scientific heritage based on the museum activity traditional forms. The excursion program includes practices of numeration, programming and using equipment. The Museum is a base for educational practice, holds many open thematic events.

“The Museum of Science and Technology SB RAS” successful activity contributes to a high level of organization the culture of life in Akademgorodok strengthening its official status as a historical attraction of regional importance.

Key words: Museum of Science and Technology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, computer engineering, devices and equipment of scientific experiment, heritage, museum exposition.

Галина Михайловна Запорожченко – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: galinakoop@yandex.ru.

Николай Николаевич Покровский – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: pokrov@li.ru.

Galina M. Zaporozhchenko – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History SB RAS.

Nikolay N. Pokrovsky – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History SB RAS.

Минуло четверть века с начала формирования самого необычного в новосибирском Академгородке музея – Музея науки и техники Сибирского отделения РАН¹. Музей является важной составной частью диверсифицированной музейной сети Сибирского отделения РАН, включающей 37 структур музейного типа, выросших в недрах научно-исследовательских учреждений. Они сохраняют научное наследие, расширяют связи с музейным миром Сибири и России, международным музейным сообществом.

Бурное прогрессирование технологий обусловило наблюдаемый в последнее время повсеместный рост интереса к музеям технического профиля как важному сегменту культурного наследия. В этих условиях требуется развитие новых подходов при решении задач популяризации научно-технических знаний через музейную коммуникацию. Успешный опыт деятельности в этом направлении Музея науки и техники Института истории Сибирского отделения РАН позволяет увидеть, как на основе традиционных форм презентации научного наследия – экспозиционно-выставочной, культурно-просветительной, издательской – внедряются перспективные новации.

Источниками для изучения истории Музея науки и техники СО РАН являются делопроизводственная документация Президиума СО РАН, архивы Института истории СО РАН, личные архивы авторов, методическая документация, разработанная Политехническим музеем (г. Москва), научные исследования в сфере истории науки и техники, музеологии, интервью с учеными Новосибирского научного центра.

Сибирское отделение АН СССР благодаря его основателям и ведущим ученым-академикам М.А. Лаврентьеву, С.Л. Соболеву, С.А. Христиановичу, Л.В. Канторовичу, А.П. Ершову, А.А. Ляпунову и другим, всегда проявляло интерес к применению в науке новейших технологий и развитию соответствующих технических средств [1, с. 46–62; 2, с. 44–46]. Вместе с ростом Сибирского отделения шло становление его служб машинного счета, парка приборов и техники научного эксперимента, средств связи, транспорта.

Своим рождением «Музей науки и техники СО РАН» обязан целенаправленной политике официальных институций и общественной инициативе. В его основу легла коллекция предметов жителя г. Новосибирска – инженера, энтузиаста Н.П. Бородина, собранная в позднесоветский период. Он сберег от утилизации лабораторные приборы, инструменты, транспортные средства, фото- и радиоаппаратуру, производимые с конца 1950-х гг. Проблема хранения натолкнула Н.П. Бородину на мысль о создании музея.

Так как частные музеи являлись тогда редкостью, коллекционер обратился в Институт истории Си-

бирского отделения РАН. Директор института член-корреспондент Л.М. Горюшкин и председатель СО РАН, академик В.А. Коптюг с большим интересом отнеслись к идее создания музея техники в дополнение к существовавшим в Новосибирском научном центре геологическому, зоологическому, ботаническому и археологическому музеям.

Началась собирательская работа в научных учреждениях ННЦ и у частных лиц с целью определения возможности создания музея историко-технического профиля. Удалось найти немало интересных с исторической точки зрения объектов. Среди них модуль легендарной БЭСМ-6 от самого первого в стране экземпляра, выпущенного в 1967 г.; осциллограф ОК-17, начавший свой трудовой путь в учебно-экспериментальном комплексе в пос. Орево в Подмоскowie, где размещались первые научные лаборатории Сибирского отделения.

Прделанная работа послужила отправным моментом для непосредственного создания музея. В 1997 г. постановлением Президиума СО РАН была создана «Комиссия по инвентаризации предметов музейного значения» под председательством д-ра физ.-мат. наук, одного из старожиллов Академгородка, участника первых «зимовок» в Золотой долине Л.А. Лукьянчикова и канд. ист. наук Н.Н. Покровского. Комиссия заложила основы концепции комплектования фондов. С этого времени Музей науки и техники СО РАН ведет свой отсчет.

В связи с кончиной В.А. Коптюга (через несколько дней после создания комиссии), а вскоре и кончиной Л.М. Горюшкина дело организации музея приостановилось. Прошло долгих девять лет, прежде чем музей получил возможность развернуть полноценную работу. На этом этапе существенную помощь оказали академик В.И. Молодин и член-корреспондент РАН В.А. Ламин. Организатором и руководителем музея вплоть до настоящего времени является канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН Н.Н. Покровский.

В 2006 г. Музей науки и техник СО РАН получил постоянное помещение и открылся для посетителей. В 2006–2007 гг. благотворительный Фонд некоммерческих программ «Династия» проводил первый грантовый конкурс «Научный музей в XXI веке»². Музей стал одним из победителей этого конкурса, благодаря полученному гранту Музей провел модернизацию своих экспозиционных площадей.

Экспозиционное пространство площадью около 150 м² в соответствии с архитектурно-дизайнерским проектом «Площадь науки» выстроено по художественным законам метафоры. Конструкции приняли стилизованную форму города науки с площадями, улицами, зданиями с включением реальных уличных

¹С 2006 г. Музей науки и техники СО РАН – исследовательская группа Института истории СО РАН; с 2018 г. – группа Историко-техническая выставка Выставочного центра СО РАН «Музей науки и техники СО РАН»

²Фонд «Династия» – первый в постсоветской России некоммерческий фонд социальных инвестиций, основанный Д.Б. Зиминным с целью поддержки и развития российской фундаментальной науки. Действовал в 2001–2015 гг.

объектов – тротуарной плитки, бордюров, решеток, фонарей. Ясно угадывались реальные очертания новосибирского Академгородка – Вычислительный центр, Технопарк и уходящий вдаль Проспект науки. Система дистанционного управления освещением, вызывающая ощущение прогулки по научному городку, придала метафоре завершённый вид.

Основная цель Музея, заключающаяся в представлении музейными средствами процесса развития науки и техники, реализуется через создание и постоянное пополнение музейного собрания, состоящего из экспозиционного комплекса и музейных фондов. В экспозиции в соответствии с методом «живой коммуникации» по примеру музея-экспериментариума большинство действующих экспонатов и воспроизведенные макеты способствуют познанию физических законов окружающего мира. Непосредственное взаимодействие человека и экспоната в процессе популяризации научно-технических знаний значительно актуализирует познавательную и рекреационную функции музея [3, с. 93].

Фондовые коллекции Музея науки и техники СО РАН охватывают исторический период с начала XX в. до настоящего времени и включают отечественные и зарубежные памятники науки и техники: оригинальные научные разработки (комплексы, установки, стенды, приборы, узлы, блоки, программные продукты); серийные приборы для научных исследований; образцы сырья и изделий, иллюстрирующие возможности научных технологий; модели и макеты; техническую документацию, свидетельства, патенты, фотографии; мемориальные предметы, принадлежавшие известным ученым.

Объекты документирования классифицируются по шести направлениям: вычислительная техника, приборы и техника научного эксперимента, радио и связь, транспорт, кинофототехника, микроскопия. В рамках направлений происходит дальнейшая детализация по разделам и темам.

Стержневым является направление «Вычислительная техника», отражающее ее развитие «от абака до компьютера» и содержащее семь разделов: средства инструментального счета, электронно-вычислительные машины (ЭВМ) коллективного пользования, мини-машины, микропроцессорная техника, аналоговые вычислительные машины, оригинальные разработки СО АН СССР, учебно-игровой комплекс «Игротека».

В музейной коллекции раздел «Средства инструментального счета» представлен макетами первых счетных приспособлений (действующий макет кисти человеческой руки, вестоничская кость, «узелки на веревке», древний папирус, глиняная табличка, пергамент, абак, счеты, логарифмические линейки, сумматор Клода Перро), механическими и электронными вычислительными устройствами (арифмометр «Феликс», электронно-клавишная вычислительная машина «Искра», коллекция калькуляторов).

Раздел «Электронно-вычислительные машины (ЭВМ) коллективного пользования» включает коллек-

цию электронных модулей больших советских ЭВМ разных поколений.

Раздел «Мини-машины» содержит предметы, отражающие революционные изменения, произошедшие в вычислительной технике с появлением полупроводниковых, интегральных схем и микропроцессоров, которые выразились не только в миниатюризации, но и рождении новой философии ЭВМ как элемента ноосферы [4, с. 23]. Один из самых распространенных в 1980-х гг. вычислительных комплексов «Электроника-60» в комплекте с электромеханической печатной машиной «Консул», перфоратором и фотосчитывателем образует ансамблевую инсталляцию интерьера научных лабораторий 1980–1990-х гг.

Раздел «Микропроцессорная техника» отражает один из последних этапов развития цифровой вычислительной техники в направлении дальнейшей миниатюризации элементной базы ЭВМ и включает действующие отечественные и зарубежные персональные компьютеры «ДВК», «Apple-II», IBM PC AT 286-486, «Электроника ЕС-1840» и др.

Раздел «Аналоговые вычислительные машины» посвящен вычислительным устройствам, стоящим особняком в большой семье вычислительных систем (АВМ), история которых восходит к глубокой древности. Центральное место занимает интегратор ЭДГ-6, созданный в 1968 г. в Институте кибернетики АН УССР, являющийся специализированной АВМ, предназначенной для решения линейных краевых задач систем линейных дифференциальных уравнений.

Раздел «Оригинальные разработки СО АН СССР» иллюстрирует вклад Сибирского отделения в общемировой процесс создания вычислительных систем. Здесь представлены рабочая станция «Кронос», специализированный компьютер для верстки газетных изданий «МРАМОР» начала 1980-х гг., комплект лабораторного оборудования «КАМАК», фрагменты аппаратно-программного комплекса для редактирования карт местности «Виразж» и др. [5, с. 122–124].

По примеру Политехнического музея (г. Москва) создан учебно-игровой комплекс «Игротека», включающий ряд интерактивных стендов, в доступной форме иллюстрирующих основные принципы работы компьютеров. Как площадка для коммуникации, он адресован, прежде всего, молодежной аудитории, под девизом «Обучаться – развлекаясь, познавать – играя». Смонтированы и отлажены следующие стенды:

- «Раз, два, три...» – знакомящий с распространенными системами счисления,
- «Из чего же? Из чего же? Из чего же?» – представляющий основные элементы электрических цепей,
- «Железная логика» – знакомящий с основой машинной логики,
- «Кто быстрее?!» – в состязательной игре раскрывающий принципы формирования изображения на экранах знаковых дисплеев.

Центральное место занимает стенд, позволяющий экскурсантам за полчаса составить, отладить и испытать собственную небольшую программу

в машинных кодах [6, с. 35–42]. «Игротека» вызывает острый интерес у музейной аудитории, привлекает вкус к творчеству и организации интеллектуального досуга.

Направление «Приборы и техника научного эксперимента» документирует материально-вещественный аспект развития механико-математических, физико-технических, химических, общественных наук, наук о жизни, о Земле. В музее представлена коллекция стрелочных измерительных приборов: генераторов, мультиметров и осциллографов, в том числе серии ОК выпуска 1950-х гг., применявшихся в СО АН СССР. Выделены технические средства, используемые в области гуманитарных исследований: счетные устройства для обработки больших массивов статистических данных, приборы для чтения микрокопий архивных документов («Микрофот»-4, «Микрофот»-5ПО-1), приборы для чтения угасших текстов и рукописей на основе УФ-излучения. В тематической зоне «Рабочее место физика-исследователя» демонстрируются эксперименты из области физико-технических наук.

Направление «Транспорт» документирует развитие безрельсового наземного и железнодорожного транспорта. В числе экспонатов ведущее место занимает коллекция автомобилей, мотоциклов и велосипедов преимущественно отечественного производства, начиная со второй половины 1940-х гг.: линейка легковых автомобилей «Москвич» завода МЗМА–АЗЛК от М-400 до М-2140, грузовик ГАЗ-51А, редкий экземпляр мотоцикла К1В.

Особый интерес представляют предметы, имеющие мемориальное значение. Одним из первых автомобилей строящегося Академгородка был легковой автомобиль ГАЗ-69А, принадлежавший председателю Президиума СО АН СССР академику М.А. Лаврентьеву. В 1974 г. ученый подарил его «Клубу юных техников», где он являлся учебным пособием, а с 1984 г. стоял на постаменте у входа. Спустя четверть века автомобиль отреставрировала группа студентов НГУ на средства фонда В. Потанина при поддержке сотрудников Музея, руководства СО РАН, администрации Советского района г. Новосибирска, Клуба юных техников СО РАН, общественного фонда «Академгородок», многочисленных добровольных помощников-энтузиастов. С конца 2010 г. Автомобиль Лаврентьева экспонируется в отдельном павильоне на территории Музея в качестве реликвии и легендарного символа Академгородка 1960-х гг.

Направление «Кинофототехника» охватывает период с начала XX в. и представлено кинокамерами отечественного производства от 8-миллиметровых любительских до 35-миллиметровых профессиональных камер «Экран», «Кварц», «Конвэйс-автомат», фотоаппаратами довоенного и послевоенного периодов, наиболее ранними из которых являются отечественные камеры «Фотокор-1», «ФЭД», «ФК-18x24» и трофейная «Zeiss Ikon». Тематическая экспозиционная зона «Фотолаборатория» работает в интерактивном режи-

ме и содержит необходимые элементы для печати фотографий классическим бромосеребряным способом.

Направление «Электроника и радиосвязь» иллюстрируется образцами радиоприемной отечественной и зарубежной бытовой и профессиональной радио- и телевизионной аппаратуры начиная с 1930-х гг. Это коллекция довоенных бытовых радиоприемников «СВД-9» и «6Н-1», послевоенных «Балтика», «Рекорд-53», «Фестиваль», «Урал», «Люкс», «Эстония-2». Среди экспонатов – первый советский радиоприемник на печатной плате «Новь», телевизоры «Старт», «Рекорд-Б», «Изумруд», «Темп-6» и др. [7]. В тематической экспозиционной зоне «Радиокафе» посетители имеют возможность оценить работу радиоаппаратов, включая их с пульта дистанционного управления.

По направлению «Микроскопия» в коллекции представлены микроскопы конца 1960-х – начала 1970-х гг. В их числе: микроскоп чехословацкой фирмы TESLA BS-613, имеющий напряжение 100 тыс. вольт и разрешение 4-5 ангстрем; микроскопы фирмы Zeiss (Германия); световые микроскопы отечественного производства. Наиболее ценным является электронный подсвечивающий микроскоп JEM-100SX японской фирмы JEOL.

Таким образом, в «Музее науки и техники СО РАН» сформировано обширное профильное мультидисциплинарное музейное собрание, включающее в том числе уникальные раритетные предметы. Значительная часть единиц хранения нашла свое место в экспозиции, построенной на принципах комплексности, аттрактивности, интерактивности. К новым апробированным в Музее экспозиционно-выставочным технологиям, ориентированным на активное включение музейных предметов в ментально-эмоциональный диалог с посетителями, можно отнести создание тематических зон (условные научные лаборатории, «Радиокафе», «Фотолаборатория», «стоянка» автотранспорта), интерактивных стендов для демонстрации физических явлений и алгоритмов работы технических устройств («Игротека», «Средства инструментального счета»), креативных инсталляций, пространств свободной интерпретации для работы с научной литературой и технической документацией [8, с. 225–227].

Музей проводит интенсивную научно-исследовательскую работу при поддержке системы грантовых конкурсов РГНФ (1997–1999 гг.), благотворительного фонда «Династия» (2007 г.), фонда В. Потанина (2010 г.), общественного фонда «Академгородок» (конкурс социальных проектов «От слов к делу», 2011 г.), Президиума СО РАН. На базе Музея подготовлены и изданы серии сборников научных статей «Гуманитарный ежегодник» (2001–2007, вып. 1–8), «История науки и техники» (2001–2004, вып. 1–3). Сотрудники музея участвовали в подготовке разделов коллективных монографий [9, с. 244–248], а также научных [10] и научно-популярных статей³.

³ Покровский Н.Н. Музей техники // Наука в Сибири. 1999. 19 нояб.; Он же. Незабываемое старое // Наука в Сибири. 2007. 6 дек.

Музей науки и техники СО РАН является динамично развивающейся структурой в сети научно-образовательных и культурно-просветительных учреждений Академгородка и г. Новосибирска. С 2009 г. он стал базой для проведения учебной практики вузов Новосибирска (НГУ, Высшего колледжа информатики НГУ, Новосибирской государственной академии архитектуры и дизайна, Новосибирского государственного технического университета) и летних работ для школьников Академгородка. Обширная работа по популяризации истории развития техники проводится в тесном сотрудничестве с районными, городскими и областными органами администрации, институтами ННЦ, НГУ, региональной общественной организацией «Ретротехника», Лигой музеев Новосибирской области, Клубом изобретателей Академгородка, Клубом юного техника, экспо-выставкой «Сибирская ярмарка». Музей проводит экскурсии, выездные выставки, ретроспективные показы приборов и техники научного эксперимента, кинофототехники и транспортных средств в рамках районных и городских официально-праздничных мероприятий, Дней российской науки, традиционного в Академгородке ноябрьского «Михайлова дня» в честь двух великих российских ученых – Михайло Ломоносова и Михаила Лаврентьева.

Музей проводил тематические мероприятия для участников «Фестиваля науки и инноваций» в рамках международного молодежного инновационного форума «Integra – инновационная территория» (новосибирский Академгородок, 2009–2011 гг.), студенческой аудитории научного кафе «Эврика» в арт-клубе «Интеграл». С мая 2009 г. Музей присоединился к ежегодной международной социокультурной акции «Музейная ночь». В целом за 12 лет работы Музей посетило несколько тысяч человек.

Опыт деятельности «Музея науки и техники СО РАН» имеет важное значение в свете представлений о материальном и нематериальном культурном наследии и проблемах его передачи, которые сегодня являются перспективной частью музеологического дискурса. Его экскурсионная программа является успешным примером включения в музейное пространство элементов нематериального культурного наследия – практик счисления, программирования, пользования техникой. Новационные приемы создания экспозиции и взаимодействия с музейной аудиторией способствуют превращению Музея в один из ментальнообразующих центров научного городка и г. Новосибирска, содействуют гармоничному развитию личности, формированию научного и эвристического мышления.

Многогранная деятельность Музея отмечена многочисленными грамотами и благодарственными письмами Президиума СО РАН, Министерства культуры Новосибирской области, администрации Советского района г. Новосибирска. Профессиональное музейное сообщество подтверждает уникальность Музея в ряду объектов музейного значения Сибирского отделения многочисленными дипломами от Научного совета по музеям СО РАН, оргкомитетов научных конференций.

На примере Музея СО РАН раскрывается не только роль науки как важнейшего социального института, но и миссия музея с его неизменной приверженностью социальной идее, основанной на гуманистической этике. Книга отзывов «Музея науки и техники» дает отчетливое представление о степени заинтересованности музейной аудитории и эффективности отношений «музей–социум». Посетителям открывается «удивительный мир» устройства музея, как и устройства представленных в нем памятников техники, становясь частью эмоционально-когнитивной идентичности личности [11, с. 52–55].

В массовом сознании, публикациях СМИ музей тесно слился с образом Сибирского отделения и Академгородка. В системе социокультурных комплексов, маркирующих включенность Академгородка в дискурс «научного топоса», музейная составляющая занимает доминантное место, транслируя содержательную часть развития научной сферы. Успешная деятельность Музея науки и техники СО РАН способствует формированию высокого уровня организации культуры жизнедеятельности в Академгородке, укрепляя его официальный статус исторической достопримечательности регионального значения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лаврентьев М.А. ...Прирастать будет Сибирью. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1982. 175 с.
2. Ибраимова З.М., Притвиц Н.А. Треугольник Лаврентьева. М.: Советская Россия, 1989. 336 с.
3. Винокурова Л.Л., Григорян Г.Г. Особенности коммуникации в научно-технических музеях // Сборник трудов Государственного Политехнического музея (к 120-летию). М.: Знание, 1992. С. 93–99.
4. Гутнер Р.С., Полунов Ю.Л. От абака до компьютера. М.: Знание, 1975. 137 с.
5. Покровский Н.Н. Приборы и техника научного эксперимента // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. № 2. С. 122–123.
6. Покровский Н.Н. История и современность в интерактивном комплексе Музея науки и техники СО РАН // Наука, образование, музей: формы освоения наследия: сб. науч. статей / отв. ред. В.А. Ламин, О.Н. Труевцева. О.Н. Шелегина. Барнаул; Новосибирск: Изд-во «ТРИАДА», 2016. С. 35–42.
7. Покровский Н.Н. Техника телевидения в собрании Музея науки и техники СО РАН // Роль сибирских музеев в формировании и трансляции региональной идентичности. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. С. 25–30.
8. Запорожченко Г.М., Покровский Н.Н. Процессы актуализации научного наследия в Сибирском отделении Российской академии наук // Социально-экономическое и культурное развитие Сибири в XX–XXI в.: традиции и новации. Новосибирск: Изд-во «Параллель», 2017. С. 209–228.
9. Музеи научных центров Сибирского отделения Российской академии наук. Очерки формирования и развития. Новосибирск, 2009. 262 с.
10. Покровский Н.Н. Музей техники как реконструкция научной предметно-пространственной среды // «Новые» и «вечные» проблемы философии: сб. науч. статей. Новосибирск: Изд-во Новосибир. го. ун-та, 1998. С. 90–99.
11. Запорожченко Г.М. Достопримечательные места Сибирского региона как ресурс познавательного туризма // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2017. № 30. С. 52–55.

REFERENCES

1. Lavrentiev M. A. ...Will grow with Siberia. Novosibirsk, West Siberian Book Publ., 1982, 175 p. (In Russ.)
2. Ibragimova Z. M., Pritvits N. A. Lavrentyev's triangle. Moscow, Sovier Russia Publ., 1989, 336 p. (In Russ.)
3. Vinokurova L. L., Grigoryan G. G. Features of communication in scientific and technical museums. *Sbornik trudov Gosudarstvennogo Politekhnicheskogo muzeya (k 120-letiyu)*. Moscow, 1992, pp. 93–99. (In Russ.)
4. Gutner R. S., Polunov Y. L. From an abacus to a computer. Moscow, Znanie, 1975, 137 p. (In Russ.)
5. Pokrovskiy N. N. Devices and equipment of scientific experiment. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 1997, no. 2, pp. 122–123. (In Russ.)
6. Pokrovskiy N. N. History and modernity in an interactive complex of the Museum of Science and Technology of SB RAS. *Nauka, obrazovanie, muzey: formy osvoeniya naslediya*. Barnaul, Novosibirsk, 2016, pp. 35–42. (In Russ.)
7. Pokrovskiy N. N. Television equipment in the Museum of Science and Technology SB RAS collection. *Rol' sibirskikh muzeev v formirovani i translyatsii regional'noi identichnosti*. Novosibirsk, 2012, pp. 25–30. (In Russ.)
8. Zaporozhchenko G. M., Pokrovskiy N. N. Processes of scientific heritage actualization in the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. *Sotsial'no-ekonomicheskoe i kul'turnoe razvitie Sibiri v XX–XXI vekakh: traditsii i novatsii*. Novosibirsk, 2017, pp. 209–228. (In Russ.)
9. Lamin V. A., Truevtseva O. N. (eds.) Museums of scientific centers of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Essays on the formation and development. Novosibirsk, 2009, 262 p. (In Russ.)
10. Pokrovskiy N. N. The Museum of Technology as a scientific subject-spatial environment reconstruction. "Novye" i "vechnye" *problemy filosofii*. Novosibirsk, 1998, pp. 90–99. (In Russ.)
11. Zaporozhchenko G. M. Places of interest in the Siberian region as an educational tourism resource. *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2017, no. 30, pp. 52–55. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 10.12.2018

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Островский Л. К. Поляки в Западной Сибири в конце XIX – первой четверти XX века. 2-е изд. испр. и доп. – СПб.: Алетейя, 2018. – 488 с. – (Польско-сибирская библиотека).

20 лет увидели свет обстоятельные исследования по этой теме (статьи и монографии) Б.С. Шостаковича, И.В. Нам, В.А. Ханевича, В.А. Скубневского, С.А. Мулиной, С.Г. Пятаковой, А.А. Крих, Ю.М. Гончарова, А.С. Жаровой, Р.В. Оплаканской, С.В. Леончик и др. Поляки массировано представлены в научных сочинениях, касающихся социально-экономического, общественно-политического и культурного развития Западной Сибири в конце XIX – первой четверти XX в. Достойное место среди них занимают публикации Л.К. Островского – потомка польских мигрантов за Урал, который начал заниматься данной темой еще в 1980-е гг., а в 1987 г. защитил кандидатскую диссертацию, посвященную польским политическим ссыльным в Сибири с середины 1890-х гг. до 1917 г. В 2015 г. в диссертационном совете при Институте истории СО РАН он успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени д-ра ист. наук. В 2011 г. была издана его обобщающая монография по истории поляков в регионе в избранных хронологических рамках. Рецензируемое переиздание существенно дополнено (на 12 п.л.) – за счет введения в научный оборот колоссального по объему фактического материала, при этом сохранилась большая часть основополагающих выводов, коррективы в которые вносились по отдельным направлениям.

Монография четко структурирована по тематическим направлениям, охватывающим весь изучаемый период: миграционный маятник, демография, городское и сельское население, основные занятия, роль костела в сохранении национальной идентичности, образование, вклад поляков в развитие предпринимательства, культуры и здравоохранения региона. Отдельные сюжеты выстроены по проблемно-хронологическому принципу (беженцы и военнопленные Первой мировой войны 1914–1918 гг., общественные организации и воинские формирования в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг., репатриация беженцев, оптантов и военнопленных в 1921–1924 гг.). В основном можно согласиться с предложенными хронологическими рамками исследования, хотя нижнюю хронологическую грань (1890-е гг.) следовало бы, на мой взгляд, отодвинуть к концу 1890-х гг., когда в основном завершилось строительство западносибирского участка Транссиба до Новониколаевска. Основной поток польских добровольных переселенцев начал прибывать в Западную Сибирь именно с этого времени.

Вызывает недоумение исключение из территориальных рамок большей части Акмолинской области (кроме Омского уезда) на том основании, что остальные уезды этого территориально-административного образования «сегодня относятся к Казахстану» (с. 6). Но вплоть до 1920 г. они считались российскими, а Омск еще и сибирским городом, а не только центром казахского Степного генерал-губернаторства. Правда, поляки-переселенцы не стремились осесть в степи, предпочитая таежную и лесостепную зоны. Поэтому, по данным переписи 1897 г., в Акмолинской области проживало только 196 представителей польской национальности, в основном политические ссыльные и члены их семей¹.

Источниковую базу сочинения Л.К. Островского составил не только репрезентативный массив материалов 9 центральных и местных (областных и одного краевого) архивов, статистических материалов, извлеченных из обзоров Тобольской, Томской губерний и Акмолинской области, местных повременных изданий, но и сведения из работ коллег – российских (Москва, Петербург, Курган, Тобольск, Тюмень, Омск, Тара, Новосибирск, Барнаул, Кемерово, Красноярск, Иркутск, Минусинск) и польских исследователей. Сибирская колония представлена 80 монографиями и статьями исследователей (из них 62 на языке оригинала), увидевших свет в Варшаве, Кракове, Вроцлаве, Люблине, Новосибирске, Омске и Томске. Поэтому значительный объем информации автор почерпнул из дисперсно рассеянных в представительной совокупности фактов и фактиков, содержащихся в работах своих предшественников и коллег. Данное обстоятельство не подразумевает автоматического включения заимствованных материалов в исследовательское поле рецензируемой монографии. Леонид Казимирович подвергает их тщательному анализу, сопоставляя с другими источниками. Для его работы характерно постоянное сравнение данных, полученных или извлеченных из источников польскими и российско-сибирскими историками, критическое отношение к статистическим материалам, а это является гарантией достоверности вводимых в научный оборот фактов и выводов.

Выбор хронологических рамок рецензируемой монографии обусловлен также изменением парадигмы в национальном миграционном процессе, когда принудительную депортацию политических и уголовных преступников сменяют добровольные новоселы. «Строительство Транссиба во многом предопределило добровольное переселение польских крестьян, рабочих, специалистов из Привислинского края и других западных губерний России в Сибирь, – спра-

¹ Масанов Н. Э., Абылхожин Ж. Б., Ерофеева И. В., Алексеенко А. Н., Баратова Г. С. История Казахстана: народы и культуры: учеб. пособие. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. С. 241.

ведливо замечает по сему поводу автор, – их участие в хозяйственном освоении, общественной жизни и развитии культуры края» (с. 7).

Данное обстоятельство, разумеется, не снимает с повестки дня фактор ссылки, тем более что внимание историков обращалось преимущественно на подвергшихся наказанию за политические преступления. Именно с этой категорией невольных обитателей региона связаны все статистические подсчеты, в том числе и осуществленные Л.К. Островским. После поражения Первой русской революции 1905–1907 гг. только в Тобольскую губернию в административном порядке было выслано 873 поляка, среди 677 политических ссыльных Нарымского края их доля составила 44 % (299 чел.) (с. 48). Такая практика типична и для современного этапа изучения сибирской ссылки. В обобщающих сочинениях фиксируется, с ссылкой на польских историков, 30 тыс. их земляков, оказавшихся в Сибири за политические преступления с середины 1860-х гг. до 1914 г.² Правда, нужно иметь в виду, что с 1900 г. уголовная ссылка в Сибирь прекратилась, за исключением приговоренных к каторжным работам, но основным местом их водворения был Нерчинский каторжный комплекс в Восточной Сибири, а в Западной – незначительное число приговоренных к этому виду наказания отбывало его в Тобольской каторжной тюрьме.

Следовательно, из трех каналов формирования и пополнения польской диаспоры в Западной Сибири Л.К. Островский изучает добровольных переселенцев и подданных Российской империи, находившихся здесь на государственной и военной службе. Раздел, посвященный статским и военным чиновникам, представляет мозаику из отдельных фрагментарных биографических резюме, которые в большинстве случаев не позволяют определить «весовые» характеристики поляков в той или иной сфере местного государственного управления. Определенно автор сообщает о том, что «из 65 штатных инженерно-технических работников Западно-Сибирской железной дороги поляки составляли 21 человек, или 32 %. Среди них находились такие выдающиеся специалисты, как Константин Позняк, Болеслав Саврымович и Владислав Павловский» (с. 56). Но буквально из следующего предложения мы узнаем, что магистраль называлась Сибирской и непонятно, входили упомянутые 65 штатных инженерно-технических сотрудников в аппарат управления дороги или они представляли всех ИТР магистрали, включая не только Томск, но и другие крупные станции магистрали. Автор не упомянул, что среди шести последних губернаторов Тобольской губернии двое (А. П. Лаппо-Старженецкий и А. А. Станкевич) являлись представителями древних, но обедневших шляхетских родов.

На уездном уровне, как установила А. С. Жарова, в Кургане «в конце XIX – начале XX вв. поляки занимали должности окружного исправника, инструктора молочного хозяйства, помощника начальника жандармского управления, председателя съезда крестьянских начальников, надсмотрщика телеграфа, курганского воинского начальника и ряд других административных должностей. Занимая эти

посты представители польского этноса оказывали существенное влияние на многие сферы жизни в Курганском уезде»³.

Л.К. Островский подробно анализирует динамику численности польского населения Западной Сибири в конце XIX – первой четверти XX в. и факторов, повлиявших на нее. Однако по отдельным реперным точкам (июль 1914, 1917, 1920 гг.) обобщающая информация отсутствует, даже на уровне предположений. По данным переписи 1897 г., в Томской, Тобольской губерниях и Акмолинской области проживало 13 264 поляка, в том числе 4485 чел. (33,8 %) в городах, где они являлись третьей по численности национальной группой населения после русских и евреев. Устойчивые общины сложились в Томске, Барнауле, Каинске, Мариинске, Тобольске и Омске. Применительно к началу Первой мировой войны автор констатирует отсутствие достоверных сведений о численности объекта исследования. Подсчеты польских историков он считает заниженными, ссылаясь на проживающих в Западной Сибири в 1912 г. 64 805 католиков, «большинство из которых являлись поляками» (с. 50). Это действительно так, но в состав названной конфессии входили также эстонцы, литовцы, латгальцы, латыши, часть немцев. Следовало бы определить хотя бы приблизительную константу доли польских мигрантов среди верующих римско-католической церкви. В итоге, «по нашим подсчетам к началу Первой мировой войны численность польского населения на территории края достигла примерно 60 тыс. человек» (с. 56).

Первая мировая война привела к резкому увеличению численности изучаемой диаспоры за счет беженцев, высленцев и военнопленных германской и австро-венгерской армии. По данным польских исследователей, общее количество представителей этого этноса за Уралом составило до 200–300 тыс. чел. (с. 51). Собственные подсчеты автор не делает, но приводит данные переписи 1917 г. в Томской губернии, которые свидетельствуют об уменьшении численности польского населения «в несколько раз», т.е. с 32 199 в 1914 г. до 3099 чел. в 1920 г., предположив, что «возможно, перепись 1917 г. охватила только беженцев, а не постоянное польское население губернии» (с. 52, 404). Зато перепись 1920 г. зафиксировала в регионе 37 748 чел., в том числе в Томской губернии 17 054 поляка. Отсутствуют данные по Тюменской губернии, в 1920 г. переименованной из Тобольской. Наконец, к 1926 г. на изучаемой территории проживало 29 443 поляка (с. 55). Воспроизведенные данные, как и методика подсчета, раскрывают исследовательскую «кухню» со всеми ее плюсами и минусами.

Что касается причин формирования польской диаспоры в Западной Сибири, то в рецензируемой монографии в основном повторяются и подтверждаются сформулированные польскими историками, советскими и современными отечественными исследователями выводы о том, что численность западносибирской колонии зависела от количества ссыльных и прибывших добровольно. Вместе с тем, как установил Л.К. Островский: «Из Сибири возвращались ссыльные, отбывшие свой срок, отработавшие обучение за казенный

² *Оплаканская Р.В., Савин А.В., Туманик Е.Н., Шостокович Б.С.* Поляки // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2010. Т. 2. С. 646.

³ *Жарова А.С.* Возникновение и развитие польской общины в Курганском уезде Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. канд. дис. Челябинск, 2015. С. 19.

счет в учебных заведениях, крестьяне и другие добровольные переселенцы, которые не смогли приспособиться к условиям жизни в Сибири. К сожалению, масштабы возвратного движения проследить крайне сложно» (с. 50). В результате Сибирь рассматривается как уникальное пространство для межэтнического диалога. Как заметила С. А. Мулина: «Под воздействием миграций в регионе формируется особый менталитет человека фронта, лояльно относящегося к чужеродной культуре. Однако сибирский „плавильный котел“ не только смешивал и нивелировал межэтнические отношения, но и создавал оригинальные, не встречающиеся в других регионах формы этнокультурного самосознания, усиливал и даже консервировал ранее слабо оформленные этнические общности»⁴.

Как мне представляется, Леонид Казимирович в своей работе отметил отсутствие у польской диаспоры рассматриваемого времени установки на инкорпорацию в сибирский социум. Уже тогда, когда польской общине не угрожала скорая ассимиляция, происходит смена механизмов адаптации. Диаспора перестает отвергать принимающее ее общество, снижает уровень национализма и устанавливает прочные связи с русским населением региона.

Среди мигрантов рассматриваемого периода преобладали рабочие и крестьяне, центрами концентрации которых являлись губернские (областные) города и поселения вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали. Увеличению числа польских рабочих способствовала политика властей, национализировавших Варшавско-Венскую ж.д. и увольнявших польских железнодорожников, вынужденных переселяться в Сибирь. Поляки внесли существенный вклад в развитие на новом месте маслоделия, часть из них компактно проживала в ряде сельских населенных пунктов, общее количество которых в Западной Сибири, по подсчетам автора, составило 130 (с. 129). Сыграли они важную роль и в развитии предпринимательства. Активно участвовали поляки в общественно-политической и культурной жизни региона, концентрируясь прежде всего при католических приходах и благотворительных объединениях, сыгравших консолидирующую роль в сохранении языка и этнических традиций. Первая мировая война 1914–1918 гг. и социальный катаклизм 1917–1920 гг. способствовали усилению этнической консолидации диаспоры и ее политической мобилизации.

Указанные выше этапы отличаются конспективным характером изложения, хотя основные процессы в развитии диаспоры охарактеризованы достаточно полно. Л.К. Островский упомянул о создании в Новониколаевске в первой половине 1919 г. 5-й дивизии польских стрелков под коман-

дованием полковника Русской императорской армии К. Румши. Она вошла в состав войск интервентов под командованием французского генерала М. Жанена. Этот сюжет сводится к констатации факта участия личного состава соединения в борьбе с партизанами и репрессиях против них. Учитывая, что Леонид Казимирович одним из первых реконструировал краткую историю дивизии, следовало бы упомянуть, что поляки оставили недобрую память у сибиряков. В Новониколаевске контрразведка дивизии была «самая свирепая», по определению современника, из всех действовавших в городе, в сентябре–ноябре 1919 г. ею проведены массовые аресты и расстрелы участников антиколчаковского подполья. Касаясь взаимоотношений с населением, управляющий Томской губернии 10 ноября того же года сообщал: «В Новониколаевске, где расквартировано значительное количество польских войск наблюдается сильное озлобление к полякам, вызванное их нетактичными выходками, самочинными обысками, кражами и нередко столкновениями с агентами русского правительства»⁵.

После окончания Гражданской войны в Западной Сибири были ликвидированы многочисленные польские общественные формирования, ведущую роль в повседневной жизни национальных общин стали играть немногочисленные сторонники РКП(б). После подписания 24 февраля 1921 г. соглашения о репатриации Сибирское представительство польской репатриационной комиссии в Новониколаевске зарегистрировало 58 329 чел., из которых право на репатриацию получило 25 386 поляков, что существенно уменьшило их численность в регионе. Тем не менее я не согласен с категорическим утверждением автора о кратковременности (до начала 1920-х гг.) польской диаспоры. Нельзя забывать о существовании в Сибири до начала 1930-х гг. национальных сельсоветов, клубов, землячеств, издании газет (в том числе польских), о сохранении традиционных контактов между жителями польских сельских поселений.

В целом монография Л.К. Островского «Поляки в Западной Сибири в конце XIX – первой четверти XX века», несмотря на высказанные мной замечания, вносит существенный вклад в изучение истории межнациональных отношений в Сибири, опыта возникновения и функционирования диаспор так называемых экстерриториальных народов и заслуживает положительной оценки.

М.В. Шиловский,

д-р ист. наук, профессор

Гуманитарного института

*Новосибирского государственного университета,
заведующий сектором Института истории СО РАН*

⁴ Мулина С.А. Мигранты поневоле: адаптация ссыльных участников Польского восстания 1863 года в Западной Сибири. СПб.: Алетейя, 2012. С. 25.

⁵ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. 5. Оп. 2. Д. 1525. Л. 73.

АНТРОПОЛОГИЯ СИБИРСКОЙ ТЫЛОВОЙ ДЕРЕВНИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ АЛТАЙСКИХ ИСТОРИКОВ: НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ

Рецензия на цикл публикаций, представленных в рамках проекта: Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации (РФФИ, № 15-31-01019-ОГН, руководитель Т.К. Щеглова).

Юбилейные торжества, посвященные празднику Победы в Великой Отечественной войне, актуализировали военную проблематику, породив новую волну дискуссий о формах исторической и культурной памяти, способах ее выражения и видах коммеморативных практик. Как пишут в этой связи авторы работы «Какое прошлое нужно будущему России», в современной России складывается «двухслойная модель исторического сознания» – героизированная версия государственного прошлого, внедряемая сверху, и формирующаяся снизу инфраструктура «локальной памяти», обусловленная желанием людей знать и помнить историю своей семьи, города и края¹.

Война как экстремальное состояние общества в основных своих историографических направлениях традиционно предстает либо через описание героизма, побед, либо сквозь призму страданий, лишений и горя². Минувший юбилей еще более противопоставил эти идеи, сторонники которых, несмотря на общее признание непреходящего значения Великой Победы над нацизмом, существенно расходятся в выводах и оценках ее последствий. Одни воспринимают воевавших исключительно как победителей, тогда как другие – преимущественно как жертв войны³.

Связанные с новыми памятными символами и практиками конфликты – относительно недавнее для российского общества явление. Вместе с тем такое направление, как военно-историческая антропология, в рамках которого на материале разных стран и эпох изучаются особенности сознания и поведения «человека воюющего», уверенно заявило о себе с начала 2000-х гг.⁴ Одним из очевидных следствий

антропологического поворота в исследованиях феномена войны стало смещение научного интереса с вопросов, связанных с историей и ходом военных действий, к «культуре войны» как таковой, изучению человека в условиях военной повседневности, особенностей его поведения и практик выживания, эмоций, оценок и восприятия им военного времени в целом.

Исключительно своевременным в связи с этим является реализованный под руководством Т.К. Щегловой проект, посвященный подвигу тыловой деревни Сибири. Поддержанное РГНФ исследование «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации» (проект № 15-31-01019) осуществлялось начиная с 2015 г. силами молодых сотрудников, аспирантов и магистрантов кафедры отечественной истории, а также Центра устной истории и этнографии Лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета. Ими опубликованы тематические сборники, статьи и научно-методические материалы⁵.

проблемы изучения / гл. ред., сост. Е.С. Сенявская. М.: РОССПЭН, 2006. 416 с.; и др.

⁵ Щеглова Т.К. Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в XX столетии: культура жизнеобеспечения в годы Великой Отечественной войны. Научные и методические материалы. Барнаул: «АЗБУКА», 2015. 132 с.; Устная история: жизненные стратегии и повседневные практики сельского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: сб. науч. стат. и источников / А.С. Кузнецов, А.А. Мазырина, А.В. Рыков и др.; отв. ред. Т.К. Щеглова. Барнаул: АлтГПУ, 2017. 230 с.; Щеглова Т.К. Система жизнеобеспечения сельского населения тыловой деревни Алтая в годы Великой Отечественной войны: повседневные адаптационные практики, замещающие технологии и жизненные стратегии (в программе Центра устной истории и этнографии, посвященной 70-летию Победы) // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. Барнаул: АлтГПУ, 2015. Вып. 10: Материалы X Междунар. науч.-практ. конф. С. 248–262; Щеглова Т.К. Собирачество как стратегия выживания и элемент системы жизнеобеспечения сибирской тыловой деревни в повседневных практиках военного времени 1941–1945 годов по устным историческим источникам // Былые годы. Рос. ист. журн. 2015. № 35. С. 174–184; Щеглова Т.К. Сусличи промыслы и система питания колхозной семьи русского населения в годы Великой Отечественной войны: участники, способы, орудия ловли // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. Павлодар; Барнаул: ПГПИ, АлтГПУ, 2016. Вып. 11.: Материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. С. 152–164; Щеглова Т.К. «Интимные» вопросы культуры жизнеобеспечения женщин сибирской деревни в годы Великой Отечественной войны: взаимодействие гендерной и устной истории в исследовании гигиены и санитарии // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур: Материалы Девятой Междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН. Смоленск; М.: СмолГУ; ИЭА РАН, 2016. Т. 2. С. 253–258; Щеглова Т.К. Моющие средства в системе жизнеобеспечения сельского населения сибир-

¹ Какое прошлое нужно будущему России. Аналитический доклад Вольного исторического общества по заказу Комитета гражданских инициатив. URL: <https://komitetgi.ru/analytics/3076/> (дата обращения: 01.08.2018).

² Грозное время. Война в зеркале человеческого восприятия / сост. В.В. Виноградов. Временник Зубовского института. СПб: РИИИ, 2011. Вып. 6. С. 5.

³ Архипова А., Доронин Д., Кирзюк А., Радченко Д., Соколова А., Титков А., Югай Е. Война как праздник, праздник как война: перформативная коммеморация Дня Победы // Антропологический форум. 2017. № 33. С. 106; и др.

⁴ См.: Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития / отв. ред., сост. Е.С. Сенявская. М.: РОССПЭН, 2002. 400 с.; Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления / гл. ред., сост. Е.С. Сенявская. М.: РОССПЭН, 2005. 464 с.; Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. Актуальные

Актуальность избранной темы определяется парадоксальным, на первый взгляд, обстоятельством: при всем внимании отечественной науки к проблемам Великой Отечественной войны изучение жизни и быта сельского тылового населения долгое время находилось на периферии исследовательского поля. Внимание российской историографии было направлено прежде всего на состояние армии, фронтовые события, подвиги рядового и офицерского состава. Применительно к восточным тыловым территориям ведущие темы были связаны с эвакуацией промышленных предприятий, научных, образовательных и культурных учреждений, развитием военного производства, а также непосредственной помощью сельского населения фронту, включая трудовой подвиг селян на полях и фермах. Вместе с тем, как подчеркивает Т.К. Щеглова, именно способность деревни без помощи государства (сосредоточившего все внимание на боевых действиях) не просто выжить, но стать материальной базой для города и фронта во многом определила исход военных сражений, явившись опосредованным фактором победы⁶.

В ходе реализации проекта основной проблемой, которую пришлось решать авторам, явилось отсутствие готовых, релевантных заявленной теме источников. Такая ситуация, по мнению участников исследования, определялась официальной политикой памяти с ее «культом» письменных архивных документов, информация в которых изложена унифицированным и анонимным языком властных структур. Ограниченные возможности государственных архивов, аккумулирующих информацию, необходимую для принятия преимущественно политико-управленческих и административных решений, не позволяют выявить сведения, касающиеся повседневной жизни сельского тылового населения, его бытового обустройства, решения проблем, связанных с питанием, одеждой, жилищем, отоплением, санитарией, гигиеной и т.п. Подобного рода сведения содержатся в принципиально иных источниках, которые создаются при обращении к коллективной и индивидуальной памяти очевидцев военной поры в ходе заранее подготовленных интервью с использованием подходов и технологий устной истории (Oral History). В течение многих лет Т.К. Щеглова занимается пропагандой данного направления. Неслучайно большое внимание в исследовании уделяется источникам устного происхождения, а именно –

ской тыловой деревни в условиях войны 1941–1945 гг. // Экстремальное в повседневной жизни населения России: региональный аспект (к 100-летию Русской революции 1917 г.): Материалы Междунар. науч. конф. СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2017. С. 263–269; Щеглова Т.К. Обеспечение зимней одеждой и обувью русского сельского населения Сибири в годы Великой Отечественной войны в контексте государственной политики раскрестьянивания // Том. журн. лингвистических и антропологических исследований. 2017. 1 (15). С. 70–80; Щеглова Т.К. «Рукотворные» кизяки и «нерукотворные» «глызы» (коровьи лепешки) и объедья в системе отопления крестьянского жилища (1930–1950 гг.) // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность: Материалы Междунар. науч. конф. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2018. Т. 1. С. 323–332. Все публикации представлены на посвященном проекту сайте. URL: <https://www.altspu.ru/history/kignak> (дата обращения 10.08.2018).

⁶ Щеглова Т.К. Этнография русского крестьянства... С. 3–4.

способам их создания и документирования, записи диалогов интервьюера и респондента, фиксации и оформлению полученной информации⁷.

Методологически важной представляется попытка авторов разграничить устную историю и близкую ей смежную дисциплину – полевую этнографию, которая также опирается на устные сведения, получаемые исследователем в ходе беседы, опроса или интервью. Согласно авторскому подходу, полевой этнограф работает с удаленной во времени антропологической информацией, которая хранится в коллективной памяти местного этнокультурного сообщества в виде «мифологизированных преданий, семейных легенд и былей», тогда как «устный историк» изучает относительно недавнее прошлое через индивидуальные «life stories» непосредственных участников или свидетелей исторических событий. Если в первом случае исследователю остается лишь «собрать» «существующую в готовом виде» информацию (поговорки, сказания, эпос, обрядовый фольклор и пр.), то во втором – необходимая информация «добывается» с помощью интервью и последующего документирования материалов. Созданная подобным образом источниковая база содержит не только фактологические, но и оценочные сведения, в которых отражены взгляды и исторические суждения конкретного респондента⁸. Многолетний опыт полевой этнографической работы не позволяет автору настоящей рецензии полностью согласиться с представленным методологическим разграничением (тем более, что сама этнография в данном случае практически смыкается с фольклористикой), однако в целом приведенная схема достаточно полно отражает специфику устной истории как наиболее адекватного источника и метода изучения сибирской тыловой деревни в условиях военного времени.

Формы и способы выживания жителей сибирского тыла представлены в исследовании как непрерывная борьба разных групп сельского населения с голодом и холодом. Стремясь уйти от обобщенных оценок, авторы рассматривают адаптивные практики русских сибиряков с привязкой к природно-географической среде и конкретным видам «кормящих ландшафтов» – будь то солончаковые степи, лесостепные районы, притаежная зона, предгорья Салаира или горы Большого Алтая⁹. Опора авторского коллектива на разработанную в отечественной этнографии концепцию жизнеобеспечения определила системный характер исследования. Наряду с классической триадой «жилище–одежда–пища» в публикациях характеризуются такие ее «подсистемы», как отопление, освещение, личная гигиена, санитария, народные лечебные практики, собирательство, ловчие промыслы и пр.¹⁰

⁷ Там же. С. 7, 9, 11.

⁸ Устная история... С. 46, 49. В этом отношении устная история очень близка такому социологическому направлению, как рефлексивное крестьяноведение, в рамках которого сельские жители выступают не только как объект, но и как участники научного анализа (имеющие свое понимание историко-социальных процессов и явлений), т.е., фактически становятся его соавторами. См.: Шанин Т. Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни // Рефлексивное крестьяноведение: десятилетие исследований сельской России. М.: МВШСЭН, 2002. С. 69–92.

⁹ Щеглова Т.К. Этнография русского крестьянства... С. 15.

¹⁰ Устная история... С. 34–35.

Глубокое погружение в местные реалии позволило исследователям выявить определенные закономерности, связанные, в частности, с перемещением ряда основных компонентов системы жизнеобеспечения на периферию и наоборот. Было показано, например, что из разряда главных продуктов в годы войны уходит хлеб, его сменяют съедобные суррогаты – мучные изделия с добавлением дикоросов (лебеда, крапива и пр.), а картофель переходит в категорию базовых продуктов питания. Вместе с тем, отмечено, что война лишь закрепила тенденцию, которая наметилась в 1930-е гг. с ликвидацией единоличных хозяйств. Именно коллективизация, сопровождавшаяся трансформацией семейного земледелия в огородничество в рамках личного приусадебного хозяйства, привела к уменьшению в крестьянском рационе доли зерновых и массовому распространению посадок картофеля¹¹. Такие заместительные технологии подробно анализируются на примере других суррогатных продуктов – топлива (вместо дров – бурьян, полынь, кизяк, шишки, коровьи «глызды»), строительных материалов (вместо леса – глина, солома, дерн, камыш, валежник), белковой пищи (вместо мяса домашних животных – субпродукты охоты на полевых грызунов) и пр.

Учитывая сложный состав и неоднородную структуру сельского тылового социума Сибири, его этнокультурную дробность (сохранение традиций старожилов, казаков, чалдонов, кержаков, столыпинских переселенцев), начальное социальное расслоение (работники колхозов, совхозов, МТС и представители новой советской и партийной номенклатуры, а также разные категории местного и пришлого населения, включая депортированных и спецпереселенцев), авторы подчеркивают, что каждая из перечисленных групп вырабатывала свои стратегии выживания и собственные способы обеспечения своих базовых жизненных потребностей¹². Так, был сделан вывод, что в годы войны промысел сусликов стал массовой жизненной стратегией таких взаимосвязанных социовозрастных групп нетрудоспособного населения, как «дети войны» и поколение стариков (бабушек и дедушек). Причем в работе подробно описаны сезонные рамки промысла, состав участников, промысловые орудия (капканы, петли из конского волоса), способы ловли грызунов (выкуривание

и выливание из нор водой) и даже рецепты введения субпродуктов сусличьего промысла в систему семейного и бригадного питания на полевых станках¹³.

Один из наиболее значимых выводов исследования связан с обоснованием архаичного характера заместительных технологий, ориентированных на присваивающий тип хозяйства, независимо от сферы применения – будь то актуализация традиций освоения кормящего ландшафта (охота, рыболовство, собирательство), использование доступных природных материалов в строительстве или усиление роли домашних ремесел и промыслов (пряжение, ткачество и пр.). Архаизация стала ведущим трендом, характерным для всей системы жизнеобеспечения сельского тылового населения в годы войны¹⁴. Истоки данного явления авторы справедливо усматривают в процессах, получивших развитие десятилетием ранее и связанных с коллективизацией, сопровождавшейся «раскрестьяниванием» всего сельского населения. Форсированная модернизация в сфере сельскохозяйственного производства парадоксальным образом обернулась архаизацией в сфере жизнеобеспечения. По этой причине представляется не совсем корректным оценивать актуализацию архаичных технологий в жизни сельского тыла в годы войны как «возвращение к традиционной культуре»¹⁵. Точнее было бы обозначить данный процесс как формирование культуры *квазитрадиционного* типа (что не противоречит выводам авторов о высоком адаптационном потенциале русской культурной традиции).

В заключение следует подчеркнуть, что выполненное алтайскими историками под руководством Т.К. Щегловой исследование носит не только актуальный, но и новаторский характер. Построенное на устных свидетельствах очевидцев военной поры, оно по-новому раскрывает особенности жизни и быта сибирской тыловой деревни, расширяя понятие «Великой Победы» и воздавая должное гражданскому мужеству рядовых тружеников сибирского сельского тыла.

*Г.В. Любимова,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт археологии и этнографии СО РАН
e-mail: terra-gl@mail.ru*

¹¹ Щеглова Т.К. Этнография русского крестьянства... С. 14.

¹² Там же. С. 22.

¹³ Щеглова Т.К. Сусличьи промыслы... С. 152–164.

¹⁴ Устная история... С. 32. Аналогичные тенденции проявлялись не только в материальной сфере. Исследователи военного фольклора отмечают, что интерпретация некоторых военных событий с течением времени «приобретает мифологический характер», а «поведение людей на фронте обнаруживает крайне архаические модели восприятия действительности». См.: Грозное время... С. 5, 6.

¹⁵ Щеглова Т.К. Этнография русского крестьянства... С. 29.

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЛАДИМИРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ЗВЕРЕВА

Владимир Александрович Зверев – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Новосибирского государственного педагогического университета, главный научный сотрудник сектора историко-демографических исследований Института истории СО РАН, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.

Родился 21 февраля 1949 г. в с. Верхне-Фёдоровка Таштыпского района Красноярского края (сейчас это Республика Хакасия). В 1972 г. с отличием окончил историко-педагогический факультет Новосибирского государственного педагогического института. В 1982 г. окончил аспирантуру в родном вузе на кафедре истории СССР (научный руководитель – д-р ист. наук, проф. Е. И. Соловьёва). Влияние на формирование научного мировоззрения и профессиональной позиции оказали также историк Л. М. Горюшкин, философ В. П. Тыщенко, педагог Е. А. Васильев, исторические труды А. Г. Вишневского, Б. Н. Миронова. В 1982 г. защитил в Новосибирском государственном университете кандидатскую диссертацию «Русская крестьянская семья в Сибири конца XIX – начала XX в.» по специальности «История СССР». В 1992 г. окончил докторантуру в Институте истории СО РАН, где защитил в 1992 г. докторскую диссертацию «Воспроизводство сельского населения Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.)» по специальности «Отечественная история» (научный консультант – чл.-кор. РАН Л. М. Горюшкин). В 1994 г. утверждён в учёном звании профессора по кафедре отечественной истории.

Преподавательская деятельность В. А. Зверева, которую он начинал в 1966 г. в должности сельского учителя в Хакасии, была продолжена в школах Оренбуржья, а с 1976 г. связана в основном с Новосибирским государственным педагогическим университетом (НГПУ), где он прошёл путь от ассистента до профессора, заведующего кафедрой. По совместительству в 2001–2004 гг. он был также профессором гуманитарного факультета НГУ. Преподавал такие образовательные курсы, как новая история России, введение в историческую науку, историческая демография, этнология, региональная и локальная история, междисциплинарные подходы в исторических исследованиях и др. Яркая отличительная черта в педагогической позиции Владимира Александровича – стремление обеспечить тесную связь обучения истории в общеобразовательной и высшей профессиональной школе, активизировать проектно-исследовательскую деятельность студентов и школьников.

Его научные и научно-методические интересы касаются социальной истории, исторической демографии, исторической этнографии, книговедения, краеведения, теории и методики обучения истории. круг его исследований включает такие темы, как: 1) поздние традиционные формы и ранние этапы модернизации социальной организации, демографической сферы, культуры и образа жизни русского населе-

ния Сибири во второй половине XIX – первой трети XX в.; 2) проблемы обучения региональной и локальной истории Сибири в школе и вузе. В.А. Зверев является автором двух десятков монографий и учебных пособий для высшей и общеобразовательной школы, в том числе монографии: «Люди детные: воспроизводство населения сибирской деревни в конце имперского периода» (2-е изд. – 2014 г.), «Как Сибирь училась читать: школа, грамотность и книга в русской деревне конца XIX – начала XX в.» (в соавторстве с супругой К.Е. Зверевой, 2013 г.). Общее количество опубликованных научных и научно-методических работ – более 400. Наиболее яркие достижения учёного связаны с созданием программы исторического изучения социального образа жизни людей на личностном и групповом уровнях; исследованиям на теоретическом и конкретно-историческом уровнях проблем физического и социокультурного воспроизводства населения Сибири в досоветский период; разработкой комплексной характеристики начальной фазы демографического перехода в восточных регионах Российской империи; участием в создании и содержательном наполнении концепции национально-регионального компонента исторического образования в школах Сибири и Новосибирской области.

Под научным руководством Владимира Александровича защищено девять кандидатских диссертаций. Он являлся научным консультантом Н.Н. Родигиной, Т.Г. Недзельюк, Е.И. Красильниковой при выполнении ими докторских диссертаций. В.А. Зверев – член редакционных коллегий журналов «Гуманитарные науки в Сибири» и «Сибирский педагогический журнал», редакционного совета журнала «Вестник Новосибирского государственного педагогического университета». Эксперт Российского фонда фундаментальных исследований, Российского научного фонда. Член диссертационных кандидатских советов по истории при Омском государственном педагогическом университете (1993–2000), при Новосибирском государственном университете (1995–2000), по библиотекведению, библиографоведению и книговедению при Государственной публичной научно-технической библиотеке СО РАН (2008–2013 гг.), диссертационных докторских советов по педагогике и психологии при Новосибирском государственном педагогическом университете (2001–2011), при Омском государственном педагогическом университете с 2001 г. по настоящее время. Руководитель научной школы НГПУ «История Сибири в образовательном, социальном и ментальном измерениях». Научный руководитель магистерской программы «Историческое образование (отечественная история)» по направлению подготовки «Педагогическое образование» в этом же вузе.

Заслуги В.А. Зверева перед наукой и образованием неоднократно отмечались государством и обществом. Правительство страны наградило его почетным знаком «Отличник народного просвещения Российской Федерации» (1995), он является Заслуженным работником высшей школы Рос-

сийской Федерации (2006); правительство области достойно оценило труд ученого, наградив его памятной медалью «За вклад в развитие Новосибирской области» (2012) и юбилейной медалью «80 лет Новосибирской области»; мэрия Новосибирска – памятными знаками «За труд на благо города» в честь 110-й, 115-й, 120-й и 125-й годовщин основания города на Оби и «за большой личный вклад в воспитание талантливой молодежи Новосибирска». Сибирское межрегиональное отделение Национального фонда «Общественное признание» в 2009 г. удостоило В.А. Зверева званием кавалера золотого почетного знака «Достояние Сибири» в номинации «Наука и образование» за большой личный вклад в развитие исторической науки в Сибири. В 2018 г. губернатор наградил авторский коллектив учебного пособия «История Новосибирской области», в том числе В.А. Зверева, государственной премией региона «за значительный вклад

в развитие исторического образования, патриотическое воспитание учащихся общеобразовательных школ Новосибирской области».

В день юбилея мы желаем Вам, Владимир Александрович, многих лет жизни, наполненных новыми проектами, яркими победами и достижениями. Пусть каждый новый день дарит удачу, хорошие вести, открывает перед Вами новые возможности и наполняет уверенностью в завтрашнем дне! Пусть все лучшее, что сделано Вами, получит дальнейшее развитие в работе Ваших коллег и многочисленных учеников! Желаем Вам крепкого здоровья, счастья, новых дорог, любви и оптимизма! Пусть живительным и не иссякающим источником Вашей энергии будут улыбки и радость родных и близких Вам людей!

Коллеги и ученики юбиляра

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ (Требования к статьям и сообщениям)

1. Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям:

- отечественная история;
- историография, источниковедение и методы исторического исследования;
- археология;
- этнография, этнология, антропология.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии, письма, заметки, краткие научные сообщения.

В случае, если статья подготовлена коллективом авторов, то в его состав должны входить только те авторы, которые внесли значительный вклад в данное исследование.

Главная тема статьи не должна быть опубликована в других изданиях.

Авторы должны соблюдать правила цитирования, гарантировать подлинность и корректность приводимых данных.

2. Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, которые выпускаются в Российской Федерации и в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. Журнал также включен в Международные базы данных Ulrichs и EBSCO, а также в рассылку Международной компании «East View Information Services, Inc.»

3. Автор предоставляет:

- текст статьи в файле формата Microsoft Word (файлы с расширением doc, docx или rtf); название файла включает фамилию автора и дату отправления статьи, например, Иванов_28-02-2015;
- индекс УДК;
- данные об авторе: фамилия, имя, отчество, степень, звание, должность, место работы (полное и краткое название организации, адрес с почтовым индексом), электронный адрес автора. Сведения об авторе даются на русском и английском языках;
- название статьи с англоязычным переводом;
- аннотацию статьи объемом не более 800 знаков без перевода;
- ключевые слова на русском и английском языке (не менее 10);
- реферат статьи объемом около 2 тыс. знаков с англоязычной версией (2 тыс. знаков), подготовленной профессиональным переводчиком. Реферат включает название, цель статьи, характеристику проблемного поля, описание методов и методологии исследования, информацию об основных научных результатах. Реферат на русском языке не публикуется.

Объем статьи не должен превышать 30 тыс. знаков (подсчет с пробелами) с учетом сведений об авторе, аннотации, англоязычной версии реферата, сносок, таблиц и рисунков.

Объем информационных заметок и рецензий составляет не более 10 тыс. знаков.

Статьи и другие материалы для публикации направляются в электронном виде по e-mail: gumnauki@gmail.com

Правила оформления и рецензирования статей см.: http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm

4. К изданию принимается от автора не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с авторов за публикацию не взимается.

Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректурa не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

5. В издательской деятельности журнал руководствуется Гражданским кодексом Российской Федерации, гл. 70 «Авторское право».

Автор статьи обязан соблюдать международные принципы научной публикационной этики. Редакция оставляет за собой право проверять текст статьи с помощью системы «Антиплагиат».

6. Направляя статью в редакцию журнала, автор (соавторы) на безвозмездной основе передает(ют) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ исключительное право на использование статьи или отдельной ее части (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных конвенций являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (а также исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на передачу всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Одновременно с представлением статьи автор (соавторы) направляет в редакцию подписанный лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале. Подписанный автором (соавторами) договор можно присылать в отсканированном виде электронной почтой.

Web-страница журнала на сайте Института истории СО РАН: http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm; <http://www.hssiberia.info/> и сайте Издательства Сибирского отделения РАН: <http://www.sibran.ru/journals/GNvSib/>.

Полная текстовая версия выставляется e-library.ru.